

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

ЭЛИНОР ПОРТЕР

ПОЛЛИАННА

Annotation

Роман «Поллианна» был написан американской писательницей Элинор Портер в 1912 году. Почти детективные повороты сюжета, психологическая точность, с которой автор создает образы, — все это неизменно привлекает к книге внимание читателей вот уже нескольких поколений.

- [Элинор Портер](#)
 - [Глава 1. Мисс Полли](#)
 - [Глава 2. Старый Том и Ненси](#)
 - [Глава 3. Приезд Поллианны](#)
 - [Глава 4. Комнатка на чердаке](#)
 - [Глава 5. Игра](#)
 - [Глава 6. Вопрос долга](#)
 - [Глава 7. Поллианна и наказания](#)
 - [Глава 8. Поллианна наносит визит](#)
 - [Глава 9, в которой рассказывается о Мужчине](#)
 - [Глава 10. Сюрприз для миссис Сноу](#)
 - [Глава 11, знакомящая с Джимми Бином](#)
 - [Глава 12. Перед дамами из благотворительного комитета](#)
 - [Глава 13. В лесу на Пендлетон-Хилл](#)
 - [Глава 14. Вопрос о телячьем студне](#)
 - [Глава 15. Доктор Чилтон](#)
 - [Глава 16. Красная роза и кружевная шаль](#)
 - [Глава 17. «Совсем как в книжке»](#)
 - [Глава 18. Хрустальные подвески](#)
 - [Глава 19, вызывающая некоторое удивление](#)
 - [Глава 20, вызывающая еще большее удивление](#)
 - [Глава 21. Ответ становится ясен](#)
 - [Глава 22. Проповеди и дровяные сараи](#)
 - [Глава 23. Несчастный случай](#)
 - [Глава 24. Джон Пендлетон](#)
 - [Глава 25. Игра в ожидание](#)
 - [Глава 26. Приоткрытая дверь](#)
 - [Глава 27. Два визита](#)
 - [Глава 28. Игра и ее участники](#)
 - [Глава 29. Через открытое окно](#)

- [Глава 30. Джимми встает у руля](#)
 - [Глава 31. Новый дядя](#)
 - [Глава 32. Письмо Поллианны](#)
-

Элино́р Порте́р
Поллианна

Глава 1. Мисс Полли

В это июньское утро мисс Полли Харрингтон вошла в кухню своего дома с несвойственной ей поспешностью. Обычно движения ее были неторопливы; она очень гордилась своей выдержкой. Но сегодня она спешила. Действительно спешила.

Ненси, мывшая посуду в раковине, с удивлением подняла глаза. Она работала у мисс Полли всего лишь два месяца, но уже заметила, что ее хозяйка никогда не спешит.

— Ненси!

— Да, мэм, — ответила Ненси с готовностью, но продолжая при этом вытирать кувшин, который держала в руках.

— Ненси! — Теперь голос мисс Полли звучал сурово. — Когда я говорю с тобой, ты должна прервать работу и выслушать меня внимательно.

Ненси покраснела до ушей и сразу же отставила в сторону кувшин прямо вместе с тряпкой, которой его вытирала, отчего он чуть не опрокинулся, что еще больше смутило ее.

— Да, мэм... хорошо мэм, — пробормотала она, одновременно возвращая равновесие кувшину и торопливо оборачиваясь к хозяйке.

— Я продолжала работу только потому, что сегодня утром вы велели мне поскорей управиться с посудой. Вы ведь помните?

Мисс Полли нахмурилась:

— Довольно, Ненси. Я не требую объяснений. Я требую внимания.

— Да, мэм. — Ненси подавила вздох. Мысленно она спрашивала себя, удастся ли ей когда-нибудь угодить этой женщине.

Ненси никогда прежде не работала «у чужих», но, так как ее больная мать неожиданно овдовела и осталась с нею и тремя младшими детьми на руках, она как старшая оказалась вынуждена пойти работать, чтобы поддержать семью. И она была очень довольна, когда нашла место служанки в большом доме, стоявшем на холме в шести милях от Перепутья, как называлась родная ферма Ненси. Раньше она знала мисс Полли только как хозяйку старого имения Харрингтонов и одну из самых богатых жительниц городка. Так было два месяца назад, а теперь она знала мисс Полли как строгую, сурового вида женщину, которая хмурилась всякий раз, когда со стуком падал на пол нож или хлопала дверь, и никогда не улыбалась, даже если ножи и двери вели себя тихо.

— Когда ты справишься со своей утренней работой, Ненси, — продолжила мисс Полли, — освободи маленькую комнату на чердаке и постели там раскладную кровать. Подмети пол и вытри пыль. Разумеется, все это после того, как вынесешь оттуда чемоданы и коробки.

— Хорошо, мэм. А куда я должна их вынести?

— На чердак над парадным входом. — Мисс Полли заколебалась, но потом добавила: — Я думаю, что могу сказать тебе это сейчас, Ненси. Приезжает моя племянница, мисс Поллианна Уиттиер. Она будет жить у меня. Ей одиннадцать лет, и она будет спать в этой комнате.

— Девочка... приедет сюда? Ах, как хорошо! — воскликнула Ненси, подумав о своих младших сестрах, присутствие которых, словно солнцем освещало дом в Перепутье.

— Хорошо? Ну, я не стала бы употреблять такое слово, — возразила мисс Полли холодно. — Но, разумеется, я намерена сделать все, что в моих силах. Я полагаю, что я добрая женщина, и знаю, в чем заключается мой долг.

Ненси залилась ярким румянцем.

— Конечно, мэм. Я только подумала, что маленькая девочка могла бы... скрасить вам жизнь, — запинаясь, произнесла она.

— Спасибо за заботу, — ответила мисс Полли сухо. — Однако не могу сказать, чтобы я видела в этом какую-то настоятельную необходимость.

— Но, конечно, вы... вы рады ей... вашей родной племяннице, — отважилась заметить Ненси, смутно чувствуя, что следует тем или иным образом подготовить благожелательный прием для этой неизвестной маленькой и одинокой девочки.

Мисс Полли высокомерно вздернула голову:

— Право же, Ненси, я не вижу причины особенно радоваться из-за того, что мне случилось иметь сестру, которая оказалась настолько глупа, чтобы выйти замуж и родить на этот свет, и без того уже перенаселенный, совершенно ненужных детей, а мне придется о них заботиться. Впрочем, как я уже сказала, я знаю, в чем заключается мой долг. Не забудь особенно тщательно вымести в углах, Ненси, — закончила она резким тоном, покидая кухню.

— Хорошо, мэм, — вздохнула Ненси, берясь за не вытертый досуха кувшин, теперь уже совсем остывший, так что его пришлось снова ополаскивать горячей водой, чтобы легче было вытереть.

Вернувшись в свою комнату, мисс Полли снова достала письмо, которое пришло за два дня до этого из далекого западного городка и которое оказалось для нее таким неприятным сюрпризом. В этом письме,

адресованном мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт, содержалось следующее:

«Сударыня,

с прискорбием сообщаю Вам, что две недели назад скончался преподобный пастор Джон Уиттиер, оставив сиротой дочку одиннадцати лет. Имущества он никакого не имел, за исключением нескольких книг, потому что, как Вам, без сомнения, известно, он служил пастором в нашей маленькой миссионерской церкви и получал весьма скудное жалованье.

Насколько мне известно, он был мужем Вашей покойной сестры, но, как он дал мне понять, Ваши семьи были далеко не в лучших отношениях между собой. Тем не менее он полагал, что в память о Вашей сестре Вы, возможно, захотите взять на себя заботу о девочке и воспитать ее среди родственников на востоке. Поэтому я и пишу Вам.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к переезду, и если Вы можете взять ее, то просим безотлагательно нас об этом уведомить, так как в скором времени одна супружеская пара отправляется из наших мест на восток и они могли бы взять девочку с собой в Бостон, а там посадить ее на поезд до Белдингсвилла. Разумеется, мы сообщим Вам, в какой день и каким поездом прибудет Поллианна.

С надеждой на быстрый и благоприятный ответ остаюсь с почтением

Иеремия О. Уайт».

Нахмурившись, мисс Полли свернула письмо и сунула его обратно в конверт. Она ответила на него вчера; написала, что конечно же возьмет ребенка. Она надеется, что хорошо понимает, в чем заключается ее долг в данном случае! Хотя исполнение его и будет неприятным.

И теперь, когда она сидела с этим письмом в руках, мысли ее обратились к прошлому — к тому времени, когда ее двадцатилетняя сестра Дженни, вопреки возражениям всей семьи, настояла на своем браке с молодым священником. Был тогда и другой, богатый человек, который хотел жениться на ней, и ему отдавали предпочтение все Харрингтоны, но не сама Дженни. Этот богатый жених был и старше, и денег имел больше, что говорило в его пользу. А у пастора не было ничего, кроме молодости,

любящего сердца и головы, полной юношеских идеалов и энтузиазма, но Дженни предпочла именно это, что, впрочем, вполне естественно. А потому она вышла замуж за пастора и уехала с ним в один из южных штатов, куда он отправился миссионером.

Тогда и произошел разрыв. Мисс Полли хорошо помнила эти события, хотя в то время ей, самой младшей в семье, было только пятнадцать лет. После этого семью почти ничто не связывало с женой миссионера. Правда, Дженни писала им иногда и даже назвала свою последнюю дочку Поллианна в честь своих сестер, Полли и Анны, — остальные дети Дженни умерли в младенчестве. Это была последняя весточка от нее, а через несколько лет сам пастор в коротком, но горестном письме, отправленном из маленького городка на западе страны, сообщил о ее смерти.

Между тем и для обитателей большого дома на холме время не стояло на месте. Мисс Полли, глядя из окна на простирающуюся внизу долину, думала о переменах, которые за эти двадцать пять лет произошли в ее жизни. Теперь ей было сорок, и была она совсем одна на свете. Отец, мать, сестры — все умерли. Уже давно она стала единственной хозяйкой большого дома Харрингтонов и денег, оставленных ей отцом. Были люди, которые открыто жалели ее, сокрушались из-за ее одиночества и уговаривали взять к себе в дом какую-нибудь подругу или компаньонку. Но мисс Полли оставалась равнодушной и к их сочувствию, и к их советам. Она говорила, что совсем не чувствует себя одинокой, что ей нравится жить одной, что она всему предпочитает покой. Но теперь...

Мисс Полли поднялась, брови ее были по-прежнему сдвинуты, а губы плотно сжаты. Ей, конечно, было приятно сознавать, что она добрая женщина и не только знает, в чем состоит ее долг, но и обладает достаточной силой воли, чтобы его исполнить. Но... Поллианна! Какое смешное имя!

Глава 2. Старый Том и Ненси

В маленькой комнате на чердаке Ненси яростно мела и скребла пол, уделяя особое внимание углам. Бывали, разумеется, моменты, когда пыл, с которым она относилась к своей работе, проистекал не столько от усердия, сколько от желания дать выход чувствам. Ненси, несмотря на обычную пугливую покорность своей хозяйке, отнюдь не отличалась терпением святой.

— Хотела бы... я... вычистить... и углы... в ее... душе! — бормотала она отрывисто, подкрепляя каждое слово свирепым движением своей жесткой швабры. — А многие из них не мешало бы почистить, именно так, именно так! Хорошенькая идея, ничего не скажешь, затолкать бедного ребенка в эту маленькую раскаленную солнцем каморку! А зимой она даже и не отапливается! И это когда в доме полно отличных комнат, только выбирай! Ненужные дети, тоже мне! Хм! — ворчала Ненси, выжимая тряпку с такой силой, что даже пальцы у нее заныли. — А я думаю, что это совсем не дети — самые ненужные, не дети, не дети!

Некоторое время она трудилась в молчании, а затем, закончив уборку, оглядела голую комнатку с явным отвращением.

— Ну, все готово... по крайней мере, мое дело сделано, — вздохнула Ненси. — Пыли тут теперь нет... да и почти ничего другого тоже! Бедняжка! Ну и выбрали место для одинокой, истосковавшейся по семейному очагу сиротки! — заключила она и вышла, хлопнув дверью. — Ох! — тут же вскрикнула, закусив губу. Но потом добавила запальчиво: — Ну и пусть, мне все равно! Я даже надеюсь, что она слышала, надеюсь, да, да!

После обеда Ненси улучила минутку, чтобы поговорить со Старым Томом, садовником, который с незапамятных времен пропалывал клумбы и разравнивал дорожки в саду этого дома.

— Мистер Том, — начала Ненси торопливо, бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, — а вы знаете, что сюда приезжает маленькая девочка и будет жить у мисс Полли?

— Э... кто? — спросил старик, с трудом распрямляя согнутую спину.

— Девочка... будет жить у мисс Полли.

— Рассказывай кому-нибудь другому, — недоверчиво усмехнулся Том. — Ты бы еще мне сообщила, что солнце завтра зайдет на востоке.

— Но это правда. Мисс Полли сама мне сказала, — настаивала

Ненси. — Это ее племянница, ей одиннадцать лет.

Старик разинул рот от удивления.

— Да-а!.. Интересно, — пробормотал он, и вдруг в его выцветших глазах засветилась нежность. — Не может быть... но, должно быть, это... дочка мисс Дженни! Только она одна из сестер вышла замуж. Да, да, Ненси, это, должно быть, дочка мисс Дженни. О, слава Богу! Подумать только, что я увижу такое на старости лет!

— А кто была эта мисс Дженни?

— Ангел, сошедший с небес, — прошептал старик с глубоким чувством, — но для старого хозяина с хозяйкой она была старшей дочкой. Ей было двадцать, когда она вышла замуж и уехала далеко отсюда... много лет назад. Как я слышал, все ее дети умерли, кроме последнего ребенка. Вот эта девочка, наверное, и приезжает.

— Ей одиннадцать лет.

— Да, похоже, — кивнул старик.

— А спать ей придется на чердаке... Да как ей не стыдно! — возмутилась Ненси, еще раз оглянувшись на дом.

Старый Том сдвинул брови. Но в следующую минуту странная улыбка тронула его губы.

— Интересно, — сказал он, — что мисс Полли будет делать с ребенком?

— Хм! А мне интересно, что ребенок будет делать с мисс Полли! — огрызнулась Ненси.

Старик засмеялся:

— Боюсь, не очень-то ты любишь мисс Полли.

— Как будто кто-то может ее любить! — презрительно отозвалась Ненси.

Старый Том загадочно улыбнулся, склонился и снова занялся прополкой.

— Похоже, ты ничего не знаешь о любовной истории мисс Полли, — процедил он сквозь зубы.

— Любовная история... это у нее-то? Нет, не слыхала... и никто другой, думаю, не слыхал.

— Слыхали, слыхали, — возразил старик. — Он и теперь живет здесь, в нашем городке.

— Это кто же такой?

— Этого я не скажу. Не должен я этого говорить. — Старик снова выпрямился. В его тусклых голубых глазах, устремленных на дом, светилась явная гордость за семью, которой он верно служил и которую

любил много лет.

— Но это кажется просто невероятным... Она и любимый! — по-прежнему настаивала Ненси.

Старый Том покачал головой.

— Ты не знаешь мисс Полли так, как я ее знаю, — возразил он. — Она была настоящей красавицей. Да и сейчас была бы, если бы захотела.

— Красавица? Мисс Полли?

— Да, говорю тебе! Если бы она только распустила волосы свободно и небрежно, как прежде, да надела бы такую шляпку с цветочками да платье из белых кружев, ты бы увидела, что она красавица! Мисс Полли еще не старая, Ненси.

— Не старая? Да ну? Значит, она очень хорошо притворяется, очень, очень! — презрительно фыркнула Ненси.

— Да, — кивнул Старый Том. — Это началось, когда вышли неприятности с ее любимым. Так с тех пор и кажется, будто питается она лишь полынью да осотом — такая она желчная и колючая, что трудно ее выносить.

— Да уж, — заявила Ненси раздраженно, — никак на нее не угодишь, как ни старайся! Если б не жалованье да голодные рты дома, я бы и минуты здесь не осталась. Но когда-нибудь я уж все выложу, что у меня на душе, и, разумеется, придется мне тогда распрощаться с этим домом. Так и будет, так и будет.

Старый Том снова покачал головой.

— Да, я знаю. У меня тоже было такое чувство. Это естественно... но это не лучший выход, детка, не лучший. Поверь мне, не лучший. — И он опять склонил свою седую голову над клумбой.

— Ненси! — раздался вдруг резкий голос.

— Д-да, мэм! — запнувшись, откликнулась Ненси и поспешила к дому.

Глава 3. Приезд Поллианны

Телеграмма, извещавшая о том, что Поллианна прибудет в Белдингсвилл на следующий день, 25 июня, в четыре часа, была получена вовремя. Мисс Полли прочитала ее, нахмурилась, затем поднялась по лестнице в комнату на чердаке. Лицо ее не прояснилось, когда она огляделась кругом.

В комнате стояли аккуратно застеленная кровать, два стула с прямыми жесткими спинками, умывальник, комод без зеркала и небольшой стол. Не было ни штор на мансардных окнах, ни картинок на стенах. Солнце целый день калило крышу, и от этого в маленькой комнате было жарко как в печке. Так как на окнах не было сеток, их не открывали. Большая муха с сердитым жужжанием билась в одно из окон, вверх и вниз, вверх и вниз, тщетно пытаясь выбраться наружу.

Мисс Полли убила муху и выкинула ее в окно, чуть-чуть приоткрыв для этого раму, передвинула один из стульев, снова насупила брови и вышла из комнаты.

— Ненси, — сказала она спустя несколько минут, остановившись на пороге кухни. — Я нашла муху наверху в комнате мисс Поллианны. Вероятно, там открывали окно. Я заказала сетки на окна, но, пока они не готовы, я поручаю тебе проследить, чтобы окна оставались закрытыми. Моя племянница приезжает завтра в четыре часа. Я хочу, чтобы ты встретила ее на станции. Тимоти отвезет тебя на двуколке. В телеграмме говорится: светлые волосы, полотняное платье в красную клетку и соломенная шляпа. Это все, что мне известно, но я думаю, по этим приметам ты сумеешь ее узнать.

— Хорошо, мэм. Но... вы...

Мисс Полли, очевидно, правильно поняла смысл последовавшей за этим паузы, потому что сказала решительно:

— Нет, я не поеду. Не вижу в этом необходимости. Это все. — Она повернулась и ушла. Заботы мисс Полли об удобствах ее племянницы, Поллианны, на этом были завершены.

В кухне Ненси рывками, с раздражением водила утюгом по кухонному полотенцу.

— Светлые волосы, полотняное платье в красную клетку и соломенная шляпа... Все, что ей известно! Вот уж действительно! Мне было бы стыдно, да, стыдно! Ее единственная племянница, которая едет сюда через

весь континент!

На следующий день ровно без двадцати четыре Тимоти и Ненси выехали в открытой двуколке на станцию, чтобы встретить ожидаемую гостью. Тимоти был сыном Старого Тома. Иногда в городке говорили, что если Том — правая рука мисс Полли, то Тимоти — ее левая рука. Тимоти был добродушный и к тому же симпатичный парень. И хотя Ненси появилась в доме мисс Полли совсем недавно, она уже успела с ним подружиться. Сегодня, однако, она была настолько преисполнена сознанием важности стоящей перед ней задачи, что забыла о своей обычной разговорчивости, а потому доехала до станции почти в полном молчании. Она вылезла из двуколки и вышла на перрон, снова и снова мысленно повторяя: светлые волосы, платье в красную клетку, соломенная шляпа. И снова и снова пыталась она представить, какой же окажется эта Поллианна.

— Надеюсь, для ее же блага, что она спокойная и разумная, не роняет ножей и не хлопает дверьми, — со вздохом обратилась она к Тимоти, который неторопливо подошел к ней.

— Ну а если она не такая, то неизвестно, что станет со всеми нами, — усмехнулся Тимоти. — Вообрази: мисс Полли и шумный ребенок... О, свисток поезда! Слышишь?

— Ох, Тимоти, я... я думаю, это так гадко, что она не поехала, а послала меня, — пробормотала неожиданно испугавшаяся Ненси, поворачиваясь и торопливо направляясь к тому месту на платформе, откуда лучше всего можно было видеть пассажиров, высадившихся на маленькой станции.

Вскоре Ненси увидела ее — худенькую невысокую девочку в полотняном платье в красную клетку и со спускающимися на спину двумя толстыми косами, светлыми как лен. Из-под соломенной шляпы выглядывало оживленное веснушчатое личико, поворачивавшееся то направо, то налево, очевидно в поисках кого-то.

Ненси узнала ее сразу, но несколько мгновений не могла овладеть своими дрожащими коленями, чтобы подойти к ней. Когда наконец Ненси приблизилась, девочка стояла на платформе уже совсем одна.

— Вы мисс... Поллианна? — запинаясь, выговорила Ненси и в следующий момент уже задыхалась в объятиях худеньких рук в рукавах в красную клетку.

— О, я так рада, рада, рада, что тебя вижу, — зазвенел ликующий голосок прямо ей в ухо. — Конечно, я Поллианна, и я так рада, что ты за мной приехала! Я знала, что ты приедешь!

— Зна... знала? — пробормотала Ненси растерянно, не понимая, как Поллианна могла ее узнать и даже обрадоваться ей. — Знала? — повторила она, пытаясь поправить свою съехавшую набок шляпу.

— О да! И я всю дорогу пыталась представить, как ты выглядишь! — закричала девочка, пританцовывая на цыпочках и разглядывая смущенную Ненси с головы до ног. — А теперь я знаю, и я рада, что ты выглядишь именно так, как ты выглядишь.

Слова Поллианны в высшей степени смутили Ненси, но, к счастью, в этот момент к ним подошел Тимоти.

— Это Тимоти. Может, у тебя есть чемодан? — нерешительно спросила Ненси.

— Да, есть. — Поллианна важно кивнула. — У меня новый сундучок. Мне его купили дамы из благотворительного комитета. Правда, это было очень мило с их стороны? Ведь они так хотели купить на эти деньги ковер для церкви. Конечно, я не знаю, какой кусок красного ковра можно купить на те же деньги, что и сундучок... но, наверное, все-таки какой-то можно, ну, например, на половину прохода между рядами, как ты думаешь? У меня здесь, в сумочке, такая маленькая бумажка, которую мистер Грей назвал «чек». Он сказал, что я должна отдать ее тебе, чтобы ты смогла получить мой сундучок. Мистер Грей — муж миссис Грей. Они родственники жены пастора Карра. Они взяли меня с собой, потому что ехали на восток, и они очень милые! И... вот, это чек, — закончила девочка, наконец вытащив его после долгих поисков из своей сумочки.

Ненси глубоко вздохнула. Она инстинктивно чувствовала, что кто-то должен вздохнуть после такого длинного монолога. Затем она украдкой посмотрела на Тимоти, но тот старательно избегал ее взгляда.

Наконец они двинулись в путь, с сундучком Поллианны, привязанным сзади к двуколке, и самой Поллианной, уютно устроившейся между Ненси и Тимоти. Все это время девочка не умолкала. Поток сообщений и вопросов был нескончаем, пока несколько ошеломленная Ненси не обнаружила, что совершенно выбилась из сил, пытаясь поспеть за своей собеседницей.

— Ах! Разве не прелесть? Нам далеко ехать? Я надеюсь, далеко... Я так люблю ездить, — вздохнула Поллианна, когда колеса начали крутиться. — Впрочем, если и недалеко, я тоже не буду огорчаться, потому что я буду рада поскорее оказаться на месте. Какая красивая улица! Я знала, что она будет красивая, мне папа рассказывал...

Девочка умолкла, стараясь подавить рыдание. Ненси, испуганно взглянув на нее, заметила, что ее маленький подбородок дрожит, а глаза

наполнились слезами. Немного помолчав, Поллианна торопливо продолжила, храбро подняв голову:

— Папа мне все рассказал. Он помнил. И... и я должна была объяснить тебе это раньше. Миссис Грей велела мне сделать это сразу... ну, насчет этого красного платья, ты понимаешь. То есть почему я не в трауре. Она сказала, что тебе это может показаться странным. Но в последний раз, когда собирали пожертвования в пользу церкви, там не оказалось ничего черного, только черное дамское бархатное платье с баской, которое жена пастора Карра не сочла подходящим для меня. К тому же это платье было с белыми пятнами... ну то есть выношено, понимаешь... на локтях и в других местах. Некоторые дамы из комитета хотели купить мне черное платье и черную шляпу, но другие думали, что деньги следует оставить на красный ковер, который они хотели купить... для церкви, понимаешь? И миссис Уайт сказала, что это платье вполне сойдет, потому что она не любит детей в черном... то есть, я хочу сказать, что она, конечно, любит детей, но не в черной одежде.

Поллианна на миг прервала речь, чтобы набрать воздуха, и Ненси успела вставить:

— Ну, конечно... все в порядке.

— Я рада, что ты так считаешь. Я тоже так думаю, — кивнула Поллианна, снова подавляя рыдание. — Конечно, в черном платье было бы гораздо труднее радоваться...

— Радоваться? — ахнула Ненси, которая была до того удивлена, что решилась прервать девочку.

— Да... радоваться, что папа ушел на небеса, чтобы быть там с мамой и моими братиками и сестричками. Он сказал, что я должна радоваться. Но это очень трудно... радоваться, даже в красном платье... потому что мне... мне так его не хватает и я все время чувствую, как он мне нужен, особенно потому, что у мамы и остальных там, на небе, есть Бог и все ангелы, а у меня нет никого, кроме дам из благотворительного комитета. Но теперь мне, конечно же, будет легче, потому что у меня есть ты, тетя Полли. Я так рада, что у меня есть ты!

Острое сочувствие Ненси к этой бедной одинокой сироте, сидевшей рядом с ней, внезапно превратилось в испуг.

— Ох, д-дорогая, но... но ты ужасно ошибаешься, — с трудом вымолвила она. — Я всего лишь Ненси. Я совсем не тетя Полли!

— Не... не тетя Полли? — произнесла явно оторопевшая девочка.

— Нет. Я только Ненси. Я и не предполагала, что ты можешь принять меня за свою тетку. Мы... мы с ней ни капельки не похожи, ни капельки!

Тимоти тихонько рассмеялся; но Ненси была слишком взволнована, чтобы заметить веселый огонек в его глазах.

— Но кто же ты? — спросила Поллианна. — Ты ни капельки не похожа и на даму из благотворительного комитета!

На этот раз Тимоти рассмеялся во весь голос.

— Я Ненси, служанка. Я делаю все в доме, кроме стирки и глажения постельного белья. Это работа миссис Дурджин.

— Но тетя Полли существует? — с тревогой спросила девочка.

— Не сомневайся, существует, — вставил Тимоти.

Поллианна вздохнула с облегчением.

— О, тогда все в порядке. — Последовало недолгое молчание, затем она оживленно продолжила: — И знаешь что? Я даже рада, что тетя не приехала встречать меня, потому что теперь мне еще только предстоит встретиться с ней, а у меня рядом уже есть ты, Ненси.

Ненси покраснела. Тимоти обернулся к ней с насмешливой улыбкой.

— Отличный комплимент, надо признать, — заметил он. — Что же ты не поблагодаришь маленькую даму?

— Я... я думала о мисс Полли, — выдавила Ненси.

Поллианна удовлетворенно вздохнула:

— Я тоже. Мне очень интересно, какая она. Понимаешь, она единственная тетя, какая у меня есть, и я очень долго даже не знала, что она у меня есть. А потом мне папа сказал. Он сказал, что она живет в красивом большом доме на холме.

— Да, так оно и есть. Его уже видно отсюда, — сказала Ненси. — Это вон тот белый дом с зелеными ставнями, там, впереди.

— Ах, какой красивый! И столько деревьев и травы кругом! Я никогда, кажется, не видела сразу столько зеленой травы. Ненси, а тетя Полли богатая?

— Да.

— Я так рада! Это, должно быть, просто восхитительно иметь много денег. Я никого еще не знала, у кого их было бы много, кроме мистера и миссис Уайт, они довольно богатые. У них в каждой комнате ковры и сливочное мороженое по воскресеньям. А у тети Полли тоже мороженое по воскресеньям?

Ненси отрицательно покачала головой. Губы ее чуть дрогнули в улыбке. Они с Тимоти весело переглянулись.

— Нет, милочка. Я так думаю, что твоя тетя не любит мороженое; по крайней мере, я никогда не видела, чтобы она его ела.

Лицо Поллианны стало печальным.

— О, не любит! Как жаль! Не понимаю, как можно не любить мороженое. Но... все равно, я могу быть и этому рада, потому что если не ешь мороженое, то от него не заболит живот, как от мороженого миссис Уайт... ну, то есть, когда я ела у нее мороженое, очень много. Но, может быть, у тети Полли есть ковры?

— Да, есть.

— В каждой комнате?

— Почти в каждой, — ответила Ненси; лицо ее омрачилось при мысли о голой маленькой комнате на чердаке, где не было никакого ковра.

— О, как хорошо! — обрадовалась Поллианна. — Я очень люблю ковры. У нас не было ковров, только два маленьких коврика, которые оказались среди церковных пожертвований, и на одном были чернильные пятна. А у миссис Уайт еще были картины, очень красивые: розы и маленькие девочки на коленях, котенок, ягнята, лев... только не вместе, конечно, лев и ягнята. О, разумеется, в Библии сказано, что они будут потом пастись вместе, но пока еще не пасутся... то есть у миссис Уайт еще не пасутся. А ты любишь картины?

— Я... я не знаю, — ответила Ненси чуть сдавленным голосом.

— Я люблю. У нас не было картин. Они редко попадают среди пожертвований. Но, две картины у нас все-таки были. Одна была такая хорошая, что папа ее сразу продал, чтобы купить мне ботинки, а другая была такая, плохая, что развалилась на куски, как только мы ее повесили. Стекло разбилось, понимаешь? Я даже плакала. Но теперь я рада, что у нас не было никаких красивых вещей, потому что благодаря этому мне еще больше, понравятся красивые вещи у тети Полли. Ведь я к этому не привыкла. Это совсем как если вдруг в пожертвованиях найдешь красивые новые ленточки для волос после многих-многих старых и выцветших. Ах, какой красивый дом! — горячо воскликнула она, когда двуколка въехала в широкую аллею, ведущую к крыльцу.

Когда Тимоти отвязывал сундучок, Ненси улучила минутку и шепнула ему на ухо:

— Теперь и не говори мне ничего насчет того, чтобы уволиться, Тимоти Дурджин! Теперь меня ни за какие деньги не заставишь уйти!

— Уйти! Разумеется, нет, — усмехнулся Тимоти. — Меня теперь тоже отсюда не выгонишь. Теперь с этой девчушкой тут пойдет такое веселье — и в кино ходить не надо.

— Веселье, веселье! — с раздражением повторила Ненси. — Мне кажется, что для бедняжечки это будет совсем не веселье, как поживет она под одной крышей с нашей хозяйкой. И я думаю, ей понадобится надежная

скала, где она сможет укрыться от бурь. Так вот, я буду этой скалой, Тимоти, да, я, я! — торжественно пообещала она, повернулась и повела Поллианну вверх по широким каменным ступеням.

Глава 4. Комнатка на чердаке

Мисс Полли Харрингтон не поднялась навстречу своей племяннице. Она, правда, оторвала взгляд от книжки, которую читала, когда Поллианна вместе с Ненси появилась на пороге гостиной, и протянула ей руку, но на каждом из холодных пальцев этой руки, казалось, было крупно выписано слово «долг».

— Как поживаешь, Поллианна? Я... — Но у нее не оказалось возможности сказать ничего больше. Поллианна стрелой пронеслась через комнату и бросилась на грудь своей возмущенной и непреклонной тетки.

— О, тетя Полли, тетя Полли, я так рада, что ты взяла меня к себе! — всхлипывала девочка. — Ты представить себе не можешь, как это замечательно, когда есть ты, и Ненси, и все это, после того как были только дамы из благотворительного комитета!

— Вполне вероятно... хотя я не имела удовольствия быть знакомой с этими дамами, — сухо отвечала мисс Полли, пытаясь отцепить от себя маленькие пальчики и глядя из-под нахмуренных бровей на Ненси, стоящую в дверях. — Можешь идти, Ненси. Поллианна, будь добра, встань прямо, как следует. Я еще даже не знаю, как ты выглядишь.

Поллианна сразу отпрянула с нервным смехом.

— Конечно, не знаешь; но, я думаю, тут особенно не на что смотреть, и все из-за этих веснушек. О, я должна еще все тебе объяснить насчет этого красного платья и того черного бархатного с белыми пятнами на локтях. Я уже говорила Ненси, что папа сказал...

— Не имеет значения, что сказал твой отец, — прервала ее мисс Полли резко. — У тебя, я полагаю, есть чемодан?

— О, конечно, тетя Полли. У меня красивый сундучок; мне купили его дамы из комитета. В нем немного вещей... то есть моих собственных. В последнее время в церковных пожертвованиях не было одежды для девочек; но там, в сундучке, все папины книжки. Миссис Уайт сказала, что, по ее мнению, я должна их взять. Понимаешь, папа...

— Поллианна, — снова резко прервала ее тетка, — необходимо, чтобы ты с самого начала ясно поняла: я не желаю, чтобы ты постоянно говорила мне о своем отце.

Девочка с дрожью потянула в себя воздух.

— Но, тетя Полли, ты... ты... хочешь сказать... — Она заколебалась, и тетка заполнила паузу:

— Мы пойдем наверх в твою комнату. Надеюсь, твой сундучок уже там. Я велела Тимоти отнести его наверх... если окажется, что он у тебя есть. Иди за мной, Поллианна.

Не проронив ни слова, Поллианна повернулась и вслед за теткой вышла из комнаты. Глаза ее были полны слез, но голова храбро поднята.

«В конце концов, я... я рада, что она не хочет, чтобы я говорила о папе, — думала Поллианна. — Может быть, мне даже будет легче... если я не буду говорить о нем. Может быть, именно поэтому она велела мне не говорить о нем?» И Поллианна, снова убежденная в «доброте» тетки, смахнула слезы и с интересом огляделась вокруг.

В этот момент она была на лестнице. Прямо перед ней шелестело великолепное черное шелковое платье тетки. За этим платьем в открытые двери можно было мельком увидеть ковры пастельных тонов и обитые атласом кресла. Под ногами, словно мягкий зеленый мох, тоже расстился чудесный ковер. То справа, то слева от нее вспыхивали, ослепляя, золоченые рамы картин и дрожащие блики солнечного света, проникающего через полупрозрачную сеть кружевных занавесок.

— О, тетя Полли, тетя Полли! — прошептала Поллианна с восторгом. — Какой чудесный, великолепный дом! Ты, должно быть, ужасно рада, что такая богатая!

— Поллианна! — воскликнула тетка, резко обернувшись, уже на самом верху лестницы. — Я просто поражена! Как ты можешь говорить мне такое!

— Почему, тетя! Разве ты не рада? — спросила Поллианна с искренним удивлением.

— Конечно, нет. И надеюсь, я никогда не забудусь настолько, чтобы греховно гордиться каким-либо даром, который Господь счел нужным послать мне, — заявила мисс Полли. — И уж конечно, я не стану гордиться богатством!

Мисс Полли повернулась и прошла через лестничную площадку к двери, ведущей на чердак. Теперь она была рада, что решила устроить девочку именно здесь. Первоначально ее идея заключалась в том, чтобы поместить племянницу как можно дальше от себя и одновременно там, где ее детская невнимательность не сможет нанести ущерб ценной обстановке. Теперь же, столкнувшись с этими явными зачатками суетности и тщеславия, мисс Полли нашла еще более удачным то, что комната, предназначенная для девочки, — скромная, без излишеств.

Маленькие ножки Поллианны резво топали следом за теткой. Ее большие голубые глаза с еще большей живостью пытались охватить все

вокруг, так чтобы ни одна из красивых и интересных вещей в этом чудесном доме не осталась незамеченной. Но живее всего работало ее воображение, занятое чудесно-волнующим вопросом, на который нужно было найти ответ: за какой из всех этих чарующих дверей ждет ее комната — дорогая, красивая комната, полная штор, ковров и картин, комната, которой отныне предстоит стать ее собственной? В этот момент тетка вдруг открыла какую-то дверь и стала подниматься по другой лестнице.

Здесь почти не на что было смотреть. С обеих сторон — лишь голые стены. Наверху была широкая темная площадка, в дальних углах которой крыша почти соприкасалась с полом и повсюду громоздились друг на друга бесчисленные чемоданы и коробки. Здесь было жарко и душно. Поллианна невольно подняла голову выше — казалось, здесь трудно дышать. Потом она увидела, как тетка распахнула дверь с правой стороны.

— Вот, Поллианна, это твоя комната, и я вижу, что сундучок твой уже здесь. У тебя есть ключ?

Поллианна молча кивнула. В ее широко раскрытых глазах был испуг.

Тетка сдвинула брови.

— Когда я задаю вопрос, Поллианна, я хочу, чтобы ты отвечала вслух, а не кивала головой.

— Хорошо, тетя Полли.

— Спасибо, так-то лучше. Я думаю, здесь есть все, что тебе нужно, — добавила мисс Полли, взглянув на вешалку с полотенцами и кувшин с водой. — Я пришлю Ненси, чтобы она помогла тебе распаковать вещи. Ужин — в шесть часов, — закончила она, вышла из комнаты и величаво удалилась вниз по лестнице.

После ее ухода Поллианна с минуту стояла совершенно неподвижно, глядя ей вслед, потом растерянно обвела глазами голые стены, голый пол, голые окна. Наконец взгляд ее упал на маленький сундучок, который еще так недавно стоял в ее собственной комнатке в далеком доме на западе. В следующий момент она, уже ничего не видя, бросилась к нему и упала перед ним на колени, закрыв лицо руками.

Так и застала ее Ненси, когда поднялась наверх несколько минут спустя.

— Ну-ну, бедный мой ягненочек, — зашептала она ласково, опускаясь на пол и нежно обнимая девочку. — Я именно этого и боялась... что застаю тебя в слезах, да, да, в слезах.

Поллианна покачала головой.

— Я очень гадкая и дурная, Ненси... ужасно дурная, — всхлипывала она. — Я никак не могу заставить себя понять, что мой папа был нужнее

Богу и ангелам, чем мне.

— Ничуть он им был не нужнее, — решительно высказала свое мнение Ненси.

— О-о-о! Ненси! — Ужас, вспыхнувший в глазах Поллианны, высушил слезы.

Ненси, застыдившись, улыбнулась и украдкой вытерла глаза.

— Ну-ну, деточка, я, конечно же, так не думаю! — торопливо воскликнула она. — Давай сюда твой ключик. Заглянем в этот сундучок и распакуем все твои платья. Раз-два, раз-два! Поллианна, все еще с мокрым от слез лицом, подала ей ключ.

— Их там не очень много, — пробормотала она дрожащим голосом.

— Ну, тем скорее мы их распакуем! — объявила Ненси.

Неожиданно Поллианна засияла улыбкой.

— Правильно! И я могу этому радоваться, правда? — воскликнула она. Ненси удивленно уставилась на нее.

— Ну да... конечно, — ответила она несколько неуверенно.

Проворные руки Ненси быстро распаковали книжки, золотанное белье и несколько жалких, некрасивых платьиц. Поллианна, собрав все мужество, с улыбкой крутилась возле нее, вешала платья в стенной шкаф, складывала на столе книжки, рассовывала белье по ящикам комода.

— Я уверена, что... что это будет очень милая комнатка. Как ты думаешь? — произнесла она с явным сомнением.

Ответа не последовало. Ненси сунула голову в сундучок и, видимо, была очень занята. Поллианна, стоя перед комодом, смотрела чуть печально на голую стену над ним.

— И я могу радоваться, что здесь нет зеркала, потому что я не буду видеть свои веснушки.

Ненси неожиданно издала горлом какой-то странный звук, но, когда Поллианна обернулась, голова Ненси опять была в сундучке. Несколько минут спустя, остановившись возле одного из окон, Поллианна хлопнула в ладоши и с восхищением закричала:

— О, Ненси, а я и не заметила сначала! Смотри... все видно — деревья, дома и такой чудесный церковный шпиль. И река сверкает, как серебро. Ну, Ненси, с таким видом из окна и картины не нужны. О, я так рада теперь, что тетя поселила меня именно в этой комнате!

К удивлению и ужасу Поллианны, Ненси разразилась слезами. Девочка торопливо подбежала к ней.

— Что ты, Ненси?.. Ненси, что случилось? — воскликнула она, а потом испуганно добавила: — Ведь это не была твоя комната, нет?

— Моя комната! — запылала гневом Ненси, глотая слезы. — Если ты не маленький ангел, сошедший прямо с небес, и если кое-кто не придет с повинной, прежде чем... О Боже! Звонит! — После этой удивительной речи Ненси вскочила на ноги, стрелой метнулась из комнаты и с топотом побежала вниз по лестнице.

Оставшись одна, Поллианна вернулась к своей «картине», как она мысленно определила красивый вид из окна. Спустя некоторое время она осторожно дотронулась до оконной рамы. Ей казалось, что невозможно дольше выносить эту жару и духоту. К ее радости, рама легко подалась, и в следующий момент окно было широко распахнуто и Поллианна высунулась из него до половины, жадно впивая свежий, напоенный ароматами сада воздух.

Потом она подбежала к другому окну. Оно тоже уступило натиску ее энергичных рук. Большая муха пронеслась перед самым ее носом и громко зажужжала в комнате. Затем влетела еще одна и еще; но Поллианна не обратила на это внимания. Она сделала чудесное открытие: напротив этого окна простирало могучие ветви огромное дерево, словно приглашая ее в свои объятия.

Неожиданно она рассмеялась вслух.

— Конечно же, я смогу, — сказала она и в следующий момент проворно взобралась на подоконник. Оттуда было уже легко перешагнуть на ближайший сук дерева. Потом, цепляясь за ветки, как обезьянка, она спустилась до самого нижнего сука. Прыгнуть с него на землю было довольно страшно, даже для Поллианны, которая привыкла лазить по деревьям. Но она, повиснув на сильных маленьких руках, все-таки прыгнула, на мгновение затаив дыхание, и приземлилась на четвереньки в мягкой траве. Потом она живо вскочила и жадно огляделась кругом.

Она была на задворках дома. Перед ней лежал сад, в котором работал согнувшись какой-то старик. За садом виднелась узкая стежка, которая вела через широкое поле к крутому холму, где на вершине возле огромной скалы стояла на страже одинокая сосна. Поллианне в этот момент казалось, что есть лишь одно место на целом свете, где стоит оказаться, — вершина этой скалы.

Ловко огибая преграды, Поллианна промчалась мимо согнувшегося над клумбой старика, между ровными рядами кустов и деревьев и, немного запыхавшись, достигла стежки, ведущей через поле, а потом решительно начала взбираться на холм. Впрочем, теперь она уже думала о том, как ужасно далеко, должно быть, эта скала, а ведь из окна казалось, что она совсем рядом!

Пятнадцать минут спустя большие часы в холле дома Харрингтонов пробили шесть. Вместе с их последним ударом Ненси зазвонила в колокольчик к ужину.

Прошла минута, две, три... Мисс Полли, нахмурившись, нервно постукивала каблучком по полу. Потом она довольно резко поднялась на ноги, вышла из гостиной в холл и в явном нетерпении взглянула на верхнюю площадку лестницы. С минуту она напряженно прислушивалась, затем повернулась и величественно прошествовала в столовую.

— Ненси, — сказала она решительно, как только появилась горничная, — моя племянница опаздывает к ужину. Нет, нет, не зови ее, — добавила она суровым тоном, когда Ненси сделала движение в сторону двери. — Я сказала ей, когда подается ужин, и теперь она сама должна нести ответственность за последствия. Необходимо, чтобы она с самого начала училась быть пунктуальной. Когда она спустится, ты дашь ей в кухне хлеба и молока.

— Да, мэм. — Вероятно, хорошо, что мисс Полли не случилось при этом взглянуть в лицо Ненси.

После ужина при первой же представившейся возможности Ненси проскользнула на заднюю лестницу, а оттуда в комнатку на чердаке.

— Хлеб и молоко! Вот уж действительно!.. И это когда бедняжечка, должно быть, наплакалась и уснула, — гневно бормотала она, тихонько открывая дверь. Но в следующий момент она испуганно закричала: — Где же ты? Куда ты убежала? Куда ты пропала?..

Задыхаясь от волнения, Ненси заглянула в шкаф, под кровать и даже в сундучок и за кувшин с водой, а потом со всех ног бросилась вниз по лестнице в сад к Старому Тому.

— Мистер Том, мистер Том, это благословенное дитя исчезло! — заголосила она. — Исчезла она, улетела прямо на небеса, откуда и пришла... А мне-то велено дать ей в кухне хлеба и молока... ей, которая ест теперь ангельскую амброзию! Ручаюсь, ручаюсь!..

Старик выпрямился.

— Улетела? На небеса? — недоуменно повторил он, окидывая взглядом сверкающее закатное небо. Он на мгновение замер, задержав взгляд на какой-то точке вдаль, потом с усмешкой обернулся к девушке. — Да, Ненси, похоже, что она пыталась подобраться как можно ближе к небу, это факт, — согласился Старый Том, указывая крючковатым пальцем туда, где на вершине огромной скалы словно парила в воздухе резко очерченная на фоне краснеющего закатного неба стройная, овеваемая ветром фигурка.

— Ну, хорошо, это просто значит, что сегодня вечером она еще не

собралась улететь, если хотите знать мое мнение, — заявила Ненси упрямо. — Если хозяйка спросит, скажите, что я не забыла про посуду, но пошла прогуляться, — бросила она Тому через плечо, бегом направляясь к стежке, ведущей через поле.

Глава 5. Игра

— Ах ты Господи! Поллианна, ну и нагнала же ты на меня страху, — пыхтела Ненси, взбираясь на вершину холма к большой скале, откуда Поллианна только что с сожалением соскользнула.

— Страху? О, мне очень жаль, но ты не должна была бояться за меня, Ненси. Папа и дамы из комитета обычно тоже боялись, пока не убедились, что я всегда благополучно возвращаюсь.

— Но я даже не знала, что ты вышла из дома! — воскликнула Ненси, засунув руку девочки себе под локоть и торопливо спускаясь вместе с ней с горы. — Я не видела, как ты ушла, да и никто не видел. Я думала, ты вылетела прямо вверх, через крышу, не иначе, не иначе...

Поллианна подпрыгнула от радости:

— Да, я вылетела... только не вверх, а вниз. Я спустилась по дереву.

Ненси остановилась как вкопанная.

— Что ты сделала?

— Спустилась по дереву из окна.

— Боже мой! — задохнулась Ненси, снова поспешая к дому. — Интересно, что сказала бы на это твоя тетка.

— Тебе интересно? Хорошо, я скажу ей, и ты сможешь узнать, — охотно пообещала девочка.

— Спаси и помилуй! — еле выдавила из себя Ненси. — Нет, нет!

— Почему? Ты думаешь, ее это огорчило бы? — воскликнула Поллианна с беспокойством.

— Нет... э... да... ну, впрочем, все равно. Я... я не так уж сильно хочу знать, что она сказала бы, — запинаясь, вымолвила Ненси, которой теперь было важно одно: отвлечь от Поллианны гнев, если не нечто худшее. — Но знаешь, нам лучше поспешить, а то у меня еще посуда не вымыта.

— Я помогу, — с готовностью пообещала Поллианна.

— Ох, что ты, что ты! — запротестовала Ненси.

Некоторое время они бежали молча. Небо быстро темнело. Поллианна крепче схватилась за руку своей новой подруги.

— И все-таки я рада, что немножко тебя напугала, ведь из-за этого ты пришла за мной. — Девочка вздрогнула при этих словах.

— Бедный мой ягненок! Ты к тому же, должно быть, и голодна. Я боюсь, тебе придется поесть только хлеба и молока со мной в кухне. Твоя тетка разгневалась, понимаешь, из-за того, что ты не спустилась к ужину.

— Но я не могла. Я была слишком высоко.

— Да, но она-то ведь не знала об этом, — подавив смех, заметила Ненси сухо. — Мне очень неприятно, что будет только хлеб и молоко, очень, очень!

— А мне нет. Я рада.

— Рада! Чему?

— Я люблю хлеб и молоко, и мне приятнее будет есть вместе с тобой. Мне совсем не трудно этому радоваться.

— Похоже, что тебе ничему не трудно радоваться, — заметила Ненси прерывающимся от волнения голосом, вспомнив о мужественных попытках Поллианны полюбить жалкую голую комнату на чердаке.

Поллианна негромко рассмеялась.

— Потому что это такая игра.

— Игра?

— Да, игра в то, чтобы просто радоваться.

— Да что ты такое говоришь?

— Говорю тебе, что это — игра! Папа меня научил. И игра просто замечательная, — объяснила Поллианна. — Мы всегда в нее играли, даже когда я была еще совсем-совсем маленькая. Я рассказала про нее дамам из комитета, и они тоже играли... некоторые из них.

— Да что за игра? Я не очень разбираюсь в играх.

Поллианна опять рассмеялась, но и вздохнула при этом, а в сгущающихся сумерках лицо ее выглядело худеньким и печальным.

— Мы начали играть, когда в церковных пожертвованиях нам прислали пару детских деревянных костылей.

— Костылей?!

— Да. Понимаешь, я очень хотела куклу, и папа написал об этом в церковный комитет, но ему ответили, что кукол в пожертвованиях не оказалось, а оказались детские костыли, и их прислали нам, потому что они могли пригодиться какому-нибудь увечному ребенку. И тогда мы стали играть.

— Ну, должна открыто сказать, я не вижу никакой игры, что могла бы быть с этим связана, никакой, никакой! — заявила Ненси почти с раздражением.

— А вот есть такая! Игра в том, чтобы во всем всегда находить что-то такое, чему можно радоваться; неважно, что это будет, — продолжила Поллианна серьезно. — И мы начали сразу... прямо с этих костылей.

— Господи помилуй! Я не вижу тут ничего, чему можно радоваться: получить пару костылей, когда хочешь куклу!

Поллианна хлопнула в ладоши.

— А вот можно... можно! — торжествовала она и тут же чистосердечно добавила: — Но я тоже не видела сначала, и папе пришлось мне подсказать.

— Ну, тогда, может быть, ты подскажешь мне? — с гневом почти рявкнула Ненси.

— Да очень просто! Просто радоваться тому, что они тебе... не нужны! — воскликнула Поллианна. — Видишь, это так легко... если знаешь как!

— Ну, пожалуй, нелепее и не придумаешь! — шепнула Ненси, глядя на Поллианну чуть ли не с испугом.

— О, но тут совсем нет ничего нелепого... Это замечательная игра, — настаивала Поллианна с энтузиазмом. — И мы все время играли в нее, с тех самых пор. И чем труднее, тем потом веселее, когда наконец догадаешься; только, только... иногда бывает уж очень трудно... как когда папа ушел на небеса, а у тебя нет никого, кроме дам из благотворительного комитета.

— Да, или когда тебя поселят в неудобной маленькой комнате под самой крышей и вдобавок почти пустой, — проворчала Ненси.

Поллианна вздохнула.

— Конечно, это было трудно сначала, — призналась она. — Особенно потому, что мне было так одиноко. Я даже забыла про игру. И я так надеялась, что у меня будут красивые вещи! Но потом я подумала, что мне не придется разглядывать в зеркале мои веснушки, и увидела эту прекрасную картину — вид из окна. И тогда я поняла, что нашла, чему здесь можно радоваться. Понимаешь, когда ищешь, чему радоваться, вроде как забываешь о том, чего тебе хотелось... ну вот как с куклой.

— Хм! — поперхнулась Ненси, пытаясь проглотить комок, вставший в горле.

— Но обычно это не занимает много времени, — заверила Поллианна. — И теперь я по большей части нахожу, чему радоваться, без труда, даже не задумываясь, понимаешь? Я так привыкла играть. Это великолепная игра. Мы с п-папой очень ее любили, — запнулась она. — Хотя я думаю, что мне будет немножко труднее теперь, потому что мне не с кем играть. Может быть, тетя Полли захочет, — предположила она, подумав.

— Боже мой! — прошептала Ненси, потом, уже вслух, добавила решительно: — Слушай, я не обещаю, что буду играть очень хорошо, и не утверждаю, что знаю, как в это играть, но я буду играть с тобой, как сумею,

буду, буду!

— О, Ненси! — возликовала Поллианна и с восторгом обняла ее. — Просто замечательно! Нам будет так весело, правда?

— Хм... может быть, — решила допустить Ненси, не скрывая сомнения. — Но не очень на меня рассчитывай. Я в играх никогда особенно не отличалась, но на этот раз я приложу самые отчаянные усилия. Зато у тебя будет с кем играть, — заключила она, когда они вместе уже входили в кухню.

Поллианна с аппетитом съела хлеб, напилась молока и по совету Ненси пошла в гостиную, где тетка читала книгу, сидя в кресле.

Мисс Полли взглянула на нее холодно.

— Ты поужинала, Поллианна? — спросила она.

— Да, тетя Полли.

— Мне очень неприятно, Поллианна, что я с самого начала была вынуждена послать тебя есть хлеб и молоко в кухне.

— Но я была очень рада, тетя, что ты так поступила. Я люблю хлеб и молоко, и Ненси тоже люблю. Тебе не должно быть ни капельки неприятно.

Мисс Полли от неожиданности еще сильнее выпрямилась в своем кресле.

— Поллианна, тебе пора в постель. У тебя был утомительный день, а завтра мы должны будем составить расписание твоих ежедневных занятий и просмотреть твой гардероб, чтобы выяснить, что нужно купить. Ненси даст тебе свечку. Будь осторожна с огнем. Завтрак — в половине восьмого. Приходи вовремя. Доброй ночи.

Так, как будто это было нечто само собой разумеющееся, Поллианна подбежала прямо к тетке и сердечно обняла ее.

— Я так чудесно провела этот день, — счастливо вздохнула она. — Я знаю, что мне будет очень хорошо с тобой... Я знала, что так и будет, еще до того, как приехала сюда... Доброй ночи! — крикнула она радостно, выбегая из комнаты.

— Да что же это такое? Ну и ну! Какой странный ребенок! — воскликнула мисс Полли почти вслух и сдвинула брови. — Она «рада», что я ее наказала, и мне «не должно быть ни капельки неприятно», и ей «будет очень хорошо со мной!» — И, удивившись еще раз, мисс Полли снова взялась за книгу.

Пятнадцать минут спустя в комнатке на чердаке одинокая маленькая девочка рыдала в подушку:

— Я знаю, папочка, я совсем не играю сейчас в игру... ни чуточки. Но даже ты не смог бы найти ничего, чему можно радоваться, когда спишь

совсем одна в такой темноте, как здесь. Если бы я была рядом с Ненси или тетей Полли... или даже с кем-нибудь из благотворительного комитета, мне было бы легче.

А внизу, в кухне, Ненси спешила управиться со своей недоделанной работой и яростно тыкая ершиком в кувшин из-под молока, бормотала отрывисто:

— Если, играя в эту дурацкую игру... что бы радоваться костылям, когда хочешь куклу... я смогу стать для нее... той самой скалой спасения... то я буду играть... буду, буду.

Глава 6. Вопрос долга

Было уже почти семь часов, когда Поллианна проснулась на следующее утро после своего приезда. Окна ее комнатки выходили на юг и на запад, поэтому она не видела солнца, но ей было видно подернутое дымкой голубоватое небо, и она догадалась, что день обещает быть погожим.

В комнатке было теперь прохладнее, ветерок приносил в нее свежий, ароматный воздух. Из сада доносился радостный щебет птичек, и Поллианна подбежала к окну, чтобы их поприветствовать. Внизу, в саду, она увидела свою тетку, которая уже встала и прогуливалась возле кустов роз. Поллианна быстро оделась, чтобы присоединиться к ней.

Она пронеслась вниз по ступенькам чердака, оставив за собой открытыми обе двери. Затем еще один рывок через холл, грохот парадных дверей, затянутых сетками, — и, обежав вокруг дома, она очутилась в саду.

Тетя Полли стояла рядом со старым сгорбленным человеком, склонившись над кустом роз, когда Поллианна, кипящая радостью жизни, бросилась ей на шею.

— О, тетя Полли, тетя Полли, как я сегодня рада! Рада просто тому, что живу!

— Поллианна! — запротестовала мисс Полли решительно, пытаясь выпрямиться, насколько это было возможно с сорока килограммами, повисшими у нее на шее. — Ты всегда таким образом говоришь «С добрым утром»?

Поллианна опустила на кончики пальцев и начала легко подпрыгивать.

— Нет, только когда кого-нибудь очень люблю! Тогда я не могу иначе! Я увидела тебя из моего окна и подумала, что ты моя настоящая тетя, а совсем не дама из благотворительного комитета. И такая ты мне показалась добрая, что я просто должна была прибежать и обнять тебя!

Сгорбленный старик вдруг повернулся к ним спиной. Мисс Полли попыталась нахмуриться, но без обычного успеха.

— Поллианна, ты... Я... Томас, на сегодня хватит. Я думаю, вы поняли... насчет этих роз, — сказала она сдержанно, затем повернулась и быстро ушла.

— Вы всегда работаете в саду, мистер... э... мистер?.. — спросила Поллианна с любопытством.

Старик обернулся. Губы его дрогнули в улыбке, но глаза были словно затуманены слезами.

— Да, мисс. Я Старый Том, садовник. — Робко, но словно побуждаемый непреодолимой силой, он протянул дрожащую руку и на мгновение положил ее на светловолосую головку. — Вы так похожи на вашу мать, мисс! Я знал ее, когда она была еще моложе вас! Я уже и тогда работал здесь, в саду.

Поллианна вслух перевела дыхание.

— Правда? И вы в самом деле знали мою маму... когда она была еще маленьким земным ангелом, а не небесным! О, пожалуйста, расскажите мне о ней! — И Поллианна тут же уселась прямо посреди дорожки.

Из дома донесся звук колокольчика, и в следующий момент появилась Ненси, мчавшаяся к ним от задних дверей.

— Этот звонок, Поллианна, означает завтрак, — выпалила она, задыхаясь от быстрого бега. Потом, схватив Поллианну за руку, подняла ее с земли и потащила к дому. — А в другое время он означает обед или ужин. Но это всегда значит, что ты, как только его услышишь, должна бежать в столовую со всех ног, где бы ты ни была. А если не прибежишь, ну, тогда придется нам поискать кого-нибудь поумнее нас с тобой, чтоб отыскать тут повод для радости! — заключила она, загоняя Поллианну в дом, словно непослушного цыпленка в курятник.

Первые пять минут завтрака прошли в полном молчании. Наконец мисс Полли, с неудовольствием наблюдавшая за двумя мухами, которые на легких крыльях пронеслись взад и вперед над столом, сказала сурово:

— Ненси, откуда взялись эти мухи?

— Не знаю, мэм. В кухне не было ни одной. — Накануне Ненси была слишком взволнована, чтобы заметить, что окна в комнатке Поллианны после полудня были открыты.

— Я думаю, тетя, что это мои мухи, — заметила Поллианна любезно. — Их сегодня было множество, и они чудесно проводили время у меня наверху.

Ненси стремительно покинула столовую, хотя, чтобы сделать это, ей пришлось вынести горячие булочки, которые она только что собиралась поставить на стол.

— Твои мухи?! — изумилась мисс Полли. — Что ты хочешь сказать? Откуда они?

— Как откуда, тетя Полли? Конечно же с улицы. Они влетели в окна. Я сама видела, как они влетали.

— Видела! Ты хочешь сказать, что открывала окна, хотя в них нет

сеток?

— Ну да. Там не было никаких сеток, тетя.

В этот момент снова вошла Ненси с булочками. Лицо у нее было серьезное, но очень красное.

— Ненси, — решительно приказала мисс Полли, — поставь булочки на стол и пойдешь сейчас же в комнату мисс Поллианны. Закрой там окна, а также двери. Потом, когда кончишь свою утреннюю работу, пройди с пульверизатором по всем комнатам. И внимательно осмотри все углы. — Потом она обернулась к племяннице: — Поллианна, я заказала сетки для окон в твоей комнате. Я, конечно, знаю, что мой долг сделать это. Но мне кажется, что ты забыла о своем долге.

— О моем... долге? — От удивления Поллианна широко раскрыла глаза.

— Конечно. Я знаю, что в твоей комнате жарко, но твоим долгом было держать окна закрытыми, пока на них не будут установлены сетки. Мухи, Поллианна, не только грязные и надоедливые насекомые, они также представляют серьезную опасность для нашего здоровья. После завтрака я дам тебе брошюру на эту тему.

— Почитать? О, спасибо, тетя Полли! Я так люблю читать.

Мисс Полли тяжело вздохнула и плотно сжала губы. Поллианна, заметив суровое выражение ее лица, в задумчивости наморщила лоб.

— Мне очень жаль, тетя Полли, что я забыла о своем долге, — извинилась она робко. — Я больше не буду открывать окна.

Тетка не ответила. Она не проронила ни слова до самого конца завтрака. Затем она поднялась, прошествовала к книжному шкафу в гостиной, достала из него маленькую книжечку и, подойдя к племяннице, сказала:

— Это брошюра, о которой я тебе говорила, Поллианна. Я хочу, чтобы ты сейчас же пошла к себе в комнату и прочитала ее. Через полчаса я приду к тебе, чтобы просмотреть твой гардероб.

Поллианна, не сводя глаз с иллюстрации, изображавшей во много раз увеличенную голову мухи, радостно закричала:

— О, спасибо, тетя Полли! — В следующий момент она вприпрыжку весело выбежала из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Мисс Полли нахмурилась, мгновение постояла в нерешительности, потом величественной походкой пересекла столовую и открыла дверь в холл, но Поллианны уже не было видно, и только топот ее ног доносился с чердачной лестницы.

Полчаса спустя, когда мисс Полли с ясно обозначенным выражением

сурового долга в каждой черте лица поднялась по той же лестнице и вошла в комнату Поллианны, ее приветствовал взрыв горячего энтузиазма.

— О, тетя Полли, я ни разу в жизни не видела ничего такого прелестного и интересного. Я ужасно рада, что ты дала мне почитать эту книжку. Я даже не подозревала, что мухи могут столько всего переносить на своих лапках и...

— Довольно, Поллианна, — величественно прервала девочку мисс Полли. — Достань теперь свою одежду, и я посмотрю на нее. То, что не годится для тебя, я, разумеется, отдам Сулливанам.

С видимой неохотой Поллианна отложила брошюру о мухах и подошла к шкафу.

— Я боюсь, тебе они покажутся еще хуже, чем дамам из комитета. А они сказали, что платья просто ужасные, — вздохнула она. — Но в последних двух или трех сборах пожертвований были в основном вещи для мальчиков или стариков и... Ты когда-нибудь получала вещи из церковных пожертвований?

Встретив гневный взгляд тетки, возмущенной самим этим вопросом, Поллианна поспешила исправить ошибку.

— Нет, конечно, нет. Ты не получала, тетя Полли! — торопливо заговорила она, заливаясь горячим румянцем. — Я забыла, что богатые люди в них не нуждаются. Но, понимаешь, я иногда почти совсем забываю, что ты богатая... здесь, в этой комнате.

Губы мисс Полли чуть приоткрылись в порыве раздражения, но слов не последовало. Поллианна же, совершенно не сознавая, что сказала что-то, могущее быть хоть в малейшей степени неприятным для тетки, без остановки продолжала:

— Так вот, я хотела сказать, что никогда не знаешь заранее, что будет в этих пожертвованиях... кроме того, что в них никогда не окажется того, что нужно... даже когда человек думает, что этого там не будет. Каждый раз пожертвования были такими, что оказывалось ужасно трудно играть в игру, потому что мы с папой...

Поллианна вовремя вспомнила, что тетка запретила ей говорить об отце. А потому она торопливо нырнула в шкаф и вытащила оттуда охапку своих жалких платьиц.

— Они совсем некрасивые, — сказала она сдавленным голосом, — и они были бы черные, если бы для церкви не нужен был красный ковер, но других у меня нет.

Мисс Полли перебрала весь этот странный гардероб, едва касаясь кончиками пальцев платьиц, явно сшитых на кого угодно, но только не на

Поллианну. Затем она уделила мрачное внимание залатанному бельишку в ящиках комода.

— Лучшее — на мне, — призналась Поллианна встревожено. — Дамы из комитета купили мне один совершенно новый комплект. Миссис Джоунс — она председатель — сказала, что я должна его получить, даже если им придется из-за этого стучать каблуками по голому проходу до конца своих дней. Но им не придется. Мистер Уайт терпеть не может шума. Его жена говорит, что у него нервы. Но у него не только нервы, но и деньги тоже, и они надеются, что он добавит значительную сумму на этот ковер... из-за нервов, конечно. Я думаю, он, должно быть, рад, потому что хотя у него и нервы, так ведь зато есть и деньги. А ты как думаешь?

Мисс Полли, казалось, не слышала. Осмотр белья был завершен, и она несколько резко обернулась к Поллианне.

— Надеюсь, ты ходила в школу, Поллианна?

— О да. А кроме того, папа... то есть я училась также и дома.

Мисс Полли чуть сдвинула брови.

— Хорошо. Осенью ты, разумеется, начнешь ходить в школу. Мистер Холл, директор, несомненно сумеет определить, в какой класс тебя направить. А пока, я полагаю, я должна слушать, как ты будешь ежедневно по полчаса читать вслух.

— Я люблю читать, но если ты не хочешь меня слушать, я с удовольствием буду читать сама... правда, тетя Полли! И мне даже не придется стараться, чтобы этому радоваться, потому что я больше люблю читать не вслух, а про себя... из-за длинных слов, понимаешь?

— В этом я не сомневалась, — ответила мисс Полли неумолимым тоном. — Тебя учили музыке?

— Чуть-чуть. Я не люблю сама играть... но люблю, когда другие играют. Я немного училась играть на пианино. Мисс Грей — она играет в церкви — давала мне уроки. Но мне совсем все равно — учиться играть или нет. Правда, тетя.

— Весьма вероятно, — заметила мисс Полли, чуть приподняв брови. — Тем не менее я думаю, что мой долг — позаботиться о том, чтобы ты получила хотя бы начальные знания в области музыки. Ты, конечно, умеешь шить?

— Да. — Поллианна вздохнула. — Дамы из комитета учили меня. Но это было что-то ужасное. Миссис Джоунс считала, что при обметывании петель иголку нужно держать не так, как ее держали остальные дамы, а миссис Уайт утверждала, что шву «за иголку» нужно учить раньше, чем подрубочному (или наоборот), а миссис Харриман считала, что вообще не

надо учиться сшивать лоскутки.

— Трудностей такого рода больше не будет. Я сама буду учить тебя шить. Готовить, я полагаю, ты не умеешь.

Поллианна вдруг рассмеялась.

— Они только начали учить меня этим летом. Но я недалеко продвинулась. Тут они еще больше разошлись во мнениях, чем даже насчет шитья. Они собирались начать с хлеба, но среди них не было и двух, которые пекли бы его одинаково, и поэтому, обсудив этот вопрос за совместным шитьем, они постановили, что каждая из них раз в неделю будет учить меня в своей кухне. И я научилась делать только мягкие шоколадные конфеты и торт с инжиром к тому времени... когда мне пришлось прервать эту учебу. — Голос ее дрогнул.

— Шоколадные конфеты и торт с инжиром! Да уж, действительно! — с презрением произнесла мисс Полли. — Я думаю, мы сможем исправить это очень легко. — Она на минуту задумалась, затем продолжила, цедя слова: — В девять часов каждое утро ты будешь полчаса читать мне вслух. Перед этим приведешь в порядок свою комнату. По средам и субботам с половины десятого до полудня Ненси будет учить тебя в кухне готовить. В остальные дни по утрам будешь шить со мной. Тогда послеобеденные часы останутся у тебя для музыки. Я, разумеется, сразу найду тебе учительницу, — заключила она решительно, поднимаясь со стула.

Поллианна вскрикнула от ужаса:

— Но, тетя Полли! Тетя Полли, ты не оставила мне времени просто на то, чтобы... чтобы жить!

— Жить? Что ты хочешь сказать? Как будто ты не живешь все время!

— О, конечно, я буду дышать все время, пока буду все это делать, но я не буду жить.

Ведь во сне тоже дышат, но не живут! Для меня жить — это делать то, что хочется: играть во дворе, читать (для себя самой, конечно), взбираться на холмы, разговаривать в саду с мистером Томом и Ненси, разузнавать все о домах, людях и обо всем, обо всем везде, на всех этих чудесных улицах, по которым я вчера проезжала. Вот что я называю жизнью, тетя Полли! А просто дышать — это еще не жизнь!

Раздраженная, мисс Полли резко вскинула голову:

— Поллианна, ты самый странный ребенок, какого я в жизни видела! У тебя, разумеется, будет время, чтобы поиграть. Но я считаю, что если я готова исполнить мой долг и позаботиться о том, чтобы ты получила надлежащее воспитание и образование, то тебе следует быть готовой исполнить твой долг и позаботиться о том, чтобы моя забота не была

встречена неблагодарностью и не пропала даром.

Поллианна, казалось, была потрясена до глубины души.

— О, тетя Полли, разве я могу быть неблагодарной... по отношению к тебе! Ведь я люблю тебя... и ты даже не дама из комитета, а моя родная тетя!

— Очень хорошо. И постарайся не отплатить мне неблагодарностью, — соизволила ответить мисс Полли, поворачиваясь к двери.

Она была уже на середине лестницы, когда услышала позади себя несмелый прерывающийся голосок:

— Тетя Полли, но ты так и не сказала мне, какие из моих вещей ты хочешь... отдать.

Тетя Полли утомленно вздохнула, и вздох этот долетел до ушей Поллианны.

— Да, я забыла сказать тебе, Поллианна. Сегодня в половине второго Тимоти отвезет нас в город. Ни одно из этих платьев не годится для того, чтобы их носила моя племянница. И разумеется, я была бы далека от исполнения моего долга по отношению к тебе, если бы позволила тебе ходить в каком-либо из них.

Теперь вздохнула Поллианна — ей казалось, что она возненавидит само это слово — «долг».

— Тетя Полли, — снова окликнула она печально, — а нет ли в этом «долге» чего-нибудь такого, чему можно радоваться?

— Что? — Ошеломленная мисс Полли взглянула вверх, а затем, покраснев, отвернулась и сердито направилась вниз по лестнице. — Не дерзи, Поллианна!

В своей душевной и жаркой комнатке на чердаке Поллианна опустилась на один из стульев с прямой жесткой спинкой. Для нее все ее существование неясно вырисовывалось впереди как одно нескончаемое исполнение долга.

— Не знаю, честное слово, что тут было дерзкого, — вздохнула она. — Я только спросила ее, не может ли она указать мне какой-нибудь повод для радости при исполнении этого «долга».

Несколько минут Поллианна сидела в молчании, с грустью взирая на забытую кучу платьев на кровати. Потом она медленно встала и начала убирать их в шкаф.

— Нечему здесь радоваться, как я вижу, — сказала она вслух, — разве только тому, что долг исполнен! — И тут она неожиданно рассмеялась.

Глава 7. Поллианна и наказания

В половине второго Тимоти отвез мисс Полли и ее племянницу в четыре или пять самых больших магазинов одежды, находившихся примерно в полумиле от дома.

Обеспечить Поллианну новым гардеробом оказалось более или менее тяжелым испытанием для всех, вовлеченных в эту процедуру. Мисс Полли вышла из этого испытания с чувством облегчения, какое возникает у человека, очутившегося на твердой почве после опасного путешествия по тонкой корке раскаленной лавы вулкана. Продавцы, обслуживавшие этих двух клиенток, вышли из него с очень красными лицами и потом располагали таким запасом забавных рассказов о Поллианне, что их друзья всю оставшуюся неделю покатывались со смеху. Сама же Поллианна вышла из него, сияя улыбкой, довольная до глубины души, потому что, как она объяснила одному из продавцов: «Если всю жизнь были платья только из церковных пожертвований и от благотворительного комитета, то необыкновенно приятно просто пойти в магазин и купить совершенно новые вещи, которые не надо ни укорачивать, ни надставлять, чтобы они подходили».

Поездка по магазинам заняла весь день, а потом был ужин и приятнейшая беседа со Старым Томом в саду, и еще одна с Ненси на заднем крыльце, после того как посуда была вымыта, а тетя Полли отправилась с визитом к соседям.

Старый Том рассказал Поллианне чудесные истории о ее матери, чем поистине осчастливил девочку, а Ненси говорила о лежащей в шести милях от дома мисс Полли маленькой ферме Перепутье, где жили ее любимая мать и не менее любимые братик и сестрички. Ненси обещала, что когда-нибудь, если мисс Полли позволит, она возьмет Поллианну познакомиться с ними.

— У них прелестные имена. Я бы тоже хотела какое-нибудь красивое, — вздохнула Ненси. — Их зовут Эджернон, Флорабелла и Эстелла. Я... я ненавижу свое имя!

— Ах, Ненси, ужасно, что ты говоришь! Почему ты его ненавидишь?

— Потому что оно не такое красивое, как те. Понимаешь, я была первым ребенком, и мама тогда еще не читала столько всяких историй с красивыми именами.

— Но мне нравится имя Ненси, просто потому что это ты, — заявила

Поллианна.

— Хм! Ну, я думаю, тебе точно так же могло бы понравиться Кларисса Мабелла, — возразила Ненси, — а я была бы гораздо счастливее! Это великолепное имя!

— Ну, ничего, — со смехом сказала Поллианна, — ты можешь радоваться, что тебя не называли Хадшиба.

— Хадшиба?

— Да. Так зовут миссис Уайт. Муж называет ее Ха, и ей это не нравится. Она говорит, что, когда он зовет ее: «Ха, Ха!» — ей кажется, что в следующую минуту он разразится хохотом. А ей совсем не хочется, чтобы над ней смеялись!

Унылое лицо Ненси вдруг расплылось в широкой улыбке.

— Вот это да! Знаешь что? Я теперь каждый раз, как услышу «Ненси», буду вспоминать это «Ха, Ха!» и хохотать. Даже и не верится, что я рада... — Она неожиданно остановилась и с удивлением взглянула на Поллианну: — Послушай, ты что же... ты сейчас играла в эту игру... ну, то есть что я могу радоваться, потому что меня не зовут Хадшиба?

Поллианна нахмурилась, потом засмеялась:

— Ну да, Ненси, так оно и есть! Я играю в игру, но это как раз тот случай, когда я делаю это, даже не отдавая себе в том отчета. Понимаешь, это часто случается; так привыкаешь к этому... искать повод для радости. И обычно во всем можно его найти, если ищешь усердно и долго.

— Ну, м-может быть, — признала Ненси с явным недоверием.

В половине девятого Поллианна пошла спать. Заказанных сеток для окон еще не привезли, и в тесной маленькой комнатке с закрытыми окнами было жарко, словно в раскаленной печи. Поллианна с тоской посмотрела на плотно закрытые окна, но не открыла их. Она разделась, аккуратно сложила свою одежду, прочла молитву, задула свечу и влезла в постель.

Как долго лежала она без сна, ворочаясь с боку на бок в жаркой узкой постели, она не знала, но ей показалось, что прошли часы, прежде чем она наконец выскользнула из постели, оцупью пробралась через комнату и открыла дверь.

Повсюду на чердаке царил бархатная чернота, за исключением того места у восточного мансардного окна, где свет луны ложился на пол длинной серебристой дорожкой. Стараясь не обращать внимания на пугающую темноту справа и слева, Поллианна глубоко вздохнула и решительно направилась прямо к этой световой дорожке и по ней — к окну.

У нее была робкая надежда, что, возможно, на этом окне есть сетка, но

сетки не оказалось. За окном был широкий, сказочно красивый мир и еще там был, она знала, свежий и душистый воздух, который так приятно ощутить горячим щекам и рукам!

Шагнув ближе и с тоской взглядевшись в окно, она вдруг увидела кое-что еще: чуть ниже окна располагалась широкая, крытая жестью крыша застекленной веранды, построенной над крытой частью дома. Этот вид наполнил ее еще более глубокой тоской. Ах, если бы она могла оказаться там!

Она боязливо оглянулась кругом. Где-то позади была ее душная, жаркая комнатка и еще более жаркая постель, но от нее Поллианну отделяла страшная пустыня темноты, через которую надо было пробираться ощупью с вытянутыми вперед руками, в то время как перед ней за окном была крыша веранды, залитая лунным светом, и прохладный, свежий ночной воздух.

Если бы ее постель была там, за окном! Ведь спят же некоторые под открытым небом! Например, в ее родном городке на западе Джоэль Хартли, у которого была чахотка, вынужден был всегда спать на свежем воздухе.

Вдруг Поллианна вспомнила, что днем она видела рядом с этим чердачным окном целый ряд висевших на гвоздях длинных белых мешков. Ненси сказала, что в них убирают на лето зимнюю одежду. Поллианна ощупью добралась до мешков, выбрала один, приятно пухлый и мягкий (в нем была котиковая шубка мисс Полли), который мог послужить постелью; потом еще один, потоньше, чтобы свернуть его пополам и использовать как подушку, и еще один (такой тонкий, что он казался почти пустым) вместо одеяла. С этим снаряжением, не помня себя от радости, она бодро затопала к освещенному лунным светом окну, открыла его, вытолкнула наружу свою ношу, а затем выскользнула вслед за ней сама, старательно закрыв за собой окно. Она не забыла о мухах с их чудесными лапками, на которых они столько всего переносят!

Как восхитительно прохладно было на крыше! Поллианна чуть не запрыгала от восторга, глубоко вдыхая полной грудью освежающий воздух. Жестяная крыша потрескивала у нее под ногами, но этот выразительный звук понравился Поллианне. Два или три раза она прошла по крыше из конца в конец. После горячей маленькой комнаты это принесло ей приятное ощущение широкого, открытого пространства. Крыша была такая большая и плоская, что Поллианна совсем не боялась упасть с нее. Наконец со вздохом удовлетворения она уютно улеглась на матрасе из котиковой шубы, пристроив другой мешок под голову вместо подушки и накрывшись третьим, и приготовилась ко сну.

— Теперь я так рада, что сетки еще не пришли, — пробормотала она, сонно глядя на звезды, — а иначе я не спала бы здесь!

Тем временем внизу, в комнате, прилегающей к веранде, мисс Полли торопливо надевала халат и совала ноги в туфли; лицо ее было бледным и испуганным. За минуту до этого она по телефону звонила Тимоти и говорила в трубку дрожащим голосом:

— Вставайте скорее!.. И приходите вместе с отцом! Возьмите фонари. Кто-то ходит по крыше веранды. Он, должно быть, взобрался по деревянной решетке для роз или еще как-то и теперь может залезть в дом через восточное окно чердака. Я заперла дверь на чердак, но... скорее, скорее!

Некоторое время спустя начавшую уже засыпать Поллианну разбудил свет фонарей и трио изумленных восклицаний. Она открыла глаза и увидела Тимоти, стоявшего на вершине лестницы, приставленной к крыше веранды, Старого Тома, вылезавшего из чердачного окна, и выглядывающую из-за его плеча тетку.

— Поллианна, что это значит? — воскликнула мисс Полли.

Девочка сонно заморгала и села.

— Ой, мистер Том... тетя Полли! — запинаясь, произнесла она. — Не пугайтесь так. У меня нет чохотки... ну, как у Джоэля Хартли. Просто мне было ужасно жарко... в комнате. Но я закрыла окно, тетя Полли, так что мухи не смогут занести в дом этих... микробов.

Тимоти вдруг исчез с лестницы. Старый Том почти с той же стремительностью вручил свой фонарь мисс Полли и последовал за сыном. Мисс Полли крепко прикусила губу и, только когда мужчины ушли, сказала сурово:

— Поллианна, сейчас же подай мне эти вещи и влезай сюда!.. Что ты за странный ребенок! — воскликнула она чуть позже, когда, неся в одной руке фонарь, а другой ведя Поллианну, зашагала к чердачной лестнице.

После свежего ночного воздуха жара на чердаке показалась Поллианне еще более — удушающей, но она не жаловалась, только глубоко и прерывисто вздохнула.

У верхней ступеньки лестницы мисс Полли заговорила резко:

— Оставшуюся часть ночи, Поллианна, ты будешь спать со мной. Сетки будут доставлены завтра, но до того момента я считаю своим долгом не спускать с тебя глаз.

Поллианна ахнула и закричала с восторгом:

— С тобой? В твоей постели? О, тетя Полли, тетя Полли, какая ты милая! Я так хотела спать с кем-нибудь... с кем-нибудь родным понимаешь,

не с дамой из комитета. Уж их то в моей жизни было предостаточно. Ах! Я так рада теперь, что эти сетки еще не пришли! А ты обрадовалась бы?

Ответа не было. Мисс Полли шагала вперед. Сказать по правде, у нее было странное ощущение бессилия. В третий раз с момента приезда Поллианны мисс Полли наказывала ее и в третий раз сталкивалась с удивительным фактом, что придуманное ею наказание воспринималось как особая награда за заслуги. Поэтому ничего странного, что она чувствовала себя такой непривычно беспомощной.

Глава 8. Поллианна наносит визит

Вскоре жизнь в доме мисс Харрингтон приобрела черты чего-то похожего на порядок, хотя и не совсем тот порядок, который поначалу запланировала мисс Полли. Поллианна шила, играла гаммы, читала вслух и училась готовить в кухне, все это правда; но она не посвящала ни одному из этих занятий столько времени, сколько было отведено им в первоначальном проекте мисс Полли. У нее оставалось много времени, чтобы, как она выражалась, «просто жить», потому что почти все послеобеденное время, от двух до шести, она могла занять тем, чем ей хотелось, — при условии, что ей не захочется заниматься тем, что уже запретила тетя Полли.

Остается, впрочем, под вопросом, было ли это время досуга предоставлено Поллианне, чтобы отдохнуть от работы, или тете Полли, чтобы отдохнуть от Поллианны, поскольку уже в эти первые июльские дни у мисс Полли не раз был случай воскликнуть: «Какой странный ребенок!», а после каждого урока шитья и чтения вслух она чувствовала себя отчасти ошеломленной и совершенно измученной.

В кухне у Ненси дела обстояли лучше. Она не была ни измучена, ни ошеломлена. Среды и субботы стали для нее настоящими праздниками.

По соседству с домом мисс Харрингтон не было детей, с которыми могла бы играть Поллианна. Дом стоял на окраине городка, и хотя неподалеку располагались другие дома, в них не было ни мальчиков, ни девочек примерно того же возраста, что Поллианна. Впрочем, казалось, это ее совсем не огорчало.

— О нет, я ничуть от этого не страдаю, — объясняла она в разговоре с Ненси. — Я счастлива, что могу просто ходить по улицам, разглядывать дома, наблюдать за людьми. Я люблю людей. А ты, Ненси?

— Ну, не скажу, чтобы я любила... их всех, — отвечала Ненси немногословно.

Почти каждый погожий день Поллианна выпрашивала позволение «пробежаться», с тем чтобы она могла прогуляться в том или ином направлении по улицам городка. Часто во время этих прогулок она встречала одного Мужчину, как она обычно мысленно его называла, даже если встречала в тот же день десяток других мужчин.

Мужчина носил длинный черный сюртук и блестящий цилиндр — два предмета одежды, которых «просто мужчины» никогда не носили. Лицо у

него было чисто выбритое и бледное, а волосы, видневшиеся из-под цилиндра, были с проседью. Он держался прямо, шел довольно быстрым шагом, но всегда один, чем возбуждал в Поллианне неясное сочувствие. Возможно, именно поэтому она однажды заговорила с ним.

— Как поживаете, сэр? Чудесный день, не правда ли? — воскликнула она весело, поравнявшись с ним.

Мужчина быстро оглянулся кругом, затем неуверенно остановился.

— Ты это... мне сказала? — спросил он резким голосом.

— Да, сэр, — лучезарно заулыбалась Поллианна. — Я сказала, чудесный день, не правда ли?

— Э? О! Хм! — проворчал Мужчина и зашагал дальше.

Поллианна рассмеялась. «Какой смешной», — подумала она.

На следующий день они столкнулись опять.

— Сегодня не так хорошо, как вчера, но тоже неплохо! — воскликнула она оживленно.

— Э? О! Хм! — проворчал он, как прежде; и опять Поллианна радостно засмеялась.

Когда она подобным же образом заговорила с ним в третий раз, Мужчина внезапно остановился.

— Послушай, девочка, кто ты и почему ты каждый день заговариваешь со мной?

— Меня зовут Поллианна Уиттиер, а вы показались мне очень одиноким. Я очень рада, что вы остановились поговорить со мной. Теперь мы знакомы... только я еще не знаю, как вас зовут.

— Ей-богу, из всех... — Мужчина не закончил фразу и зашагал прочь еще быстрее, чем обычно.

Поллианна взглянула ему вслед, уголки ее обычно улыбающихся губ разочарованно опустились.

— Может быть, он не понял... но это была только половина знакомства. Я еще не знаю его имени, — пробормотала она, продолжая свой путь.

В этот день она несла студень из телячьих ножек миссис Сноу. Раз в неделю мисс Полли Харрингтон обязательно посылала что-нибудь миссис Сноу. Она говорила, что считает это своим долгом, ввиду того что миссис Сноу — бедная, больная и принадлежит к той же самой церкви, и, разумеется, долг всех членов церкви помогать ей. Обычно мисс Полли исполняла свой долг по отношению к миссис Сноу во вторник после обеда — не лично, а при посредстве Ненси. Однако в этот день данную привилегию выпросила для себя Поллианна, и Ненси охотно, с согласия

мисс Полли, от нее отказалась.

— И даже рада, что избавилась от этого, — объявила она, оставшись наедине с Поллианной, — хотя это, конечно, позор — сваливать такую работу на тебя, бедняжечка, позор, позор!

— Но мне это поручение нравится, Ненси.

— Ну, тебе оно не понравится, когда ты сходишь туда разок, — предрекла Ненси с кислой миной.

— Почему?

— Потому что никому такое не понравится. Если бы люди ее не жалели, возле нее не было бы ни души с утра до ночи, такая она сварливая. Жалко мне еще ее дочку, которой приходится о ней заботиться.

— Но почему, Ненси?

Ненси пожала плечами.

— Ну, откровенно говоря, что бы ни происходило, на взгляд миссис Сноу, происходит неправильно. Даже дни недели идут не в том порядке, в каком ей хотелось бы. Если это понедельник, то ей хочется, чтобы это было воскресенье. А если ты принесешь ей студень, то наверняка услышишь, что она предпочла бы цыпленка. Но если бы ты принесла ей цыпленка, она заявила бы, что истосковалась по бараньему бульону!

— Какая забавная женщина, — засмеялась Поллианна. — Я охотно пойду ее повидать. Она, должно быть, удивительная... и особенная. Я люблю особенных людей.

— Хм! Что миссис Сноу «особенная», так это точно... Я надеюсь, что таких больше нет... к счастью! — заключила Ненси с ожесточением.

Об этих словах Ненси и думала теперь Поллианна, входя в ворота маленького неказистого домика. Глаза у нее сияли в предвкушении встречи с «особенной» миссис Сноу.

Бледная молодая девушка с усталым видом открыла дверь в ответ на стук.

— Добрый день, — начала Поллианна вежливо. — Я от мисс Полли Харрингтон. И мне хотелось бы увидеть миссис Сноу.

— Если так, то ты первая, кому этого захотелось, — пробормотала девушка вполголоса, но Поллианна не расслышала этих слов.

Девушка повернулась и прошла к двери в другом конце передней.

Она впустила Поллианну в комнату больной и сразу закрыла дверь. Некоторое время девочка растерянно моргала, прежде чем смогла приучить глаза к царившему в комнате полумраку. Наконец в противоположном конце комнаты она увидела смутные очертания женщины, полулежащей в постели, и направилась к ней.

— Как вы себя чувствуете, миссис Сноу? Тетя Полли надеется, что сегодня вам лучше, и посылает вам студень из телячьих ножек.

— Боже мой! Студень? — проворчал раздраженный голос. — Конечно, я очень благодарна, но я надеялась, что сегодня это будет бараний бульон.

Поллианна чуть-чуть нахмурилась.

— Да? А я думала, что, когда вам приносят студень, вы хотите цыпленка, — заметила она.

— Что-о? — Больная вдруг повернулась в постели.

— Нет, ничего, — поспешила извиниться Поллианна. — Разумеется, тут нет большой разницы. Просто Ненси говорила мне, что вы всегда хотите цыпленка, когда вам приносят студень, а бараний бульон — тогда, когда мы приносим цыпленка... Но, может быть, все наоборот, и Ненси перепутала.

Больная приподнялась и села в постели, что случилось с ней весьма редко, хотя Поллианне об этом не было известно.

— Ну, мисс Нахалка, кто ты такая? — спросила она.

Поллианна весело засмеялась:

— О, меня зовут совсем по-другому, миссис Сноу... и я этому рада! А такое имя было бы похуже, чем Хадшиба, правда? Меня зовут Поллианна Уиттиер, и я племянница мисс Полли Харрингтон и теперь живу у нее. Вот почему я сегодня принесла студень.

Первую половину этого объяснения больная выслушала, сидя прямо, в позе, свидетельствующей о заинтересованности, но при упоминании о студне снова безвольно упала на подушки.

— Хорошо, спасибо. Твоя тетя, конечно, очень любезна, но у меня сегодня что-то нет аппетита, и к тому же мне хотелось бараньего... — Она внезапно умолкла, а затем продолжила, резко изменив тему разговора: — В прошлую ночь я совсем не сомкнула глаз!

— Ах, вот бы мне так, — вздохнула Поллианна, поставив студень на маленький столик и удобно усаживаясь на ближайший стул. — Сколько времени теряешь, пока спишь! Вам не кажется?

— Теряешь время, когда спишь? — В голосе миссис Сноу звучало недоумение.

— Да, а в это время можно было бы жить. Так жаль, что мы не можем жить и ночью!

Больная опять, выпрямившись, села в постели.

— Ты меня прямо-таки изумляешь! Ну-ка! Подойди к окну и отдерни штору, — распорядилась она. — Я хочу увидеть, как ты выглядишь!

Поллианна поднялась, рассмеявшись, но не очень весело.

— Ах, Боже мой! Теперь вы увидите мои веснушки, — вздохнула она, подходя к окну. — А я так радовалась, что темно и их не видно. Ну, вот, теперь вы можете... О! — воскликнула она, когда обернулась к постели. — Я так рада, что вы захотели увидеть меня, потому что теперь и я вас вижу! Никто не говорил мне, что вы такая красивая!

— Я! Красивая? — с горькой усмешкой переспросила женщина.

— Ну да. А вы не знали?

— Нет, не знала, — сухо ответила миссис Сноу.

Миссис Сноу прожила на свете сорок лет и пятнадцать из них была слишком занята тем, что горячо желала, чтобы каждая вещь вокруг нее была не такой, какая она на самом деле. А потому у нее не хватало времени на то, чтобы радоваться этим вещам в том виде, в каком они существуют.

— О, но у вас такие большие темные глаза и волосы черные и вьются! — зашебетала Поллианна. — Я так люблю черные кудри. Это одна из тех вещей, которые я надеюсь получить, когда попаду на небо. И у вас такой чудесный легкий румянец. Да, да, миссис Сноу, вы красавица! Я думаю, вы поняли бы это, если бы поглядели на себя в зеркало.

— В зеркало! — проворчала больная, снова падая на подушки. — Да, конечно, последнее время я нечасто прихорашивалась перед зеркалом... да и ты не прихорашивалась бы, если бы лежала весь день неподвижно на спине, как я!

— Конечно, нет, — согласилась Поллианна сочувственно. — Но подождите... позвольте, я покажу вам! — воскликнула она, вприпрыжку подбегая к комоду и беря с него маленькое ручное зеркало. На обратном пути к кровати она приостановилась, критически оглядев больную.

— Если вы не возражаете, я хотела бы немножко по-другому причесать вас, прежде чем поднести вам зеркало, — предложила Поллианна. — Можно мне причесать вас? Пожалуйста! Позвольте!

— Ну, я... пожалуй, если хочешь, — разрешила миссис Сноу ворчливо, — но они не будут держаться...

— О, спасибо. Я очень люблю кого-нибудь причесывать, — возликовала Поллианна, осторожно отложив зеркальце и берясь за гребень. — Разумеется, сегодня я не очень много успею... мне не терпится показать вам, какая вы красивая; но когда-нибудь я расчесу все ваши волосы и с удовольствием ими займусь! — пообещала она, касаясь нежными пальцами волнистых волос надо лбом женщины.

Пять минут Поллианна трудилась ловко и быстро, то расчесывая в пушистую волну упрямый локон, то зачесывая вверх растрепавшиеся волосы на затылке, то взбивая повыше подушку, чтобы голова выглядела

лучше. Тем временем больную, которая усиленно хмурилась и язвительно насмеялась над всей этой процедурой, начало захватывать чувство, опасно напоминающее волнение.

— Вот! — выдохнула Поллианна, поспешно выдергивая розовую гвоздику из стоящей рядом вазы и втыкая ее в темные волосы, там, где цветок, по ее мнению, должен был произвести наилучшее впечатление. — Теперь мы готовы и можно на нас посмотреть! — И она с торжеством протянула зеркальце.

— Хм! — проворчала миссис Сноу, внимательно глядя на свое отражение. — Я больше люблю красные гвоздики, да, впрочем, все равно она завянет еще до вечера, так что какая разница!

— А я думаю, вы должны радоваться, что она завянет, — засмеялась Поллианна, — потому что тогда вам будет приятно воткнуть новую. Мне очень нравится, когда у вас так взбиты волосы, — закончила она, удовлетворенно взирая на свою работу. — А вам?

— Хм-м, может быть. Но... это не продержится долго, потому что я все время ворочаюсь в постели с боку на бок.

— Конечно нет... но я этому тоже рада, — кивнула Поллианна невозмутимо, — потому что тогда я смогу снова их уложить. К тому же, я думаю, вы можете радоваться, что они черные... Черные лучше выделяются на фоне белой подушки, чем светлые, как, например, мои.

— Может быть, но я никогда не ценила черные волосы — в них так рано заметна седина, — возразила миссис Сноу. Она говорила раздраженно, но по-прежнему держала перед собой зеркальце.

— А я так люблю черные волосы! Я была бы очень рада, если бы была брюнеткой, — вздохнула Поллианна.

Миссис Сноу опустила зеркальце и раздраженно обернулась:

— Не была бы ты рада... если бы была на моем месте! Ты не радовалась бы черным волосам, да и ничему другому... если бы тебе пришлось лежать здесь весь день, как мне!

Поллианна сдвинула брови, напряженно размышляя.

— Да, это было бы трудно... найти что-нибудь в этом случае... — размышляла она вслух.

— Что найти?

— Найти чему радоваться.

— Чему тут радоваться, когда лежишь больная в постели целыми днями? Тут, скажу тебе, радости мало, — сердито заявила миссис Сноу. — Если ты другого мнения, то сообщи мне, чему я должна радоваться. Будь так добра!

К безграничному удивлению миссис Сноу, Поллианна вскочила на ноги и хлопнула в ладоши.

— О, отлично! Это будет трудно, правда? Сейчас мне уже пора уходить, но я всю дорогу буду думать и думать и, может быть, в следующий раз я смогу это сказать. До свидания. Мне было очень приятно у вас в гостях. До свидания, — повторила она, переступая порог.

— Ну и ну! Но что она хотела этим сказать? — воскликнула миссис Сноу, глядя вслед посетительнице.

Она снова и снова поворачивала голову, держа в руке зеркальце и критически глядя на свое отражение.

— Эта девчушка умеет обращаться с волосами... бесспорно, — бормотала она себе под нос. — Честное слово, я даже и не подозревала, что они могут выглядеть так красиво. Но все равно, какой от этого прок? — вздохнула она, уронив маленькое зеркальце на постель и раздраженно поворачивая голову на подушке.

Немного позднее, когда Милли, дочь миссис Сноу, вошла в комнату, зеркало все еще лежало на постели, хотя теперь было тщательно спрятано от чужих глаз в складках одеяла.

— О, мама... штора отдернута! — воскликнула Милли, с удивлением переводя взгляд то на окно, то на гвоздику в волосах матери.

— Ну и что из того? — отрезала больная. — Не должна же я всю жизнь сидеть в темноте из-за того, что больна!

— Н-нет, конечно нет, — поспешила согласиться Милли, берясь за бутылку с лекарством. — Только... ты сама хорошо знаешь, что я так долго старалась уговорить тебя впустить в комнату хоть немного света, но ты не соглашалась.

Миссис Сноу молча теребила кружево на своей ночной рубашке, потом наконец заговорила ворчливо:

— Думаю, что хоть кто-нибудь мог бы догадаться и подарить мне новую ночную рубашку... вместо бараньего бульона... для разнообразия!

— Но... мама!

Неудивительно, что от растерянности у Милли перехватило дыхание. У нее за спиной в ящике комода лежали две новые ночные рубашки, надеть которые она несколько месяцев безуспешно уговаривала свою мать.

Глава 9, в которой рассказывается о Мужчине

Когда Поллианна в очередной раз встретила Мужчину, шел дождь? Тем не менее она приветствовала его радостной улыбкой.

— Сегодня не так приятно на улице, правда? — воскликнула она весело. — Я, впрочем, рада, что дождь идет не всегда!

На этот раз Мужчина даже ничего не проворчал и не повернул головы. Поллианна решила, что конечно же он не слышал ее. Поэтому в следующий раз (а случилось это на другой день) она заговорила громче. Она сочла это совершенно необходимым, потому что Мужчина шагал, заложив руки за спину и устремив глаза в землю, что казалось Поллианне нелепым перед лицом великолепного солнечного света и свежего, чистого после дождя утреннего воздуха. В этот день она в качестве особого поощрения получила разрешение на утреннюю прогулку.

— Как поживаете? — защебетала она. — Я так рада, что сегодня — это не вчера, а вы?

Мужчина резко остановился. На лице его было гневное и мрачное выражение.

— Послушай, девочка, мы должны решить этот вопрос прямо сейчас, раз и навсегда, — начал он раздраженно. — У меня есть другие заботы кроме погоды. Я даже не знаю, светит солнце или нет.

Поллианна просияла:

— Вот именно, сэр. Я так и знала, что вы не знаете. Поэтому я вам и сказала.

— Да... — начал было он, но неожиданно умолк, вдруг поняв смысл ее слов. — Э? Что? — Я говорю, что именно поэтому я сказала вам, чтобы вы заметили, что солнце светит и все такое. Я знала, что вы этому обрадуетесь, если только остановитесь и об этом подумаете. А то было ни капельки не похоже, что вы об этом знаете!

— Ну, из всех детей!.. — воскликнул Мужчина и беспомощно махнул рукой. Он двинулся вперед, но, сделав два шага, обернулся, по-прежнему хмурясь. — Послушай, почему бы тебе не найти для беседы кого-нибудь в твоём возрасте?

— Я была бы рада, сэр, но Ненси говорит, что здесь в округе нет детей. Но все равно я не очень огорчаюсь из-за этого. Я люблю взрослых не

меньше, может быть, даже больше, потому что я очень привыкла к дамам из благотворительного комитета.

— Хм! Дамы из благотворительного комитета, ну и ну! Ты что же, принимаешь меня за одну из них? — Губам Мужчины уже угрожала улыбка, но гневный взгляд все еще старался удержать их в узде мрачного недовольства.

Поллианна добродушно засмеялась:

— О нет, сэ. Вы ни капельки не похожи на даму из комитета... хотя, разумеется, вы ничуть не хуже... может быть, даже лучше, — с вежливостью поспешно добавила она. — Знаете, я уверена, что вы гораздо милее, чем кажетесь внешне.

Из горла Мужчины вырвался какой-то странный звук.

— Ну, из всех!.. — воскликнул он опять и, не окончив фразы, повернулся и зашагал дальше.

При следующей их встрече он взглянул ей в глаза с насмешливой прямоотой, которая, как подумала Поллианна, придавала его лицу действительно милое выражение.

— Добрый день, — приветствовал он ее несколько чопорно. — Вероятно, мне лучше сразу сказать, что я знаю о том, что солнце сегодня светит.

— Но вам даже не нужно мне этого говорить, — кивнула Поллианна радостно. — Я, как только вас увидела, сразу догадалась, что вы знаете!

— О, неужели?

— Да, сэ. Я увидела это по вашим глазам, понимаете... и по вашей улыбке.

— Хм! — проворчал Мужчина, проследовав дальше.

После этого он уже всегда отвечал Поллианне и даже часто заговаривал первым, хотя обычно ограничивался тем, что говорил: «Добрый день». Однако даже это оказалось большим сюрпризом для Ненси, которой однажды случилось, прогуливаясь вместе с Поллианной, услышать это приветствие.

— Боже мой! Поллианна! — ахнула она. — Этот человек заговорил с тобой!

— Да, он всегда говорит... теперь, — улыбнулась Поллианна.

— Всегда! Господи!.. Ты знаешь, кто... он... такой? — спросила Ненси.

Лицо Поллианны омрачилось, и она отрицательно покачала головой.

— Я думаю, он забыл мне сказать в тот день. Понимаешь, я ему представилась, а он мне — нет.

Ненси широко раскрыла глаза.

— Но он никогда ни с кем не говорит... уже много лет, я думаю. Только когда бывает вынужден... по делу или что-нибудь в этом роде. Это Джон Пендлетон. Он живет один-одинешенек в большом доме на холме Пендлетон-Хилл. У него даже кухарки нет, и три раза в день он ходит есть в гостиницу. Я знаю Салли Майнер, официантку, которая его там обслуживает. Так она говорит, что он едва открывает рот, чтобы сказать, чего он хочет поесть. По большей части ей просто приходится угадывать — только бы это было что-нибудь дешевое! Этого он может и не говорить, она без слов знает!

Поллианна понимающе кивнула:

— Я знаю. Приходится обходиться чем-нибудь подешевле, если ты бедный. Мы с папой часто обедали не дома. Обычно мы брали бобы и рыбные тефтельки. И мы обычно говорили друг другу, как мы рады, что любим бобы... то есть мы говорили это тогда, когда смотрели на жареную индейку. Понимаешь, она стоила шестьдесят центов за порцию! А мистер Пендлетон любит бобы?

— Любит? Какая разница, любит он или не любит? Он совсем не бедный. У него, у Джона Пендлетона, куча денег — ему отец оставил. Во всем городке нет второго такого богача. Он мог бы питаться долларовыми банкнотами, если бы только захотел... и даже не заметил бы этого.

Поллианна расхохоталась:

— Как будто кто-то может есть бумажные доллары и этого не замечать! Попробовал бы он их прожевать!

— Ха! Я хотела только сказать, что он достаточно богат для этого, — пожалала плечами Ненси. — Но он не тратит деньги, вот и все. Копит!

— О, наверное, на язычников, — предположила Поллианна. — Как это замечательно! Это значит — отказывать себе во всем и нести свой крест. Я знаю, мне папа говорил.

Губы Ненси неожиданно раздвинулись, как будто гневные слова были готовы сорваться с них, но глаза ее, задержавшиеся на простодушно сияющем лице Поллианны, увидели что-то, что помешало словам прозвучать.

— Хм! — только и изрекла она. Но затем, возвратившись к давнему предмету своего интереса, продолжила: — Надо сказать, это странно, что он говорит с тобой; честное слово, странно. Он ни с кем не разговаривает и живет совсем один в своем отличном огромном доме, который, как говорят, полон всяких шикарных вещей. Одни считают, что он полоумный, другие — что просто такой уж он нелюдим, а некоторые утверждают, что у него

скелет в шкафу.

— О, Ненси, — содрогнулась Поллианна. — Как он может хранить такую гадость! Выбросил бы его, да и все!

Ненси засмеялась. Ей было совершенно ясно, что Поллианна поняла выражение «скелет в шкафу» буквально, а не в переносном смысле, но она умышленно воздержалась от исправления этой ошибки.

— И все говорят, что он какой-то таинственный, — продолжила она. — По несколько лет путешествует — неделя там, неделя тут, — и все по разным языческим странам... в Египет, Азию и в пустыню какую-то — Сара... Понимаешь, о чем я говорю?

— О да, миссионер, — кивнула Поллианна. Ненси странно засмеялась.

— Ну, этого я не говорила... А как вернется, пишет книжки... но какие-то чудные, необычные... вроде как все про какие-то безделушки, которые находит в этих странах. А здесь, похоже, и гроша не хочет истратить; по крайней мере, просто на жизнь.

— О, разумеется, если он копит на язычников, — заявила Поллианна. — Но он забавный человек и особенный, как и миссис Сноу, только по-другому особенный.

— Ну, пожалуй, что так... пожалуй, — со смехом сказала Ненси.

— Я теперь еще больше рада, что он со мной разговаривает, — вздохнула Поллианна удовлетворенно.

Глава 10. Сюрприз для миссис Сноу

Когда Поллианна в следующий раз пошла навестить миссис Сноу, она застала ее, как и прежде, в затемненной комнате.

— Мама, это та девочка от мисс Полли, — объявила Милли устало и ушла, оставив Поллианну наедине с больной.

— А, это ты! — послышался недовольный голос с постели. — Я тебя помню. Кто угодно тебя запомнит, я думаю, если хоть раз увидит. Жаль, что ты не пришла вчера. Я так хотела, чтобы ты пришла вчера.

— Правда? Ну, тогда я рада, что от вчера до сегодня не так уж далеко, — засмеялась Поллианна, бодро приблизившись к постели и осторожно поставив свою корзинку на стул. — Ах, Боже мой! У вас опять темно! Я вас совсем не вижу! — воскликнула она и без колебаний, решительно направилась к окну, чтобы раздвинуть шторы. — Я хочу посмотреть, причесаны ли вы так, как я вас в прошлый раз причесала... Ах, нет, вы так не причесались! Но ничего страшного, я даже рада этому, потому что, может быть, вы позволите мне сделать это, но немного позднее. А сейчас я хочу, чтобы вы посмотрели, что я вам принесла.

Женщина беспокойно пошевелилась.

— Как будто внешний вид влияет на вкус, — насмешливо заметила она, но все же устремила взгляд на корзинку. — Ну, что там такое?

— Угадайте! Чего бы вы хотели? — Поллианна с сияющим лицом подскочила к своей корзинке.

Больная нахмурилась.

— О чем ни подумаю, ничего мне не хочется, — вздохнула она. — В конце концов, все это одинаково на вкус.

Поллианна тихонько засмеялась.

— Нет, нет! Угадайте! Если бы вы все-таки хотели чего-нибудь, то что это было бы?

Миссис Сноу была в нерешительности. Не сознавая этого сама, она за долгие годы привыкла неизменно желать того, чего у нее не было, и потому заявить сразу, чего она хочет, казалось невозможным, пока она не узнает, что у нее есть. Однако было ясно, что сказать что-то необходимо. Этот странный ребенок ждал ответа.

— Ну, конечно, бараний бульон...

— Я его принесла! — с торжеством воскликнула Поллианна.

— Но это именно то, чего я не хотела, — опять вздохнула больная,

теперь уже точно зная, о чем тоскует ее желудок. — Я хотела цыпленка.

— О, и его я тоже принесла, — засмеялась Поллианна.

Миссис Сноу обернулась в изумлении.

— И то и другое? — спросила она.

— Да, и студень из телячьих ножек тоже, — торжествовала Поллианна. — Я решила, что хоть раз вы должны получить именно то, что хотите. И мы с Ненси это обеспечили. Конечно, всего только понемножку... но есть все! Я так рада, что вы захотели цыпленка, — продолжала она удовлетворенно, вынимая из корзинки три маленьких горшочка. — Знаете, я всю дорогу думала, что будет, если вы скажете, что хотите рубца, или лука, или еще чего-нибудь такого, чего у меня нет! Это было бы ужасно, ведь я так старалась! — Она весело засмеялась.

Больная молчала. Казалось, она пытается мысленно отыскать что-то, что потеряла.

— Вот! Я оставлю вам все, — объявила Поллианна, выстраивая свои три горшочка в ряд на столе. — Вполне вероятно, что завтра вы захотите бараньего бульона. Как вы себя сегодня чувствуете? — заключила она вежливым вопросом.

— Очень нездоровится, спасибо, — пробормотала миссис Сноу, впадая в свою обычную апатию. — Я не смогла даже подремать сегодня утром. Нелли Хиггинс, соседка, начала брать уроки музыки, и ее гаммы почти окончательно свели меня с ума. Она мучила меня ими все утро, ни минуты передышки! Прямо не знаю, что делать!

Поллианна сочувственно закивала.

— Я понимаю, это ужасно! С миссис Уайт так было однажды. Она — член дамского благотворительного комитета. У нее как раз в то время был приступ ревматизма, и она не могла даже метаться в постели. Она говорила, что ей было бы гораздо легче, если бы она могла. Вы можете?

— Могу ли я... что?

— Метаться — ну, двигаться так, чтобы изменить положение, когда становится невозможно переносить эти гаммы.

Миссис Сноу в изумлении смотрела на девочку.

— Ну, конечно, я могу двигаться как угодно, но в кровати, — ответила она немного раздраженно.

— Тогда вы можете радоваться хотя бы этому, правда? А вот миссис Уайт не могла. Нельзя метаться, когда у тебя приступ ревматизма... хотя ужасно хочется, говорит миссис Уайт. Она рассказывала мне потом, что ее, несомненно, ожидало буйное помешательство, если бы не уши ее золочки... Она совершенно глухая...

— Уши золовки? Да о чем ты говоришь?

Поллианна засмеялась.

— Ах, я вам не все рассказала. Я забыла, что вы ведь незнакомы с миссис Уайт. Видите ли, ее золовка, мисс Уайт, была глухая... ужасно глухая. А приехала она к ним, чтобы помочь по хозяйству и ухаживать за больной миссис Уайт. И это было что-то ужасное! Чтобы растолковать ей что-нибудь, приходилось так кричать! И после этого каждый раз, когда на другой стороне улицы начинали играть на пианино, миссис Уайт была так рада, что она может слышать музыку, что ей уже не было так тяжело от того, что она ее слышит, потому что она воображала, как это было бы ужасно, если бы она была такой же глухой, как ее золовка. Видите ли, она тоже играла в игру. Я ее научила.

— В игру?

Поллианна хлопнула в ладоши.

— Ой! Я совсем забыла, но я ведь все-таки придумала, чему вы, миссис Сноу, можете радоваться!

— Могу радоваться? Что ты хочешь сказать?

— Я обещала вам, что придумаю! Вы не помните? Вы просили меня сказать вам, чему вы могли бы радоваться... то есть радоваться, несмотря даже на то, что вам приходится целыми днями лежать в постели.

— Ах это! — насмешливо протянула женщина. — Да, помню, но я и не предполагала, что ты отнесешься к этому серьезнее, чем я.

— О, да, я отнеслась серьезно, — кивнула Поллианна с удовлетворением, — и нашла. Но это оказалось нелегко. Хотя чем труднее, тем веселее. И должна признаться честно, что я долго ничего не могла придумать. А потом придумала!

— Неужели? Ну и что же это такое? — В голосе миссис Сноу звучала ирония. Поллианна набрала воздуха.

— Я думала... как рады могли бы вы быть тому... что другие люди не в таком положении, как вы... то есть не все больные и лежат в постелях, понимаете? — объявила она выразительно.

Миссис Сноу уставилась на нее широко раскрытыми, гневными глазами.

— В самом деле?! — воскликнула она малоприятным тоном.

— А теперь я расскажу вам про игру, — предложила Поллианна, сохраняя блаженную уверенность в себе. — Вам будет очень приятно играть, ведь для вас это будет так трудно! А чем труднее, тем веселее! Видите ли, дело в том... — И она начала свой рассказ о церковных пожертвованиях, костылях и кукле, которую так и не получила.

Она только что кончила рассказывать, когда в дверях появилась Милли.

— Поллианна, тебя зовет тетя, — сказала она угрюмо и равнодушно. — Она звонила по телефону в дом Харлоу на другой стороне улицы и велела тебе поторопиться, чтобы успеть поиграть гаммы, прежде чем стемнеет.

Поллианна неохотно поднялась.

— Хорошо, — вздохнула она. — Уже бегу. — И неожиданно рассмеялась: — Наверное, я должна радоваться, что у меня есть ноги, чтобы бежать, правда, миссис Сноу?

Ответа не было. Миссис Сноу лежала с закрытыми глазами. Но Милли, которая от удивления широко раскрыла свои, заметила, что по впалым щекам матери бегут слезы.

— До свидания, — бросила Поллианна через плечо уже от порога. — Мне ужасно жаль, что я не успела заняться вашей прической. Но, может быть, мне удастся в следующий раз...

Один за другим проходили июльские дни. Для Поллианны они были по-настоящему счастливыми. И она часто с радостью говорила об этом тетке. На что та обычно отвечала утомленно:

— Это очень хорошо, Поллианна. Меня, конечно, радует, что они такие счастливые, но я надеюсь, что они в той же степени плодотворные, так как в противном случае это было бы явное пренебрежение долгом с моей стороны.

Обычно Поллианна отвечала на это объятиями и поцелуем, что все еще приводило мисс Полли в глубочайшее замешательство. Но однажды Поллианна высказалась. Это было, когда они вместе шили в гостиной.

— Значит, тетя Полли, ты хочешь сказать, что этого недостаточно, чтобы дни были просто счастливыми? — спросила она задумчиво.

— Именно это я и имею в виду.

— Они должны быть еще и плодотворными?

— Конечно.

— А как это — плодотворными?

— Ну, это... просто... быть плодотворными... Приносить пользу, давать какой-то результат. Какой ты странный ребенок!

— Тогда просто радоваться — не полезно? — встревожилась Поллианна.

— Конечно нет.

— Ах, как жаль! Тогда тебе, конечно, не понравится, и, боюсь, ты никогда не будешь играть.

— Играть? Во что играть?

— Ну, в ту игру, которую папа... — Поллианна хлопнула себя ладонью по губам. — Н-нет, ничего, — пробормотала она запинаясь.

Мисс Полли нахмурилась.

— На сегодня хватит, Поллианна, — сказала она коротко, и урок шитья был окончен.

В тот же день Поллианна, спускаясь по лестнице из своей комнаты, встретила на полпути тетку.

— О, тетя Полли, как хорошо! — закричала она. — Ты идешь ко мне! Заходи! Я люблю гостей, — добавила она, бросаясь вверх по лестнице и широко распахивая дверь в свою комнатку.

На самом деле мисс Полли не имела ни малейшего намерения заходить к своей племяннице. Она направлялась на чердак за своей белой шерстяной шалью, которая лежала в кедровом ящике возле восточного окна. Но, к своему безмерному удивлению, она оказалась не перед этим кедровым ящиком, а на одном из жестких стульев с прямой спинкой в маленькой комнатке Поллианны. Уже много, очень много раз с тех пор, как приехала Поллианна, мисс Полли обнаруживала, что самым неожиданным и удивительным образом делает совершенно не то, что намеревалась сделать.

— Я люблю гостей, — порхая по комнате, повторяла Поллианна с достоинством принцессы, принимающей гостью в своем дворце. — Особенно с тех пор, как у меня появилась своя собственная комната — вся моя, понимаешь? Конечно, у меня всегда была комната, но это была комната, которую мы у кого-нибудь снимали, а такие комнаты даже и вполтину не такие приятные, как собственные, правда? А ведь эта моя собственная, правда?

— Ну д-да, — пробормотала мисс Полли, смутно удивляясь, почему она не встает и не идет за шалью.

— И теперь я полюбила эту комнату, пусть даже в ней нет ни ковров, ни штор, ни картин, которые мне так хотелось иметь... — Поллианна вдруг умолкла и покраснела в неприятном смущении. Она попыталась поскорее нырнуть в совершенно другую тему разговора, но тетка сурово прервала ее:

— Что ты сказала, Поллианна?

— Н-ничего такого... Тетя Полли, честно. У меня просто вырвалось.

— Вполне возможно, — ответила мисс Полли холодно, — но раз уж ты начала, то, я думаю, мы услышим и остальное.

— Но тут нет ничего особенного, просто я рассчитывала на красивые ковры, кружевные занавески и все такое, понимаешь... Но конечно...

— Рассчитывала?! — прервала ее мисс Полли резко.

Смущенная, Поллианна покраснела еще отчаяннее.

— Разумеется, мне не следовало рассчитывать, — оправдывалась она. — Но это случилось только потому, что я всегда их хотела и у меня никогда их не было. У нас, правда, были два коврика в пожертвованиях, но они, понимаешь, были маленькие, да к тому же один в чернильных пятнах, а другой дырявый. И картины были только две; одну папа... то есть хорошую мы продали, а плохая развалилась. Конечно, если бы не это, я не рассчитывала бы, когда мы шли через холл и по лестнице, в тот самый первый день, что у меня будет здесь красивая комната... и... и... Но, честное слово, тетя Полли, это продолжалось не больше минуты, ну, может быть, несколько минут, а потом я уже радовалась, что на комодке нет зеркала, и я не буду видеть мои веснушки, и что не может быть красивее картины, чем та, что видна из моего окна, и что ты была так добра ко мне, что...

Мисс Полли неожиданно поднялась. Лицо ее пылало.

— Довольно, Поллианна, — заявила она холодно, — ты сказала вполне достаточно. — В следующую минуту она величественно спустилась вниз по лестнице и только на первом этаже вдруг вспомнила, что направлялась на чердак поискать белую шерстяную шаль в кедровом ящике, стоящем у восточного окна.

Не прошло и двадцати четырех часов, как мисс Полли решительно приказала Ненси:

— Сегодня же перенесешь вещи мисс Поллианны вниз, в комнату, расположенную под той, которую она занимает сейчас. Я решила, что теперь моя племянница будет спать там.

— Хорошо, мэм, — сказала Ненси вслух, а про себя добавила: «Какое счастье!» Минуту спустя она уже радостно кричала Поллианне:

— Только послушай, Поллианна, ты будешь спать ниже этажом, в комнате прямо под этой... да, да!

Поллианна заметно побледнела:

— Ты хочешь сказать... Ненси, не может быть... Правда? В самом деле?

— Вот увидишь, что и правда, и в самом деле, — пообещала Ненси возбужденно, кивая головой над охапкой платьев, которые она вынула из шкафа. — Мне велено отнести вниз твои вещи, и я собираюсь сделать это поскорее, пока она не передумала.

Поллианна не дослушала и, рискуя разбить себе голову, стремглав понеслась вниз по лестнице, прыгая через две ступеньки.

Хлопнув двумя дверями и перевернув по дороге стул, она наконец

достигла своей цели — тети Полли.

— О, тетя Полли, тетя Полли, это правда, да? Ведь в той комнате есть все: и ковер, и шторы, и три картины, не считая той, что за окном, потому что окна выходят на ту же сторону! О, тетя Полли!

— Очень хорошо, Поллианна. Мне, конечно, приятно, что ты довольна этой переменной. Но если тебе так нравятся все эти вещи, я надеюсь, ты будешь относиться к ним бережно. Вот и все. Поллианна, пожалуйста, подними стул. И ты два раза подряд хлопнула дверями. — Мисс Полли говорила суровым тоном, тем более суровым, что по какой-то необъяснимой причине чувствовала, что к глазам у нее подступают слезы, а мисс Полли не привыкла к таким ощущениям.

Поллианна подняла стул.

— Да, я знаю, что я хлопнула дверями, — признала она радостно. — Понимаешь, я только что узнала о комнате, и я думаю, что ты тоже хлопнула бы, если бы... — Поллианна не договорила и взглянула на тетку с новым интересом. — Тетя Полли, неужели ты никогда в жизни не хлопнула дверью?

— Надеюсь, что нет! — В голосе мисс Полли звучало глубокое возмущение.

— Но, тетя Полли, это ужасно! — Лицо Поллианны выражало только искреннее сочувствие.

— Ужасно? — повторила мисс Полли, слишком удивленная, чтобы сказать больше.

— Ну да. Понимаешь, если бы у тебя было такое чувство, что просто необходимо хлопнуть дверью, ты, разумеется, хлопнула бы, а если ты не хлопнула, то это означает, что ты никогда ничему так не радовалась... а то ты бы хлопнула, ты не смогла бы удержаться. И мне так жаль, что ты ничему никогда так не радовалась!

— Поллианна! — с трудом хватая воздух, вскрикнула мисс Полли, но Поллианны уже не было, и только хлопнувшая наверху дверь ответила на этот возглас. Поллианна помчалась к Ненси, чтобы помочь ей перенести вниз свои вещи.

Мисс Полли, оставшаяся в гостиной, ощутила какое-то неясное беспокойство... но, конечно же, она радовалась в прошлом... некоторым вещам!

Глава 11, знакомящая с Джимми Бином

Пришел август. Он принес с собой множество сюрпризов и перемен, ни одна из которых, впрочем, не удивила Ненси, с самого приезда Поллианны ожидавшую и сюрпризов и перемен.

Первым был котенок.

Поллианна нашла его, жалобно мяукающего, на дороге, неподалеку от дома. И когда методичные расспросы соседей не выявили никого, кто пожелал бы предъявить на него свои права, Поллианна принесла его домой, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

— И я рада, что у него не оказалось хозяина, — призналась она тетке, — потому что мне так хотелось забрать его домой. Я люблю котят. Я знала, что ты тоже обрадуешься, что он будет жить у нас.

Мисс Полли взглянула на маленький и беззащитный серый комочек, подлинное олицетворение горькой участи, в объятиях Поллианны и содрогнулась: мисс Полли терпеть не могла кошек, даже красивых, здоровых, чистых.

— Фу! Поллианна! Какой он грязный и страшный! Он больной, я уверена; весь шелудивый и с блохами!

— Я знаю. Ах ты бедняжка, — с нежностью ворковала Поллианна, глядя в испуганные глаза маленького создания. — И весь дрожит... так боится. Понимаешь, он еще не знает, что мы его оставим у себя.

— И никто этого не знает, — возразила мисс Полли с подчеркнутой выразительностью.

— Ну, что ты, конечно, все знают, — кивнула Поллианна, совершенно неправильно истолковав тетнины слова. — Я каждому говорила, что мы возьмем его, если не найдется хозяин. Я знала, что ты будешь рада взять его... такого маленького, несчастного, брошенного!

Мисс Полли открыла было рот и попыталась заговорить — но тщетно. Удивительное чувство беспомощности, так часто охватывавшее ее с момента приезда Поллианны, снова взяло верх.

— Я ведь знала, — торопливо продолжила Поллианна с благодарностью в голосе, — что ты не позволишь, чтобы такой милый, бедный, одинокий котенок скитался без крыши над головой, когда ты только что взяла меня. Я так и сказала миссис Форд, когда она спросила, позволишь ли ты мне взять его в дом. У меня-то хоть были дамы из комитета, а у котенка даже их нет. Я знала, что ты именно так и

думаешь, — кивнула она радостно, выбегая из комнаты.

— Но, Поллианна, Поллианна, — запротестовала мисс Полли, — я не...

Но Поллианна в это время уже была на полпути в кухню, восклицая:

— Ненси, Ненси, только взгляни на этого миленького котеночка; тетя Полли будет воспитывать его вместе со мной!

А в гостиной тетя Полли — которая испытывала непреодолимое отвращение к кошкам — откинулась на спинку своего кресла, задыхаясь от ужаса и не имея сил протестовать.

На следующий день в доме появился пес, еще более грязный и жалкий, чем котенок, и опять мисс Полли, онемев от изумления, обнаружила себя в роли доброй покровительницы и ангела милосердия — роли, которую Поллианна столь уверенно возложила на нее как нечто совершенно естественное, что тетка, несмотря на еще большее отвращение, которое она питала к собакам, чем к кошкам, оказалась, как и прежде, не в силах протестовать.

Однако когда не прошло и недели, а Поллианна привела в дом маленького оборванца и с той же уверенностью потребовала такого же покровительства и для него, мисс Полли наконец нашла что сказать. А случилось это так.

В четверг, погожим утром, Поллианна опять понесла студень из телячьих ножек миссис Сноу. Теперь они были лучшими друзьями. Начало этой дружбе положил третий визит Поллианны, следующий после того, как она рассказала миссис Сноу об игре. И теперь миссис Сноу сама играла в эту игру вместе с Поллианной. Конечно, получалось у нее пока не очень хорошо — она так долго на все сетовала, что теперь ей было нелегко чему-нибудь радоваться. Но ободряющие указания Поллианны, веселым смехом встречающей все ее ошибки, помогали миссис Сноу быстро приобретать сноровку. Сегодня, к огромной радости Поллианны, она даже заявила, что рада принесенному студню, потому что именно его ей и хотелось, — она не знала, что Милли еще у порога успела сказать Поллианне, что жена священника в этот день уже прислала миссис Сноу большую миску такого же студня.

Поллианна как раз размышляла об этом, когда неожиданно увидела мальчика.

Мальчик, всем своим видом вызывающий сочувствие, сидел на обочине дороги, без всякого интереса строгая ножом какую-то палочку.

— Привет, — чарующе улыбнулась Поллианна.

Мальчик посмотрел на нее, но тут же отвел взгляд.

— Ну, привет, — пробормотал он.

— Похоже, ты не обрадовался бы даже студню из телячьих ножек, — засмеялась Поллианна, остановившись перед ним.

Мальчик беспокойно пошевелился, бросил на нее удивленный взгляд и снова принялся строгать свою палочку тупым ножом со сломанным лезвием.

Поллианна постояла в нерешительности, а затем удобно уселась на траве рядом с ним. Вопреки всем ее решительным уверениям, что она «привыкла к дамам из комитета» и «не очень огорчается» из-за отсутствия детей по соседству, порой она все же вздыхала об обществе своего возраста. Отсюда проистекала ее решимость извлечь максимум возможного из этой встречи.

— Меня зовут Поллианна Уиттиер, — начала она любезно. — А тебя?

Мальчик опять беспокойно заерзал. Он даже встал было на ноги, но потом сел снова.

— Джимми Бин, — проворчал он с нелюбезным равнодушием.

— Как хорошо! Теперь мы знакомы. Я рада, что ты тоже представился... а то, понимаешь, некоторые этого не делают. Я живу в доме мисс Полли Харрингтон. А ты где?

— Нигде.

— Нигде? Ну, не может быть, все где-то живут, — убежденно заявила Поллианна.

— Ну, а я — нет... сейчас. Я ищу новое место.

— О! А где это?

Мальчик взглянул на нее с презрением:

— Глупая! Будто я искал бы его, если бы знал!

Поллианна слегка тряхнула головой. Конечно, это не был хорошо воспитанный мальчик и ей не хотелось, чтобы ее называли «глупой». Но все же это был кто-то другой... не такой, как взрослые.

— А где ты жил... раньше? — спросила она.

— Ну, прямо закидала вопросами! — вздохнул мальчик, теряя терпение.

— Приходится, — возразила Поллианна спокойно, — иначе я ничего о тебе не узнаю. Если бы ты говорил больше, я говорила бы меньше.

Мальчик засмеялся, но тут же умолк. Смех был робкий и невольный, но, когда он заговорил снова, выражение его лица было приятнее, чем прежде.

— Ладно, слушай! Я Джимми Бин. Мне полных десять лет, скоро будет одиннадцать. В прошлом году попал в сиротский приют, но у них там

полно ребят, и для меня даже не было места. Да просто они не хотели меня брать; во всяком случае, я так думаю. Так что я смылся. Я хочу найти, где еще можно жить, но пока не нашел. Я хотел бы иметь настоящий дом... ну, такой, обычный, с матерью вместо директрисы. Если есть свой дом, так есть и семья, а у меня семьи нет, с тех пор как отец умер. Ну вот, я и ищу теперь такой дом. Пробовал уже в четырех местах... но они не захотели... хотя я сказал, что, разумеется, буду работать. Ну вот, чего тебе еще? — При этих последних словах голос мальчика чуть дрогнул.

— Ужасно! — сочувственно вздохнула Поллианна. — И никто не захотел тебя взять? Боже мой! Я отлично тебя понимаю, потому что, после... после того как мой папа умер, у меня тоже не было никого, кроме дам из благотворительного комитета, пока наконец тетя Полли не сказала, что возьмет меня... — Поллианна неожиданно замолчала. Выражение ее лица ясно указывало на зарождение замечательной идеи. — О, я нашла для тебя дом! — воскликнула она радостно. — Тетя Полли возьмет тебя... я знаю, она обязательно возьмет! Разве она не взяла меня? Разве она не взяла Флаффи и Баффи, когда у них не было никого, кто любил бы их, и им некуда было деваться? А ведь это всего только котенок и пес. Пойдем, я знаю, тетя Полли возьмет тебя! Ты даже представить себе не можешь, какая она добрая и милая!

Худенькое лицо Джимми Бина оживилось:

— Честное-благородное? Она возьмет? Я буду работать; смотри, я сильный. — Он обнажил свою худую маленькую руку и напряг мускулы.

— Конечно же, она возьмет! Моя тетя Полли — лучшая женщина на свете... теперь когда моя мама стала небесным ангелом... А сколько у нее комнат! — продолжила Поллианна, вскочив на ноги и потянув мальчика за локоть. — Это ужасно большой дом. Хотя, может быть, — добавила она немного встревожено, когда они побежали в сторону дома мисс Полли, — может быть, тебе придется спать в комнате на чердаке; я тоже там спала сначала. Но теперь там есть сетки на окнах, так что не будет очень жарко и мухи не влетят и не принесут на лапках этих... микробов. Ты слышал что-нибудь об этом? Это просто прелесть как интересно! Может быть, тетя позволит тебе почитать эту книжку, если ты будешь послушным... то есть если ты будешь непослушным. А у тебя, тоже веснушки, — добавила она, окинув его критическим взглядом, — так что ты тоже будешь рад, что там нет зеркала, а вид из окна там лучше, чем любая нарисованная картина. Так что тебе совсем не будет неприятно спать в этой комнате, я уверена, — пыхла Поллианна, неожиданно обнаружив, что остаток дыхания нужен ей не только для того, чтобы говорить.

— Ты даешь! — воскликнул Джимми Бин коротко и непонятно, но с явным восхищением, потом добавил: — Я даже не думал, что кто-то может столько говорить на бегу.

Поллианна засмеялась.

— Ты можешь этому только радоваться, — ответила она, — потому что, пока я говорю, ты можешь молчать.

Когда они добежали до дома, Поллианна без колебаний провела своего спутника прямо к изумленной тетке.

— Тетя Полли! — торжественно воскликнула она. — Только посмотри, кого я нашла! Он гораздо лучше, чем даже Флаффи и Баффи. Это настоящий живой мальчик для тебя... чтобы его воспитывать. И он согласен спать на чердаке... сначала, ты понимаешь. И он говорит мне, что хочет работать, но большую часть времени он понадобится мне, чтобы с ним играть!

Мисс Полли сначала сильно побледнела, потом сильно покраснела. Она поняла не все, но того, что поняла, было вполне достаточно.

— Поллианна, что это значит? Что это за грязный мальчишка? Откуда ты его взяла? — спросила она резко.

«Грязный мальчишка» сделал шаг назад и взглянул на дверь. Поллианна весело рассмеялась:

— Ах, конечно! Я забыла тебе его представить! Я совсем не лучше Мужчины... Да, он грязный — то есть мальчик — совсем такой же, как были Флаффи и Баффи, когда ты взяла их в дом. Но я думаю, он будет лучше выглядеть, если его вымыть, точно так же, как они. Ох, я опять чуть не забыла, — засмеялась она. — Это Джимми Бин.

— И что он здесь делает?

— Но, тетя Полли, я ведь только что тебе объяснила! — Поллианна широко раскрыла глаза от удивления. — Это для тебя. Я привела его к тебе, чтобы он здесь жил. Он очень хочет иметь дом и семью. Я рассказала ему, как добра ты была ко мне, к Флаффи и к Баффи и как, конечно же, будешь добра и к нему, потому что он даже милее любой кошки и собаки.

Мисс Полли откинулась на спинку кресла и дрожащей рукой схватилась за горло. Прежняя беспомощность угрожала еще раз овладеть ею. Однако с видимым усилием она резко выпрямилась.

— Довольно, Поллианна. Это самый нелепый из твоих поступков. Как будто не было достаточно бродячих котом и паршивых псов, тебе еще понадобилось приводить домой какого-то оборванца, маленького уличного попрошайку, который...

В этот момент глаза мальчика неожиданно вспыхнули, он вздернул

подбородок и, в два прыжка очутившись перед мисс Полли, бесстрашно взглянул ей в лицо.

— Я не попрошайка, мэм, и я ничего не хочу от вас. Я, разумеется, собирался работать за жилье и еду. И не пришел бы я в этот ваш старый дом, если бы эта девчонка не наговорила мне, какая вы добрая и милая и как вы прямо умираете, так хотите меня взять. Вот и все! — И он повернулся кругом и решительным шагом вышел из комнаты, с достоинством, которое могло бы показаться забавным, если бы не возбуждало острую жалость.

— О, тетя Полли, — простонала Поллианна. — Я думала, ты будешь рада поселить его здесь! Я была уверена, что ты будешь рада...

Мисс Полли, подняв руку, повелительным жестом приказала ей замолчать. Нервы мисс Полли наконец не выдержали. Слова мальчика — «добрая и милая» — еще звучали у нее в ушах, и она чувствовала, что ей опять угрожает прежняя беспомощность. Но она собрала остатки сил и последние частицы воли.

— Поллианна! — воскликнула она сурово. — Перестань без конца повторять это «рада»! «Рада», «рада», «рада» — с утра до вечера! У меня такое чувство, что скоро я сойду с ума!

Поллианна разинула рот в искреннем изумлении.

— Но, тетя Полли, — прошептала она, — я думала, ты рада, что я рада... Ох! — И, хлопнув себя рукой по губам, она выбежала из комнаты.

Джимми Бин был уже в конце аллеи, ведущей от дома, когда Поллианна догнала его.

— Мальчик! Мальчик! Джимми Бин! Я хотела тебе сказать, как мне жаль... — тяжело дышала она, хватая его за руку.

— О чем тут жалеть? Я тебя не виню, — мрачно ответил Джимми. — Но я не попрошайка! — добавил он с неожиданно сильным чувством.

— Конечно нет! Но ты не должен сердиться на тетю! — призвала его Поллианна. — Вероятно, я как-то не так тебя представила; не сумела ей все о тебе рассказать. Она правда добрая и милая — она всегда такая была, — но я, наверное, не объяснила все как следует. Мне так хотелось найти для тебя дом и семью!

Мальчик пожал плечами и отвернулся, собираясь уйти.

— Ничего. Сам что-нибудь найду. И я не попрошайка, запомни.

Поллианна сдвинула брови, напряженно размышляя. Вдруг она обернулась, лицо ее сияло.

— Слушай, вот что я сделаю! Сегодня после обеда будет собрание дамского благотворительного комитета. Я слышала, тетя Полли говорила. И

я поставлю там вопрос о тебе. Так всегда делал папа, когда ему что-нибудь было нужно... на обращение в веру язычников или на новый ковер для церкви...

Мальчик гневно обернулся:

— Я не язычник и не новый ковер! К тому же... А что это такое — благотворительный комитет?

Поллианна уставилась на него с удивлением и возмущением:

— Джимми, где тебя воспитывали? Не знать, что такое благотворительный комитет!

— Ну и ладно... Раз не хочешь сказать... — проворчал тот и с равнодушной миной зашагал прочь.

Поллианна сразу же подскочила к нему;

— Это... это... ну, это просто много дам, которые собираются вместе, шьют, устраивают ужины, делают пожертвования и... и разговаривают. Это и есть благотворительный комитет. Они ужасно добрые... то есть большинство моих, там, у меня дома. Я не видела здешних дам, но, я думаю, они всегда добрые. Я сегодня же пойду и расскажу им о тебе.

Мальчик опять порывисто обернулся:

— Хватит! Может, ты думаешь, я собираюсь стоять и слушать, как куча теток, вместо одной, будут называть меня попрошайкой! Хватит с меня одной!

— О, но тебе совсем не обязательно туда идти, — убеждала Поллианна. — Я, разумеется, пойду сама и скажу им.

— Ты пойдешь?

— Да, и постараюсь на этот раз справиться с делом лучше, — торопливо продолжила Поллианна, заметив, что лицо мальчика чуть смягчилось. — И я уверена, среди них найдется такая, которая будет рада дать тебе дом и семью.

— Я буду работать. Не забудь им об этом сказать, — предостерег мальчик.

— Не волнуйся, не забуду, — пообещала Поллианна радостно, уверенная на этот раз, что выиграла дело. — Я дам тебе знать завтра.

— Где?

— У дороги, где я нашла тебя сегодня, — возле дома миссис Сноу.

— Ладно. Приду. — Мальчик помолчал, потом продолжил: — Пожалуй, я все-таки вернусь пока в приют. Понимаешь, мне больше негде переночевать... А убежал я только сегодня утром. Я им не сказал, что не вернусь, а то они бы меня больше не приняли... Хотя, я думаю, они не стали бы беспокоиться, если бы я не показался в приюте некоторое время.

Это не то что семья. Им все равно, им до меня и дела нет!

— Я знаю, — кивнула Поллианна, понимающе глядя на него. — Но я уверена, что, когда мы увидимся завтра, у меня будет для тебя настоящий дом и семья, которой не все равно. До свидания! — воскликнула она оживленно и направилась к дому.

В это время мисс Полли, которая наблюдала за ними из окна гостиной, мрачным взглядом проводила мальчика до поворота дороги, где он исчез из вида. Потом она вздохнула, отвернулась и медленно и безвольно пошла вверх по лестнице, что было так непохоже на обычно решительную и энергичную мисс Полли. В ушах ее все еще звучали полные презрения слова мальчика: «Вы такая добрая и милая», а в сердце ее было странное скорбное ощущение потери, как будто она что-то навсегда утратила.

Глава 12. Перед дамами из благотворительного комитета

В день, когда должно было состояться собрание дамского благотворительного комитета, обед, обычно подававшийся в доме мисс Харрингтон в полдень, прошел почти в полном молчании. Правда, Поллианна пыталась несколько раз заговорить, но не преуспела в этом, главным образом потому, что четыре раза, отчаянно покраснев от смущения, была вынуждена прервать на середине слово «рада». В пятый раз мисс Полли устало кивнула головой.

— Ну-ну, детка, скажи его, если хочешь, — вздохнула она. — Уж лучше говори его... если из-за этого столько волнений.

Огорченное лицо Поллианны прояснилось:

— О, спасибо, тетя. Я боюсь, это было бы очень трудно — не говорить это слово. Понимаешь, я так долго играла в эту игру.

— Что ты делала? — переспросила мисс Полли.

— Играла в игру... ну, в ту, которую папа... — Поллианна остановилась и снова отчаянно покраснела, с огорчением обнаружив, что опять затронула запретную тему.

Тетя Полли нахмурилась, но ничего не сказала. И дальше обед протекал в полном молчании.

Поллианна совсем не опечалилась, когда чуть позже услышала, как тетя Полли говорит по телефону жене пастора, что не пойдет сегодня на собрание благотворительного комитета из-за сильной головной боли. А когда мисс Полли поднялась в свою комнату и закрыла дверь, Поллианна попыталась огорчиться из-за этой головной боли, но не смогла при этом заглушить радостного чувства по тому поводу, что тетка не будет присутствовать на собрании комитета, на котором она поставит вопрос о Джимми Бине. Она не могла забыть, что тетя Полли назвала Джимми «маленьким попрошайкой», и ей не хотелось, чтобы это повторилось в присутствии всего благотворительного комитета.

Она знала, что собрание начнется в два часа и состоится в здании воскресной школы рядом с церковью, примерно в полумиле от дома мисс Полли. Поэтому она так спланировала свой поход, чтобы добраться туда примерно к трем часам.

— Я хочу, чтобы они все были там, — сказала она себе. — А то вдруг

Джимми Бина захочет взять именно та, которой еще не будет там в два часа. И конечно же «два часа» всегда на самом деле означает три часа... для дам из комитета.

Спокойно, но с непоколебимой отвагой Поллианна поднялась по ступеням здания воскресной школы, отворила дверь и вошла в вестибюль. Приглушенные звуки дамской болтовни и смеха доносились из главной комнаты здания. Лишь на короткое мгновение остановившись в нерешительности, Поллианна распахнула дверь в эту комнату.

Болтовня сменилась удивленным шепотом. Поллианна несмело шагнула вперед. Теперь, когда наступил решающий момент, она ощутила непривычную робость. Все-таки эти большей частью незнакомые лица не были лицами дам из ее собственного любимого благотворительного комитета.

— Добрый день, благотворительный комитет, — вежливо, хоть и неуверенно произнесла она. — Меня зовут Поллианна Уиттиер. Я... я думаю, некоторые из вас меня знают; во всяком случае, я знаю вас, только не всех вместе как комитет.

Молчание стало теперь почти осязаемым. Некоторые из дам знали эту довольно необычную племянницу мисс Полли, тоже члена их комитета, и почти все слышали о ней, но ни одна из них не знала, что же сказать в эту минуту.

— Я... я пришла... внести на ваше рассмотрение один вопрос, — запинаясь, выговорила Поллианна после недолгого молчания, невольно прибегая к знакомым ей оборотам речи своего отца.

Среди собравшихся произошло легкое движение.

— Это... это твоя тетя послала тебя, дорогая? — спросила миссис Форд, жена пастора.

Поллианна слегка покраснела:

— О нет. Я пришла совсем сама. Понимаете, я привыкла к дамам из благотворительного комитета. Это они меня воспитывали вместе с папой.

Какая-то из дам разразилась нервным смехом, а жена пастора нахмурилась.

— Хорошо, дорогая. Какой же это вопрос?

— Это... это вопрос о Джимми Бине, — вздохнула Поллианна. — У него нет дома, кроме сиротского приюта, а там переполнено и он им не нужен... во всяком случае, он так думает. И он хочет иметь другой дом — какой-нибудь обыкновенный, чтобы там была мама вместо директрисы... и семью, которой будет не все равно... Ему скоро исполнится одиннадцать. Я подумала, что, может быть, кто-нибудь из вас захочет взять его... в свою

семью.

— Да слыхано ли такое! — пробормотал чей-то голос, нарушив тишину, последовавшую за словами Поллианны.

Поллианна встревожено обвела глазами собравшихся.

— О, я забыла сказать, что он будет работать, — добавила она с жаром.

По-прежнему длилось молчание; потом одна или две дамы холодно начали задавать ей вопросы. Вскоре им уже была известна вся история, и они начали обсуждать ее между собой с оживлением, хоть и в не совсем приятном тоне.

Поллианна слушала их с растущим беспокойством. Много из того, что она услышала, осталось для нее непонятным. Однако спустя некоторое время она догадалась, что ни одна из этих женщин не желала отворить двери своего дома перед Джимми Бином, хотя каждая из них, казалось, считала, что некоторые другие могли бы это сделать, так как у нескольких из них не было своих маленьких сыновей. Но не нашлось ни одной, которая согласилась бы взять его. Затем Поллианна услышала, как жена пастора робко предложила, чтобы комитет принял на себя расходы по содержанию и образованию Джимми, вместо того чтобы посылать в этом году такие крупные пожертвования на маленьких язычников в Индии. Тогда взяли слово очень многие дамы, а несколько из них даже заговорили одновременно, и еще громче и раздраженнее, чем прежде. Оказалось, что их комитет славился своими щедрыми пожертвованиями на миссионерскую деятельность в Индии, и многие дамы заявили, что умрут от стыда, если в этом году сумма пожертвований от их комитета окажется меньше, чем в предыдущем. Кое-что из того, что было сказано по этому поводу, Поллианна тоже не смогла понять. Получалось так, будто они не придают значения тому, на что пойдут их деньги, лишь бы сумма пожертвований, стоящая в каком-то отчете напротив названия их комитета, позволила им «возглавить список»! Но ведь они, конечно же, не могли так думать! Все это было не совсем понятно и очень неприятно, так что Поллианна была действительно рада, когда оказалась наконец на улице, на свежем воздухе. Но ей было вместе с тем и очень грустно, потому что она знала, как тяжело будет ей сказать завтра Джимми Бину, что благотворительный комитет постановил отправить все пожертвования на воспитание маленьких индийских мальчиков и не выделять ничего на воспитание одного мальчика в их собственном городке, потому что он «не будет никак отмечен в отчете», как заявила высокая дама в очках.

— Разумеется, очень хорошо давать деньги на язычников, и я не хочу, чтобы им перестали посылать пожертвования, — вздыхала усталая и

печальная Поллианна, рассуждая сама с собой по дороге домой. — Но они ведут себя так, как будто мальчиков, живущих рядом, не стоит даже принимать в расчет, а думают только о тех, которые далеко. Я, впрочем, все же предпочла бы, чтобы для них было важнее, как растет Джимми Бин, чем то, как растут суммы в отчете!

Глава 13. В лесу на Пендлетон-Хилл

Покинув здание, где заседал благотворительный комитет, Поллианна не направила свои стопы к дому. Вместо этого она зашагала к Пендлетон-Хилл, высокому, покрытому лесом холму. Это был тяжелый день, хоть и «выходной» (так она называла те редкие дни, когда не было ни уроков шитья, ни занятий в кухне), и Поллианна была уверена: ничто не будет ей так полезно, как прогулка в зеленой тиши леса на Пендлетон-Хилл. Поэтому она размеренным шагом взбиралась по дороге на холм, несмотря на то что жаркое солнце припекало ей спину.

— Домой мне нужно успеть только к половине шестого, — говорила она себе, — и гораздо приятнее будет вернуться через лес, даже если и приходится для этого лезть на самый верх холма.

В лесу на Пендлетон-Хилл было очень красиво, Поллианна знала это по прежним прогулкам. Но сегодня лес казался ей еще чудеснее, чем обычно, несмотря на угнетающую ее мысль о разочаровании, которое ожидало на следующий день Джимми Бина.

— Хорошо бы, они были здесь, на холме, все эти дамы из комитета, которые так громко рассуждали, — вздыхала Поллианна, поднимая глаза к лоскутам ярко-голубого неба, проглядывавшего через освещенные солнцем зеленые верхушки деревьев. — Я уверена, если бы они были здесь, то передумали бы и взяли к себе Джимми Бина, — заключила она, уверенная в своей правоте, но не в состоянии обосновать эту уверенность даже для себя самой.

Вдруг она подняла голову и прислушалась. Где-то впереди послышался лай собаки, а через мгновение небольшой песик с тем же лаем выбежал ей навстречу.

— Привет, песик, привет! — Поллианна пощелкала ему пальцами и выжидательно взглянула на тропинку. Она была уверена, что однажды уже видела его. Тогда он сопровождал Мужчину, мистера Джона Пендлетона. И теперь Поллианна всматривалась вперед в надежде увидеть хозяина. Несколько минут она внимательно смотрела, ожидая, но никто не появился. Тогда она обратила внимание на песика. Тот, как это было видно даже Поллианне, вел себя странно. Он продолжал лаять, коротко и резко, словно подавая сигнал тревоги, и бегал взад и вперед по дорожке перед Поллианной. Следуя за ним, она скоро добралась до боковой дорожки, вдоль которой песик помчался как стрела, только для того чтобы сразу

вернуться, подвывая и лая.

— Нет, нет! Эта стежка ведет не домой, — засмеялась Поллианна, продолжая шагать по прежней дорожке.

Песик, казалось, обезумел. Туда и обратно, туда и обратно, от Поллианны к боковой дорожке, носился он, твякая и жалобно скуля. Каждое движение его маленького рыжевато-го тела, каждый умоляющий взгляд его темных глаз красноречиво взывали о помощи — так красноречиво, что наконец Поллианна поняла, повернулась и пошла за ним.

Песик бешено помчался вперед, и вскоре Поллианна увидела, в чем была причина его странного поведения: у подножия крутой скалы, в нескольких ярдах от боковой дорожки, неподвижно лежал какой-то человек.

Под ногой Поллианны неожиданно хрустнула веточка, и лежавший повернул голову. С криком ужаса Поллианна бросилась к нему:

— Мистер Пендлетон! О, вам плохо!

— Плохо? О нет! Просто лежу тут себе на солнышке, — буркнул мужчина раздраженно. — Послушай, что ты знаешь и что сумеешь сделать, чтобы мне помочь? Насколько ты сообразительна?

Поллианна перевела дыхание и — что было ее привычкой — ответила по очереди на каждый вопрос в буквальном его смысле:

— Я... я знаю не очень много, но кое-что умею делать. Большинство дам из комитета, кроме миссис Роусон, говорили, что я сообразительная. Я слышала однажды, как они это говорили, — они не знали, что я слышу.

Мужчина мрачно усмехнулся:

— Хорошо, хорошо, прошу прощения. Это все из-за этой проклятой ноги. Теперь слушай внимательно. — Он сделал паузу и с некоторым трудом сунул руку в карман брюк. Вынув связку ключей, он отделил один из них, зажав его между большим и указательным пальцами. — Прямо по этой дорожке, в пяти минутах ходьбы, стоит мой дом. Это ключ от боковой двери под porte-cochere. Ты знаешь, что это такое?

— О да, сэр! У тети на нем веранда. Я спала там на крыше однажды... то есть не спала... они меня нашли.

— Что? Ну, хорошо, хорошо; когда войдешь в дом, иди прямо через вестибюль и переднюю к двери в дальнем конце. Там, на большом письменном столе в центре комнаты, найдешь телефон. Ты умеешь пользоваться телефоном?

— О да, сэр! Однажды, когда тетя Полли...

— Сейчас не до тети Полли, — отрезал мужчина с искаженным от боли лицом, потому что попытался чуть-чуть поменять положение тела. —

Найди номер доктора Томаса Чилтона в телефонной книжке. Ты увидишь ее где-нибудь поблизости. Она должна висеть на крючке рядом с телефоном, но там ее скорее всего не будет. Ты, надеюсь, узнаешь телефонную книжку, если на нее наткнешься?

— О да, сэр! Я так люблю разглядывать телефонную книжку тети Полли. Там так много забавных фамилий и...

— Скажи доктору Чилтону, что Джон Пендлетон лежит под уступом Малого Орла на Пендлетон-Хилл со сломанной ногой. Пусть он сразу идет сюда с людьми и носилками. Он будет знать, что еще нужно сделать кроме этого. Скажи ему, чтобы шел по дорожке от дома.

— Сломанная нога? О, мистер Пендлетон, это ужасно, — содрогнулась Поллианна. — Но я так рада, что оказалась здесь. Не могу ли я...

— Можешь, только, кажется, не хочешь! Пойди и сделай, что я сказал, и перестань болтать! — простонал мужчина слабо. С приглушенным рыданием Поллианна отправилась в путь. Теперь она не останавливалась, чтобы поглядеть на голубые просветы между залитыми солнцем верхушками деревьев. Она внимательно смотрела под ноги, чтобы при быстром беге не споткнуться о ветку или камень.

Вскоре она увидела дом. Она видела его и прежде, но никогда не была так близко от него. Ее почти испугала массивность этой громады из серого камня, с верандами, колоннадой и внушительным входом. Но все же, задержавшись лишь на мгновение, она пронеслась через большую неухоженную лужайку, обежала дом и очутилась у боковой двери. Пальцы ее, так долго и крепко сжимавшие ключи, онемели, и ей было нелегко справиться с замком. Но наконец тяжелая резная дверь медленно повернулась на петлях. Поллианна затаила дыхание. Она чувствовала, что дорога каждая минута, но все же на секунду задержалась и испуганно оглядела через вестибюль широкую, мрачную переднюю. Мысли проносились у нее в голове одна за другой. Это был дом Джона Пендлетона; «дом Тайны»; дом, куда не имел доступа никто, кроме его хозяина; дом, где в одном из шкафов был спрятан скелет. А ей, Поллианне, предстояло одной пройти через эти внушающие страх комнаты, позвонить по телефону доктору и сказать ему, что хозяин этого дома лежит сейчас...

Поллианна вскрикнула и, не глядя больше по сторонам, вихрем пронеслась через переднюю и открыла дверь в конце ее.

Комната была большой и казалась мрачной из-за темной мебели и портьер, таких же, как в передней; но через окно, выходившее на запад, в нее заглядывало солнце, бросавшее на пол длинную золотую дорожку, заставляя матово поблескивать тусклую медную подставку для дров в

камине и легко касаясь сверкающего никеля телефона на большом письменном столе в центре комнаты. К этому столу и подбежала на цыпочках Поллианна.

Телефонной книжки на крючке не оказалось, она валялась на полу. Но Поллианна нашла ее и повела дрожащим указательным пальцем вдоль буквы «ч» до фамилии Чилтон. Вскоре на другом конце провода отозвался сам доктор Чилтон, и она, дрожа, сообщила ему все, что просил передать мистер Пендлетон, и ответила на краткие деловые вопросы доктора. Сделав это, она повесила трубку; у нее вырвался долгий вздох облегчения. Лишь один короткий взгляд бросила она на то, что ее окружало, и, со смутным видением красных драпировок, стен, уставленных книжными шкафами, замусоренного пола, беспорядочно заваленного вещами стола, бесчисленных закрытых дверей (за каждой из которых мог скрываться скелет) и пыли, пыли, пыли повсюду, она выпорхнула обратно через переднюю к большой резной двери, все еще полуоткрытой, как она оставила ее.

Спустя некоторое время, показавшееся невероятно коротким даже пострадавшему, Поллианна уже была опять в лесу рядом с ним.

— Ну, в чем дело? Ты не смогла попасть внутрь? — спросил он.

Поллианна широко раскрыла глаза.

— Конечно, смогла! Ведь я здесь, — ответила она. — Как будто я была бы здесь, если бы не попала в дом! И доктор скоро здесь будет, с людьми и со всем, что нужно. Он сказал, что знает, где вас искать, и поэтому мне не нужно показывать ему дорогу. Вот я и вернулась. Я хотела быть с вами.

— Неужели? — невесело усмехнулся мужчина. — Не могу сказать, что я в восторге от твоего вкуса. Я думаю, ты могла бы найти более приятное общество.

— Вы так говорите, потому что вы такой... сердитый?

— Спасибо за откровенность. Да.

Поллианна мягко рассмеялась:

— Но вы сердитый только снаружи... и ни капельки не сердитый внутри!

— Да ну! Откуда ты знаешь? — спросил он с иронией, пытаясь положить голову по-другому, не меняя при этом положения тела.

— О, многое об этом говорит... вот хотя бы... как вы обращаетесь с собакой, — сказала Поллианна, указывая на его изящную руку с длинными пальцами, покоящуюся на шелковистой голове пса, лежащего рядом с хозяином. — Забавно, что собаки и кошки лучше знают людей изнутри, чем другие люди, правда? Давайте я подержу вашу голову, — закончила она

неожиданно.

Мужчина несколько раз поморщился от боли и даже немного застонал, пока производилась замена, но в конце концов нашел, что колени Поллианны гораздо приятнее, чем каменная впадина, в которой прежде лежала его голова.

— Ну, так... лучше, — пробормотал он тихо.

Больше он не заговаривал с ней, и она, глядя на его лицо, даже подумала, не заснул ли он. Нет, было непохоже, чтобы он спал. Она подумала, что он так плотно сжал губы, чтобы не стонать от боли. Сама Поллианна чуть не плакала вслух, глядя на его большое и сильное тело, лежащее так беспомощно. Одна его рука с судорожно сжатыми пальцами была откинута в сторону и неподвижна. Другая, с безвольно раскрытой ладонью, покоилась на голове пса, который, устремив печальные тоскующие глаза на лицо хозяина, тоже оставался неподвижен.

Медленно проходили минута за минутой. Солнце клонилось к западу, и тени под деревьями становились все глубже. Поллианна сидела так неподвижно, что, казалось, почти не дышала. Какая-то птичка бесстрашно пролетела на расстоянии вытянутой руки от нее, а белка помахивала своим пушистым хвостом, сидя на ветке почти перед самым носом Поллианны, но все же не спускала быстрых маленьких глазок с неподвижно лежащего пса.

Наконец пес наострил уши и негромко заскулил, а затем коротко и резко тявкнул. В следующий момент Поллианна услышала голоса, а вскоре показали их обладатели — трое мужчин с носилками и другими вещами. Самый высокий из них — гладко выбритый мужчина с ласковыми глазами, которого Поллианна видела прежде и знала как доктора Чилтона, — приблизился к ней легкой походкой.

— Ну, моя маленькая леди, играете в сиделку, как я вижу!

— О нет, сэр, — улыбнулась Поллианна. — Я только держала его голову... Я не дала ему ни капельки лекарства. Но я рада, что оказалась здесь.

— Я тоже, — кивнул доктор и занялся пострадавшим.

Глава 14. Вопрос о телячьем студне

В тот день, когда Джон Пендлетон сломал ногу, Поллианна немного опоздала к ужину, но случилось так, что ей это счастливо сошло с рук.

Возле двери ее встретила Ненси.

— Ну, наконец-то я тебя вижу, — вздохнула она с явным облегчением. — Уже половина восьмого.

— Я знаю, — ответила Поллианна обеспокоено, — но я не виновата... честное слово, не виновата. И я думаю, что даже тетя Полли не станет меня винить.

— Ей не представится случай! — возразила Ненси с огромным удовлетворением. — Она уехала!

— Уехала? — опешила Поллианна. — Не хочешь же ты сказать, что это из-за меня? — В уме ее в этот момент пронеслись, возбуждая угрызения совести, воспоминания обо всем, что случилось утром: о мальчике, которого не захотела воспитывать тетка, о нежеланных кошке и собаке, о неприятном «рада» и запретном «папа», которые все время слетали с ее забывчивого языка. — О, неужели это из-за меня?

— Не столько из-за тебя, — насмешливо сказала Ненси, — сколько из-за ее бостонской кухни, которая неожиданно умерла. Мисс Полли получила срочную телеграмму вскоре после того, как ты ушла. Вернется она только через три дня. Теперь, я думаю, мы можем радоваться! Мы будем хозяйствовать в доме вдвоем, ты и я, вдвоем, вдвоем!

Но Поллианна, казалось, была потрясена:

— Радоваться! О, Ненси, но это же похороны!

— Да я ведь не из-за похорон рада, а из-за... — Ненси внезапно оборвала свою речь. Глаза ее лукаво блеснули. — Как будто это не ты учила меня играть в игру, — сказала она с упреком.

Поллианна озабоченно нахмурилась.

— Я ничего не могу поделать, Ненси, — возразила она, покачав головой. — Должно быть, есть некоторые вещи, которые не подходят под правила игры... и я уверена, что похороны — одна из таких вещей. В похоронах нет ничего такого, чему можно было бы радоваться.

Ненси засмеялась.

— Мы можем радоваться, что это не наши похороны, — заметила она спокойно. Но Поллианна не слышала. Она начала рассказывать о несчастном случае с Джоном Пендлетоном, и через минуту Ненси слушала

раскрыв рот.

На следующий день в назначенном месте Поллианна встретила с Джимми Бином. Как и можно было ожидать, Джимми был глубоко задет тем, что дамы из благотворительного комитета предпочли ему каких-то маленьких индусов.

— Ну, может быть, тут нет ничего странного, — вздохнул он. — Конечно, вещи, о которых не знаешь, всегда милее тех, которые известны... Это так же, как кусок мяса на другом краю тарелки всегда кажется больше. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь там, далеко, тоже на меня так посмотрел. Это было бы здорово, если бы в Индии кто-нибудь захотел взять меня.

Поллианна хлопнула в ладоши:

— Ну конечно же! Вот именно, Джимми! Я напишу о тебе в мой благотворительный комитет. Они, правда, не в Индии, а только на западе... но это тоже ужасно далеко, почти то же самое. Ты бы тоже так думал, если бы, как я, проехал оттуда сюда!

Лицо Джимми прояснилось:

— Ты думаешь, что они... в самом деле... меня возьмут?

— Конечно, возьмут! Разве они не посылают деньги на воспитание маленьких мальчиков в Индии? Они могут на этот раз просто играть так, будто ты маленький индийский мальчик. Я думаю, ты достаточно далеко от них, чтобы упомянуть тебя в отчете. Подожди. Я им напишу. Я напишу миссис Уайт. Нет, лучше — миссис Джоунс. У миссис Уайт больше всего денег, но дает больше всех миссис Джоунс. Разве не забавно, если над этим задуматься?... Но я думаю, кто-нибудь из моих дам возьмет тебя.

— Хорошо... Но не забудь написать, что я буду работать за еду и жилье, — добавил Джимми. — Я не попрошайка, и бизнес есть бизнес, даже если имеешь дело с благотворительным комитетом. — Он замялся, потом сказал:

— И я думаю, мне лучше остаться там, где я есть... пока ты не получишь ответ.

— Конечно, — кивнула Поллианна выразительно. — Тогда я буду знать, где тебя найти. Они возьмут тебя — я уверена, ты достаточно далеко для этого. Разве тетя Полли не взяла меня... Слушай! — воскликнула она неожиданно. — Как ты думаешь, я тоже была для тети Полли девочкой из Индии?

— Ну, ты самая чудная девчонка, какую я знаю, — усмехнулся Джимми, собираясь уходить.

Прошла примерно неделя после несчастного случая на Пендлетон-Хилл, когда Поллианна однажды утром обратилась к тетке:

— Тетя Полли, ты не будешь возражать, если на этой неделе я отнесу студень не миссис Сноу? Я уверена, миссис Сноу не обидится... на этот раз.

— Боже мой, Поллианна! Что ты еще придумала? — вздохнула мисс Полли. — Какой ты неординарный ребенок!

Поллианна нахмурилась с некоторым беспокойством:

— Тетя Полли, а что такое «неординарный»? Если кто-то неординарный, то он не может быть ordinary, правда?

— Конечно нет.

— О, тогда все в порядке! Я рада, что я неординарная, — просияла Поллианна. — Понимаешь, миссис Уайт всегда говорила, что миссис Роусон — ordinary женщина... и ужасно ее не любила. Они всегда ругались, и папе приходилось... то есть я хочу сказать, нам доставляло больше хлопот поддерживать мир между ними двумя, чем между всеми остальными дамами в комитете, — поправились Поллианна, немножко запыхавшись после предпринятых усилий провести свой корабль между Сциллой отцовского запрета говорить о церковных дрязгах и Харибдой теткингого приказания не упоминать об отце.

— Ну, хорошо, хорошо, — вставила мисс Полли с досадой. — О чем бы мы ни говорили, Поллианна, ты все сведешь к дамам из комитета!

— Да, — улыбнулась Поллианна радостно. — Так оно, наверное, и есть, но, понимаешь, они меня воспитывали и...

— Довольно, Поллианна, — холодно прервала мисс Полли. — Так в чем дело с этим студнем?

— Ничего такого, что могло бы тебе не понравиться, тетя Полли! Я уверена. Ты позволяла мне носить студень ей, так что я думаю, ты позволишь отнести на этот раз ему. Понимаешь, сломанная нога — это не то что неизлечимая болезнь... поэтому он не будет лежать всегда, как миссис Сноу, и после одного или двух раз она получит все остальное...

— «Он»? «Сломанная нога»? О чем ты говоришь?

Поллианна взглянула на нее с удивлением. Затем на ее лице изобразилось облегчение.

— Ах да, я забыла! Ты же не знаешь. Это случилось, когда тебя не было. В тот самый день, когда ты уехала в Бостон, я нашла его в лесу, и мне пришлось открыть его дом, и по телефону позвать людей и доктора, и держать его голову, и все такое. А потом я ушла и не видела его с тех пор. А когда Ненси готовила на этой неделе студень для миссис Сноу, я подумала, как было бы хорошо, если бы я могла отнести студень ему вместо нее. Только на этот раз! Тетя Полли, ты позволишь?

— Да, да, конечно, — неохотно согласилась мисс Полли, уже несколько утомленная. — Кто, ты сказала, этот человек?

— Это Мужчина. То есть мистер Джон Пендлетон.

Мисс Полли чуть не вскочила со стула.

— Джон Пендлетон!

— Да. Ненси сказала мне его имя. Может быть, ты его знаешь?

Мисс Полли не ответила. Вместо этого она спросила:

— Ты его знаешь?

Поллианна кивнула:

— О да! Он всегда говорит и улыбается мне... теперь. Он сердитый только снаружи, понимаешь? Я пойду и отнесу ему студень. Ненси сказала, что студень почти готов, когда я заходила в кухню, — заключила Поллианна уже на полпути к двери.

— Поллианна, подожди! — Голос мисс Полли зазвучал неожиданно сурово. — Я передумала. Я предпочитаю, чтобы студень сегодня получила миссис Сноу... как обычно. Вот и все. Теперь можешь идти.

Лицо Поллианны омрачилось.

— Но, тетя Полли, с ней это будет всегда. Она всегда будет больной и еще много всего получит, понимаешь? Но он просто сломал ногу, а нога не будет длиться вечно... я имею в виду, сломанную ногу. Она у него уже неделю как сломана.

— Да, я помню. Я слышала, что на прошлой неделе с мистером Пендлетоном произошел несчастный случай, — сказала мисс Полли довольно чопорно. — Но... я не вижу причины посылать студень Джону Пендлетону, Поллианна.

— Я знаю, он сердитый... снаружи, — признала Поллианна печально. — Он тебе, наверное, поэтому не нравится. Но я не стала бы говорить, что это ты ему посылаешь. Я сказала бы, что это от меня. Мне он нравится. Я была бы рада отнести ему студень.

Мисс Полли опять отрицательно покачала головой. Потом она неожиданно остановилась и спросила странно спокойным голосом:

— Он знает, кто ты, Поллианна?

Девочка вздохнула:

— Я думаю, нет. Я сказала ему однажды, как меня зовут, но он никогда не обращается ко мне по имени... никогда..

— Он знает, где ты живешь?

— О нет. Я никогда ему не говорила.

— Значит, он не знает, что ты... моя племянница?

— Не думаю.

С минуту длилось молчание. Мисс Полли смотрела на Поллианну и, казалось, не видела ее. Девочка нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, слышны были ее вздохи. Вдруг мисс Полли, вздрогнув, поднялась.

— Хорошо, Поллианна, — сказала она все тем же странным голосом, столь непохожим на ее обычный. — Ты можешь... ты можешь отнести студень мистеру Пендлетону как подарок от себя самой. Но, помни, это не от меня. Постарайся, чтобы он не подумал, что это от меня!

— Да... Спасибо, тетя Полли, — ответила обрадованная Поллианна, выбегая из комнаты.

Глава 15. Доктор Чилтон

Серая громада дома мистера Пендлетона произвела на Поллианну совсем другое впечатление во время ее второго визита на Пендлетон-Хилл. Окна были открыты, на заднем дворе развешивала белье какая-то пожилая женщина, а у подъезда стояла двуколка доктора.

Как и в прошлый раз, Поллианна подошла к боковой двери. Но теперь она позвонила в колокольчик — сегодня пальцы ее не были онемевшими, как тогда, когда она судорожно сжимала связку ключей.

Знакомый маленький песик выскочил на ступеньки, чтобы поприветствовать ее, но ей пришлось немного подождать, прежде чем женщина, развешивавшая белье, открыла дверь.

— Добрый день. Я принесла студень из телячьих ножек для мистера Пендлетона, — улыбнулась Поллианна.

— Спасибо, — сказала женщина, принимая горшочек из рук девочки. — Как передать? От кого? Это студень из телячьих ножек?

Доктор, вышедший в этот момент в переднюю, услышал слова женщины и одновременно заметил выражение разочарования на лице Поллианны. Он быстро шагнул вперед.

— А! Студень? — спросил он приветливо. — Отлично! Может быть, ты хочешь увидеть нашего пациента?

— О да, сэр, — просияла девочка.

Женщина, послушная кивку доктора, сразу же, хоть и с явным удивлением, провела Поллианну через переднюю.

Стоявший за спиной доктора молодой мужчина (профессиональный санитар, специалист по уходу за больными, приехавший из ближайшего большого города) обеспокоенно воскликнул:

— Но, доктор, разве мистер Пендлетон не дал распоряжения никого к нему не допускать?

— Да, так, — кивнул доктор невозмутимо. — Но теперь я здесь распоряжаюсь. И беру на себя ответственность. — Он загадочно добавил: — Вам об этом, конечно, неизвестно, но эта девочка действует лучше, чем целая бутылка укрепляющего средства, принимаемого ежедневно. Если есть что-нибудь или кто-нибудь, способный избавить сегодня Джона Пендлетона от его хандры, так это она. Вот почему я позволил ей войти.

— Кто она?

На мгновение доктор замялся:

— Это племянница одной из хорошо известных жительниц нашего городка. Ее зовут Поллианна Уиттиер. Я... Мне пока не довелось поближе познакомиться с этой юной особой, но многие из моих пациентов с ней знакомы... что я отмечаю с радостью!

Санитар улыбнулся:

— Неужели? И каковы же составные элементы этого чудодейственного укрепляющего лекарства?

Доктор покачал головой:

— Не знаю. Насколько мне удалось выяснить, это всемогущее и неиссякаемое желание находить положительную сторону во всем, что уже произошло или только произойдет. Во всяком случае, до меня постоянно доходят рассказы о ее забавных речах, и, насколько я могу судить, «просто радоваться» — главный смысл этих речей. Все, чего я хотел бы, — добавил он с той же загадочной улыбкой, выходя на крыльцо, — это чтобы я мог прописывать ее... и покупать ее так же, как я прописываю и покупаю коробочку пилюль. Хотя если бы таких, как она, было бы много на свете, нам с вами пришлось бы заняться продажей лент и тесьмы или копать канавы, потому что нам не много удалось бы заработать своей профессией.

Тем временем Поллианна в соответствии с указаниями доктора была препровождена в комнату Джона Пендлетона. Путь ее лежал через большую библиотеку, располагавшуюся сразу за передней, и, хотя она шла очень быстро, ей все же хватило времени, чтобы успеть заметить происшедшие здесь с ее прошлого посещения перемены. Ряды книжных шкафов и красные занавеси остались те же, но на полу не было мусора, стол — в идеальном порядке, и нигде ни пылинки. Телефонная книжка висела на своем крючке, а медная подставка в камине была начищена до блеска.

Одна из таинственных дверей оказалась открытой; к ней и провела девочку служанка. Вскоре Поллианна уже стояла в роскошно обставленной спальне, а женщина говорила испуганным голосом:

— Если позволите, сэр, вот... вот девочка со студнем. Доктор сказал, чтобы я провела ее к вам.

В следующий момент Поллианна осталась один на один с очень сердитым мужчиной, неподвижно лежащим на спине в постели.

— Слушайте, разве я не сказал... — раздался гневный голос. — А, это ты! — проворчал он не очень любезно, когда Поллианна приблизилась к постели.

— Да, сэр, — улыбнулась Поллианна. — Ах, я так рада, что они выпустили меня! Понимаете, сначала эта дама чуть не отобрала у меня мой

студень, и я так испугалась, что совсем вас не увижу. Но потом подошел доктор и позволил мне войти. Правда, он милый, что разрешил мне увидеть вас?

Помимо воли губы мистера Пендлетона дрогнули в улыбке, но изрек он только:

— Хм!

— А я принесла вам студень, — продолжила Поллианна. — Из телячьих ножек. Я надеюсь, вы его любите. — В голосе ее звучал вопрос.

— Никогда не ел. — Мимолетная улыбка исчезла, и мистер Пендлетон взглянул с прежней угрюмостью.

На короткое мгновение разочарование изобразилось на лице Поллианны, но, поставив на столик свой горшочек со студнем, она повеселела и сказала:

— Не ели? Ну, если не ели, то вы не можете сказать, что его не любите, правда? Так что я даже рада, что вы не ели. Ведь если бы вы ели и знали...

— Да, да... Единственное, что я знаю твердо, так это то, что лежу я здесь на спине в эту минуту и, вероятно, пролежу так... до судного дня.

Поллианна, казалось, была потрясена:

— О, нет! Это не может продолжаться до судного дня, когда архангел Гавриил затрубит в свою трубу, если только это не произойдет раньше, чем мы думаем... О, конечно, я знаю, Библия говорит, что это может случиться раньше, чем мы предполагаем, но я не думаю, что это произойдет... то есть, конечно, я верю Библии, но только я не думаю, чтобы судный день пришел так быстро и...

Джон Пендлетон вдруг расхохотался во весь голос. Услышав этот смех, санитар, входивший в этот момент в комнату, поспешно и бесшумно исчез. При этом у него была мина испуганной кухарки, которая, увидев, что холодный воздух угрожает ее недопеченному пирогу, поспешно закрывает дверцу духовки.

— Ты, пожалуй, запуталась, а? — заметил Джон Пендлетон.

Девочка засмеялась:

— Может быть. Но я хотела сказать, что ноги — это не навсегда... то есть сломанные ноги, понимаете... Это не то что неизлечимая болезнь, как у миссис Сноу. Так что ваша болезнь вовсе не будет длиться до судного дня. И я думаю, вы можете этому радоваться.

— О, я рад, — отвечал мистер Пендлетон мрачно.

— И к тому же вы сломали только одну ногу. Вы можете радоваться, что не обе. — Поллианна вошла во вкус игры.

— Конечно! Какое счастье! — пренебрежительно фыркнул мужчина,

подняв брови. — Глядя на дело с этой точки зрения, я, вероятно, могу радоваться, что я не сороконожка и не сломал двадцать ног!

Поллианна засмеялась.

— О, это лучше всего! — воскликнула она радостно. — Я знаю, кто такая сороконожка, у нее ужасно много ног. И вы можете радоваться...

— Ну, конечно, — прервал ее мужчина; прежняя горечь зазвучала в его голосе, — я, вероятно, могу радоваться и всему остальному: санитару, доктору и этой проклятой женщине в кухне!

— Ну да, сэр... Только подумайте, как было бы плохо, если бы их здесь не было!

— Если бы... что? — переспросил он с раздражением.

— Ну, я говорю, только подумайте, как было бы плохо, если бы их здесь не было, а вы лежали бы совсем один, без помощи!

— Как будто не в этом все дело, — гневно возразил мистер Пендлетон, — что я лежу здесь в таком положении! А ты еще хочешь, чтобы я радовался, что эта безмозглая женщина переворачивает вверх дном весь мой дом и называет это наведением порядка, а этот парень ей помогает, поощряет ее и называет это уходом за больным, не говоря уже о докторе, который подстрекает этих двоих. И вдобавок вся эта орава ожидает, что я заплачу им за это, и к тому же немало!

Поллианна сочувственно нахмурилась:

— Да, я знаю. Конечно, это хуже всего — деньги... Когда вы так сэкономили все это время.

— Когда... что?

— Экономии... покупали бобы и рыбные тефтельки. Послушайте, вы любите бобы? Или вы предпочли бы индейку и дело только в том, что она стоит шестьдесят центов?

— Послушай, детка, о чем ты говоришь?

Улыбка озарила лицо Поллианны:

— О ваших деньгах... тех, которые вы, во всем себе отказывая, копили на язычников. Понимаете, я узнала об этом... и это тоже помогло мне догадаться, что вы совсем не злой внутри. Мне Ненси сказала.

От изумления у мужчины отвисла нижняя челюсть.

— Ненси сказала тебе, что я коплю деньги на... А могу я полюбопытствовать, кто такая Ненси?

— Наша Ненси. Она служанка тети Полли.

— Тети Полли? А кто такая тетя Полли?

— Это мисс Полли Харрингтон. Я живу у нее.

Мужчина сделал резкое движение.

— Мисс... Полли... Харрингтон! — прошептал он. — Ты живешь у нее!

— Да, я ее племянница. Она взяла меня на воспитание... из-за моей мамы, понимаете, — пробормотала Поллианна тихо. — Она была ее сестрой. И после того как папа... ушел на небеса, чтобы быть с ней и моими братиками и сестричками, у меня здесь, на земле, не осталось никого, кроме дам из благотворительного комитета, и тогда тетя Полли взяла меня.

Мистер Пендлетон не ответил. Лицо его на фоне белой подушки казалось ужасно белым — таким белым, что Поллианна испугалась. Она нерешительно поднялась с места.

— Может быть, мне лучше уйти, — предложила она. — Я... я надеюсь, вам понравится... студень.

Мужчина неожиданно повернул голову и открыл глаза. В их темной глубине была какая-то странная тоска, которую заметила даже Поллианна и которая поразила ее.

— Значит, ты — племянница мисс Полли Харрингтон, — сказал он мягко.

— Да, сэр.

Темные глаза мужчины были по-прежнему устремлены на ее лицо, пока Поллианна, ощущавшая смутное беспокойство, не пробормотала:

— Я... я думаю, вы ее знаете.

Губы Джона Пендлетона искривила странная улыбка.

— О да, я ее знаю. — Он заколебался, но затем продолжил все с той же улыбкой: — Но... ты ведь не хочешь сказать... ты не можешь сказать, что это мисс Полли Харрингтон прислала мне этот студень?

Поллианна явно была сконфужена:

— Н-нет, сэр, это не она. Она сказала, что я ни в коем случае не должна позволить вам думать, что это от нее. Но я...

— Так я и думал, — изрек мужчина, отворачивая голову, и Поллианна, еще более сконфуженная, на цыпочках вышла из комнаты.

У ворот она увидела доктора, ожидавшего ее в своей двуколке. Санитар стоял на ступенях крыльца.

— Ну, Поллианна, могу я иметь удовольствие отвезти тебя домой? — спросил доктор, улыбаясь. — Я хотел уехать несколько минут назад, но затем мне пришлось в голову подождать тебя.

— Спасибо, сэр. Я рада, что вы подождали. Я так люблю ездить, — просияла Поллианна, когда он протянул руку, чтобы помочь ей влезть в двуколку.

— Правда? — улыбнулся доктор и на прощание кивнул головой молодому человеку на ступеньках. — Насколько я могу судить, есть много вещей, которые ты «любишь». Что ты скажешь? — добавил он, когда двуколка уже быстро катилась по дороге.

Поллианна засмеялась.

— Не знаю. Но, наверное, так и есть, — согласилась она. — Я люблю почти все, что есть жизнь. Но, конечно, я не очень люблю другие вещи — шитье, чтение вслух и все такое. Это — не жизнь.

— Не жизнь? А что же это тогда?

— Тетя Полли говорит, что все это «учит жить», — вздохнула Поллианна с печальной улыбкой.

Доктор улыбнулся опять, но чуть странно.

— Она так говорит? Да, другого я от нее и не ожидал.

— Да, — ответила Поллианна. — Но я думаю совсем по-другому. Я не считаю, что нужно учиться жить. Я, во всяком случае, этого не делаю.

Доктор глубоко вздохнул.

— Но, в конце концов, моя девочка, боюсь, некоторым из нас... приходится, — заметил он и замолчал.

Поллианна, украдкой бросив взгляд на его лицо, ощутила неясную жалость. Доктор казался таким печальным. И она с беспокойством подумала, как было бы хорошо, если бы она могла сделать что-нибудь для него. Вероятно, это и побудило ее робко заметить:

— Доктор Чилтон, я думаю, что работа врача — самая радостная на свете.

Доктор удивленно обернулся:

— Самая радостная? Когда я всегда и везде встречаю так много страданий?

Она кивнула.

— Я знаю, но ведь вы помогаете, разве нет? И конечно, вы этому рады! И поэтому вы счастливее нас всех, всегда.

Глаза доктора неожиданно наполнились горячими слезами. Жизнь его была очень одинокой. У него не было ни жены, ни дома, всего лишь две комнаты, которые он снимал в пансионе и которые служили ему одновременно и кабинетом. Его профессия была ему очень дорога. И теперь, когда он глядел в сияющие глаза Поллианны, у него было такое чувство, словно чья-то любящая рука неожиданно легла на его голову в благословляющем жесте. Он знал теперь, что никогда больше ни трудная дневная работа, ни утомительные ночные бдения не будут лишены для него этого вновь обретенного энтузиазма.

— Благослови тебя Бог, девочка, — сказал он срывающимся от волнения голосом, а затем с живой улыбкой, которую так хорошо знали и любили его пациенты, добавил: — Вероятно, и доктор так же, как и его больные, нуждается в глотке этого укрепляющего лекарства!

Слова его озадачили Поллианну, она погрузилась в задумчивость, из которой ее вывел бурундучок, перебежавший дорогу перед двуколкой.

Доктор высадил Поллианну у дверей ее дома, улыбнулся Ненси, которая выскочила на крыльцо, и быстро уехал.

— Я чудесно прокатилась с доктором, — объявила Поллианна, вбегая на ступени. — Он такой милый, Ненси.

— Да ну?

— Да. И я сказала ему, что его работа самая радостная на свете.

— Да что ты говоришь! Ходить к больным... или, что еще хуже, к тем, которые не больны, но считают себя больными? — На лице Ненси изобразилось глубочайшее сомнение.

Поллианна радостно засмеялась:

— Вот-вот, это почти то же самое, что и он мне сказал. Но даже и здесь есть способ радоваться! Угадай!

Ненси сдвинула брови, размышляя. Ненси была понятливой и потому могла, как она считала, с успехом играть в игру. Она с удовольствием искала ответы на «задачки», как она называла вопросы Поллианны.

— О, нашла! — засмеялась она. — Противоположное тому, что ты говорила миссис Сноу.

— Противоположное? — повторила Поллианна, явно озадаченная.

— Да. Ты ей сказала, что она могла бы радоваться тому, что другие люди не такие, как она, не больные, да?

— Да, — кивнула Поллианна.

— Ну а доктор может радоваться, что он не такой, как другие... то есть больные, которых он лечит, — заключила Ненси с торжеством.

Теперь была очередь Поллианны сдвинуть брови.

— Ну д-да, — признала она, — и так можно, но это совсем не то, что я сказала, и... Пожалуй, мне не очень нравится, как это звучит. Это, конечно, не совсем так, как будто он должен радоваться, что они больные, но... Ты иногда так странно играешь в эту игру, Ненси, — заметила девочка, входя в дом.

Тетку она застала в гостиной.

— Кто этот мужчина, который привез тебя, Поллианна? — спросила мисс Полли довольно резко.

— О, тетя Полли, это доктор Чилтон! Ты его не знаешь?

— Доктор Чилтон! Что ему здесь, нужно?

— Он привез меня домой. Ах, я отнесла студень мистеру Пендлетону,

и...

Мисс Полли быстро подняла голову:

— Поллианна, он не подумал, что это от меня?

— О, нет! Я ясно сказала ему, что это не от тебя!

Мисс Полли вдруг сделалась очень красной:

— Сказала!

Поллианна широко раскрыла глаза в ответ на протест и испуг, звучавшие в голосе тетки.

— Но, тетя Полли, ведь ты так и сказала!

Тетя Полли вздохнула:

— Я сказала, Поллианна, что это не от меня и чтобы ты была внимательна и не дала ему повода думать, что это от меня! А это совершенно не то же самое, что прямо сказать ему, что это не от меня. — И она с досадой отвернулась.

— Боже мой! Но я не понимаю, в чем тут разница, — огорченно пробормотала Поллианна, направляясь, чтобы повесить свою шляпу на тот самый, единственный в доме, крючок, который предназначила для этой шляпы тетя Полли.

Глава 16. Красная роза и кружевная шаль

В дождливый день, примерно неделю спустя после визита Поллианны к мистеру Пендлетону, Тимоти отвез мисс Полли на очередное собрание дамского благотворительного комитета. В три часа, когда она возвратилась домой, у нее был чудесный ярко-розовый румянец, а волосы, растрепанные легким влажным ветерком, пушистыми локонами и завитками выбивались из-под ослабевших в прическе шпилек.

Поллианна никогда прежде не видела свою тетку такой.

— О! О! О! Тетя Полли, у тебя они тоже есть! — кричала она в восторге, пританцовывая на цыпочках вокруг тетки, когда та вошла в гостиную.

— Что есть, несносный ты ребенок?

Поллианна продолжала скакать вокруг тетки.

— А я и не знала, что они у тебя есть! Разве могут люди их иметь, а никто даже не знает этого? Как ты думаешь, я могла бы их иметь? Прежде чем я попаду на небо, я хочу сказать, — кричала она с азартом, выдергивая жадными руками прямые пряди волос над своими ушами. — Но даже тогда они не будут черными. Черные волосы спрятать нельзя.

— Поллианна, что все это значит? — спросила мисс Полли, поспешно снимая шляпу и пытаясь привести в порядок растрепавшиеся волосы.

— Нет, нет, пожалуйста, тетя Полли! — Восторг в голосе Поллианны сменился отчаянным призывом. — Не приглаживай их! Я о них и говорю — об этих милых маленьких черных локонах. О, тетя, они такие красивые!

— Глупости! Зачем ты, Поллианна, ходила в благотворительный комитет с этими нелепыми предложениями насчет того маленького оборвыша?

— Но это не глупости, — настаивала Поллианна, отвечая только на первую часть теткиного замечания. — Ты даже не знаешь, как ты прелестно выглядишь с такими волосами! О, тетя Полли, пожалуйста, позволь мне причесать тебя, как я причесала миссис Сноу, и воткнуть в волосы цветок! Мне ужасно хочется увидеть тебя в таком виде! Ты будешь гораздо красивее, чем она!

— Поллианна! — Мисс Полли говорила очень резко, тем более резко, что слова девочки вызвали в ней странный радостный трепет. Когда это прежде кого-нибудь волновало, как выглядит она сама или ее волосы? Когда это прежде кому-то «хотелось» увидеть ее красивой? — Поллианна,

ты не ответила на мой вопрос. Зачем ты ходила в благотворительный комитет с этим нелепым предложением?

— Да, я теперь знаю. Но тогда я не знала, что оно нелепое, пока не пошла и не услышала, что для них гораздо важнее, что будет с отчетом, чем с Джимми. Поэтому потом я написала в мой благотворительный комитет. Ведь Джимми далеко от них, понимаешь? И я подумала, что, может быть, для них он сойдет за мальчика из Индии... Тетя Полли, а я для тебя тоже была девочкой из Индии?.. Тетя Полли, ты позволишь мне причесать тебя, правда?

Мисс Полли приложила руку к горлу; она чувствовала, как прежняя беспомощность овладевает ею.

— Но, Поллианна, когда дамы сегодня рассказали мне, как ты приходила к ним, мне было так стыдно! Я...

Поллианна начала пританцовывать, легко поднимаясь на кончики пальцев и опускаясь.

— Ты не сказала, не сказала, что мне нельзя причесать тебя, — радостно ворковала она, — и я уверена — это так же, как на днях со студнем для мистера Пендлетона: ты ему не посылала, но не хотела, чтобы я об этом ему сказала... Подожди здесь. Я возьму расческу.

— Но, Поллианна, Поллианна! — запротестовала мисс Полли, выходя из комнаты, и, тяжело дыша, торопливо поднялась по лестнице следом за ней.

— О, ты идешь сюда? — приветствовала ее Поллианна у дверей собственной комнаты мисс Полли. — Так даже еще лучше! А вот и расческа. Теперь садись здесь. О, я так рада, что ты позволила мне тебя причесать!

— Но, Поллианна, я... я...

Мисс Полли не закончила фразы. С беспомощным изумлением она обнаружила, что уже очутилась на низком пуфе перед туалетным столиком, а волосы ее спускаются вниз густыми волнами под проворными, но нежными пальцами Поллианны.

— Ах, Боже мой! Какие у тебя красивые волосы, — тараторила девочка, — и они гораздо гуще, чем у миссис Сноу! Но, конечно же, тебе нужно больше волос, потому что ты здорова и бываешь там, где их видят люди. Ах, я думаю, люди будут ужасно рады, когда увидят их... да и удивлены тоже, потому что ты так долго их прятала. О, тетя Полли, я сделаю тебя такой красивой, что никто глаз не сможет оторвать!

— Поллианна! — послышался прерывающийся и полный ужаса голос из-под вуали волос. — Я... я не знаю, почему я позволяю тебе делать

подобные глупости.

— Но, тетя Полли, я думаю, ты была бы рада, если бы людям было приятно смотреть на тебя! Разве ты не любишь смотреть на красивые вещи? Я гораздо счастливее, когда смотрю на красивых людей, потому что, когда я смотрю на некрасивых, мне их ужасно жалко.

— Но... но...

— И я люблю кого-нибудь причесывать, — радостно ворковала Поллианна. — Я причесывала многих дам из комитета, но ни у одной из них не было таких красивых волос, как у тебя. У миссис Уайт, впрочем, были довольно красивые, и она выглядела просто прелестно однажды, когда я ее нарядила... О, тетя Полли, я что-то придумала! Но это секрет, и я тебе не скажу. Теперь твоя прическа почти готова, и я отлучусь на минутку. Только обещай... обещай не трогаться с места и не подглядывать, пока я не вернусь. Помни! — заключила она, выбегая из комнаты.

Вслух мисс Полли не произнесла ничего, но про себя решила, что конечно же немедленно уничтожит все это нелепое дело рук племянницы и уложит волосы как следует. Что же «до поглядывания»... Как будто ее это интересует!

В этот момент мисс Полли мельком и безотчетно взглянула в зеркало туалетного столика. И то, что она увидела, вызвало такой прилив краски к ее щекам, что... она при виде этого покраснела еще сильнее.

Она увидела лицо — немолодое, это правда, но оживленное волнением и приятным удивлением, щеки, пылающие ярким румянцем, и сияющие глаза. Волосы, темные и все еще влажные от свежего воздуха, лежали свободными волнами надо лбом и, завиваясь, спускались над ушами на затылок, где спадали чудесно очерченными линиями, с мягкими небольшими завитками тут и там.

Мисс Полли была столь удивлена и захвачена увиденным в зеркале, что совсем забыла о своей решимости причесаться как обычно, пока не услышала шаги Поллианны, снова вбежавшей в комнату. Прежде чем она успела двинуться с места, что-то скользнуло перед ее глазами и оказалось мгновенно завязанным сзади.

— Поллианна, что ты делаешь? — вскрикнула мисс Полли.

Поллианна засмеялась:

— Просто я хочу, чтобы это был сюрприз. Я боюсь, что ты будешь подглядывать, и поэтому завязала тебе глаза носовым платком. Теперь сиди смирно. Это займет всего минуту, а потом я позволю тебе посмотреть.

— Но, Поллианна, — начала мисс Полли, пытаясь вслепую подняться на ноги. — Сними сейчас же! Ах, что ты делаешь? — задыхалась она,

чувствуя, как что-то мягкое скользит вокруг ее плеч.

Но Поллианна только засмеялась еще радостнее. Дрожащими пальцами она укладывала вокруг плеч тетки живописными складками легкую и красивую кружевную шаль, пожелтевшую за долгие годы пребывания в сундуке и пропитанную запахом лаванды, Поллианна наткнулась на нее на предыдущей неделе, когда Ненси приводила в порядок чердак, и сегодня ей пришлось в голову, что нет причины, которая могла бы помешать ей нарядить тетю Полли так же, как когда-то она нарядила миссис Уайт в своем родном городке.

Закончив свои труды, Поллианна с удовлетворением обозрела результат, но заметила, что не хватает еще одного штриха. Тогда она быстро потянула тетку на веранду, где на деревянной решетке еще виднелась одна запоздалая красная роза, до которой можно было дотянуться рукой.

— Поллианна, что ты делаешь? Куда ты меня тащишь? — вопрошала тетя Полли, тщетно пытаясь сопротивляться. — Поллианна, я не...

— Только на веранду... только на минуту! Сейчас ты будешь готова, — пыхтела Поллианна, доставая розу и втыкая ее в волнистые волосы над левым ухом мисс Полли. — Вот! — ликуяще воскликнула она и, развязав узел, откинула платок в сторону. — О, тетя Полли, теперь, я думаю, ты обрадуешься, что я тебя так нарядила!

С минуту ошеломленная мисс Полли разглядывала в зеркале себя и свое окружение, потом она вскрикнула сдавленным голосом и бросилась в свою комнату.

Поллианна, проследив направление последнего, исполненного ужаса, взгляда тетки, увидела в раскрытое окно веранды лошадь и двуколку, заворачивающие к дому. Она сразу же узнала мужчину, державшего вожжи. Обрадованная, она высунулась из окна и закричала:

— Доктор Чилтон, доктор Чилтон! Вы приехали за мной? Я здесь.

— Да, — улыбнулся доктор и серьезно добавил:

— Ты не могла бы спуститься?

В спальне Поллианна нашла тетку с красным лицом и сердитыми глазами, которая раздраженно выдергивала булавки, прикреплявшие кружевную шаль.

— Поллианна, как ты могла? — стонала она. — Подумать только! Так меня вырядила, да еще и выставила так, что меня... увидели!

Поллианна замерла в ужасе:

— Но ты выглядела прелестно... совершенно прелестно, тетя Полли, и...

— Прелестно! — с презрением воскликнула мисс Полли, отшвырнув

шаль и дрожащими руками атакуя свои волосы.

— О, тетя Полли, пожалуйста, пожалуйста, оставь волосы так!

— Оставить? Так? Вот еще! — И мисс Полли так сильно потянула все волосы на затылок, что все они, до самого последнего завитка, стали в ее руке прямыми как палки.

— О Боже! А было так красиво! — почти зарыдала Поллианна и, спотыкаясь, вышла из комнаты.

Внизу Поллианну ждал сидевший в своей двуколке доктор.

— Я прописал тебя пациенту, и он послал меня за прописанным лекарством, — объявил доктор. — Ты поедешь со мной?

— Вы имеете в виду... поручение? В аптеку? — спросила Поллианна не совсем уверенно. — Я ходила раньше в аптеку... для дам из комитета.

Доктор с улыбкой покачал головой:

— Не совсем. Речь идет о мистере Пендлетоне. Он хотел бы увидеть тебя сегодня, если ты будешь так добра и согласишься приехать к нему. Дождик кончился, вот я и заехал за тобой. Ты согласна поехать? Потом я заеду за тобой и привезу тебя обратно еще до шести часов.

— Ах, как я хотела бы поехать! — воскликнула Поллианна. — Подождите, я только спрошу позволения у тети Полли.

Через несколько минут она вернулась со шляпой в руке, но с опечаленным лицом.

— Тетя не хотела тебя отпускать? — спросил доктор осторожно, когда они тронулись в путь.

— Н-нет, — вздохнула Поллианна. — Она... она, боюсь, слишком хотела, чтобы я уехала.

— Слишком хотела?

Поллианна опять вздохнула:

— Да. Я думаю, она хотела сказать, что я ей надоела. Понимаете, она сказала: «Да, да, иди куда хочешь! Жаль, что ты не ушла раньше!»

Доктор улыбнулся, но лишь одними губами. Глаза его были очень серьезны. Некоторое время он молчал, потом спросил, несколько нерешительно:

— Это не твою ли тетю... я видел рядом с тобой несколько минут назад в окне веранды? — Поллианна глубоко вздохнула:

— Да. И в этом все дело, как я думаю. Понимаете, я нарядила ее в совершенно прелестную кружевную шаль, которую я нашла на чердаке. И я уложила ей волосы и воткнула в них розу. И она выглядела так красиво. Вам не показалось, что она выглядела просто прелестно?

Доктор помолчал, а когда заговорил снова, голос его звучал так тихо,

что Поллианна едва могла расслышать слова:

— Да, Поллианна... Я думаю, она выглядела... просто прелестно.

— Правда? О, я так рада! Я скажу ей, — кивнула Поллианна с удовлетворением.

Но, к ее удивлению, доктор неожиданно воскликнул:

— Ни за что! Поллианна, я... я боюсь, я должен попросить тебя не говорить ей об этом.

— Почему, доктор Чилтон? Почему? Я думаю, вы были бы рады...

— Но она, быть может, нет, — прервал он девочку.

Поллианна с минуту размышляла.

— Пожалуй... Может быть, она и не обрадовалась бы, — вздохнула она. — Я вспомнила теперь: ведь она и убежала именно потому, что увидела вас. И еще она говорила потом, что ее увидели, когда она была «выряженной».

— Я так и думал, — сказал доктор вполголоса.

— И все же я не понимаю почему, — с недоумением заметила Поллианна, — когда она выглядела так красиво!

Доктор не сказал ничего. Он нарушил свое молчание, лишь когда они почти подъехали к огромному каменному дому, в котором со сломанной ногой лежал Джон Пендлетон.

Глава 17. «Совсем как в книжке»

На этот раз Джон Пендлетон приветствовал Поллианну улыбкой: — Добрый день. Я думаю, Поллианна, что ты очень великодушная маленькая особа, иначе ты не пришла бы навестить меня сегодня.

— Что вы, мистер Пендлетон! Я просто была рада прийти. И даже не знаю, почему бы я могла не захотеть прийти!

— Ну, боюсь, я был слишком сердитым с тобой оба раза. И тогда, когда ты на днях так любезно принесла мне студень, и в первый раз, когда ты нашла меня со сломанной ногой. Между прочим, я, кажется, так и не поблагодарил тебя за это. Теперь, я уверен, даже ты должна признать, что оказалась великодушной, явившись навестить меня после такого нелюбезного приема!

Поллианна смущенно заерзала на стуле.

— Но я была рада, что нашла вас... то есть, разумеется, я не хочу сказать, что я была рада, что вы сломали ногу, — поправились она торопливо.

Джон Пендлетон улыбнулся:

— Я понимаю. Твой язык не всегда в ладу с мыслями. Но, так или иначе, я благодарю тебя и, судя по тому, что ты сделала в тот день, считаю тебя очень храброй девочкой. Благодарю тебя и за студень тоже, — добавил он более беспечным тоном.

— Он вам понравился? — спросила Поллианна с интересом.

— Очень. Я полагаю, что сегодня... тетя Полли мне уже ничего не прислала, правда? — сказал он, странно улыбнувшись.

Его посетительница, казалось, была огорчена.

— Н-нет, сэр. — Она замялась, но затем продолжила, краснея: — Я не хотела вас обидеть, когда сказала, что тетя Полли не посылала вам студень.

Джон Пендлетон не ответил. Теперь он не улыбался. Он смотрел прямо перед собой, и, казалось, взгляд его проникал сквозь предметы перед ним и за пределы комнаты. Через несколько мгновений он вздохнул и обернулся к Поллианне, а когда он заговорил, в его голосе слышалась прежняя раздражительность.

— Ну-ну, это совсем никуда не годится! Не для того я посылал за тобой, чтобы ты могла посмотреть, как я буду хандрить на этот раз. Слушай! Там, в библиотеке, — в большой комнате, где стоит телефон, — на нижней полке большого застекленного шкафа, в углу, возле камина, ты

найдешь резную шкатулку. То есть она там будет, если только эта проклятая баба еще не навела там свой порядок. Принеси ее сюда. Она тяжелая, но, я думаю, ты справишься.

— О, я ужасно сильная! — весело объявила Поллианна, вскакивая с места. Через минуту она вернулась со шкатулкой.

Следующие полчаса, которые Поллианна провела с мистером Пендлетоном, показались ей чудесными. Шкатулка была полна сокровищ — любопытных мелочей, которые Джон Пендлетон собрал за годы своих путешествий, и с каждым из этих предметов была связана какая-нибудь занимательная история, были ли это искусно выточенные шахматные фигурки, привезенные из Китая, или маленький нефритовый божок из Индии.

Как раз после того, как Поллианна выслушала историю об этом идоле, она пробормотала печально:

— Может быть, действительно лучше взять на воспитание маленького мальчика из Индии, у которого вместо Бога такая вот кукла, чем Джимми Бина, который, по крайней мере, знает, что Бог — на небе. Но я все-таки не могу не желать, чтобы они взяли и Джимми тоже... вместе с этими индийскими мальчиками.

Джон Пендлетон, казалось, не слышал. Глаза его опять были устремлены прямо вперед, словно в пустоту. Но вскоре он очнулся от задумчивости и взял в руки очередной предмет из шкатулки, чтобы рассказать о нем.

Это был восхитительный визит, но, прежде чем он завершился, Поллианна отдала себе отчет в том, что они говорят не только о чудесных вещах из великолепной резной шкатулки, но и о многом другом: о самой Поллианне, о Ненси, о тете Полли, о том, как проходят обычные дни Поллианны. Они говорили о ее прежней жизни в далеком городке на западе.

Когда подошло время расставаться, Джон Пендлетон сказал голосом, какого Поллианна никогда прежде не слышала от этого сурового мужчины:

— Моя маленькая девочка, я хочу, чтобы ты почаще навещала меня. Хорошо? Я одинок, и ты нужна мне. Есть и другая причина, и я скажу тебе и о ней. Сначала, после того как я узнал, кто ты, я думал, что больше никогда не захочу тебя увидеть. Ты напомнила мне о... о том, о чем я пытался забыть много лет. И я сказал себе, что никогда не захочу увидеть тебя опять. Каждый день, когда доктор спрашивал меня, не позволю ли я ему привезти тебя ко мне, я говорил «нет». Но спустя некоторое время я убедился, что хочу увидеть тебя! И само то, что я тебя не вижу, напоминает

мне еще живее о том, что я так хотел изгнать из памяти. Так что теперь я хочу, чтобы ты приходила ко мне. Ты согласна, дорогая?

— Конечно, мистер Пендлетон, — шепнула Поллианна; глаза ее светились сочувствием к этому мужчине с печальным лицом, лежавшему перед ней откинувшись на подушки. — Я обязательно буду приходить!

— Спасибо, — сказал Джон Пендлетон мягко.

В тот же вечер после ужина Поллианна, сидя вместе с Ненси на заднем крыльце, рассказывала ей о чудесной резной шкатулке и еще более чудесных вещах, которые она в себе скрывала.

— Подумать только, — вздохнула Ненси, — что он показал тебе все эти вещицы и рассказал о них... Он, такой всегда сердитый, что и слова-то никому не скажет, никому!

— Но он не сердитый, Ненси; это только снаружи, — пылко возразила верная дружбе Поллианна. — Не пойму, почему все думают, что он такой злой. Они, конечно, не думали бы так, если бы его узнали поближе. Но даже тетя Полли его не любит. Она не хотела посылать ему студень, понимаешь. И она боялась, как бы он не подумал, что это от нее.

— Она, наверное, не считает это своим долгом, — пожалала плечами Ненси. — Но что меня поражает, так это то, как он тебя полюбил. Я не хочу, разумеется, сказать ничего для тебя обидного... Но не такой он человек, которого тянуло бы к детям, не такой, не такой!

Поллианна радостно заулыбалась.

— А он полюбил, Ненси, — кивнула она. — Только я не думаю, что его тянуло... то есть не все время. Он сегодня сам признался, что одно время ему даже казалось, что он никогда не захочет увидеть меня опять, потому что я напоминаю ему о том, о чем он хотел забыть. Но потом...

— Как так? — перебила Ненси взволнованно. — Он сказал, что ты напоминаешь ему о чем-то, о чем он хотел забыть?

— Да, но потом...

— Но что же это такое? — добивалась ответа Ненси.

— Он не сказал. Он просто сказал, что что-то было.

— Тайна! — прошептала Ненси с благоговейным страхом в голосе. — Вот почему он так к тебе сразу привязался. Ах, это совсем как в книжке... Я их много читала: «Тайна леди Мод», «Пропавший наследник», «Годы в тайном убежище»... Во всех были тайны или что-нибудь подобное. Боже мой! Подумать только! Живая книга под самым носом, а я все это время ничего не знала! Теперь, милая, расскажи мне все-все, что он сказал! Это важно! Неудивительно, что он так привязался к тебе, неудивительно, неудивительно!

— Но он не привязался! — воскликнула Поллианна. — Это я заговорила с ним первая. А он даже не знал, кто я такая, пока я не отнесла ему студеный и не дала ему понять, что это не от тети Полли, и...

Ненси вдруг вскочила на ноги и неожиданно хлопнула в ладоши.

— О, знаю, знаю! — выкрикивала она возбужденно, но в следующую минуту уже снова сидела рядом с Поллианной. — Скажи мне, подумай и ответь, прямо и откровенно, — взволнованно настаивала она. — Именно после того, как он узнал, что ты племянница мисс Полли, он не хотел тебя больше видеть, правда?

— Да. Я в прошлый раз сказала ему, кто я, а сегодня он сказал мне, о чем он тогда подумал.

— Я так и знала, — торжествовала Ненси. — И мисс Полли не хотела посылать ему студеный, ведь так?

— Не хотела.

— И ты сказала ему, что это не от нее?

— Ну да. Я...

— И он стал вести себя странно только после того, как узнал, что ты ее племянница. Ведь так?

— Ну д-да. Он вел себя немного странно... из-за студня, — признала Поллианна, задумчиво морща лоб.

Ненси глубоко втянула воздух.

— Тогда я все поняла, точно! Слушай. Мистер Джон Пендлетон был возлюбленным мисс Полли Харрингтон! — объявила она торжественно, но перед этим украдкой бросила взгляд через плечо.

— Что ты, Ненси, не может быть! Он ей не нравится, — возразила Поллианна.

Ненси взглянула на нее пренебрежительно:

— Конечно, не нравится! Еще бы! Ведь они в ссоре!

Поллианна все еще смотрела недоверчиво, и потому Ненси, после очередного глубокого вдоха, удобно усевшись рядом с ней, с удовольствием принялась излагать всю историю.

— Дело вот в чем. Как раз незадолго до твоего приезда мистер Том сказал мне, что у мисс Полли когда-то был возлюбленный. Я этому не поверила. Да чтобы она и — возлюбленный! Но мистер Том заверил, что так было и что мужчина этот и сейчас живет в нашем городке. А теперь я знаю! Разумеется, это Джон Пендлетон. Разве нет тайны в его жизни? Разве не закрылся он в своем огромном доме один-одинешенек, так что никогда ни с кем и словечком не перемолвится? Разве не вел он себя странно, когда узнал, что ты племянница мисс Полли? И разве он не признался, что ты

напоминаешь ему о чем-то, о чем он хотел забыть? Любому ясно, что речь идет о мисс Полли!.. А она... разве она не сказала, что никогда в жизни не послала бы ему студень?.. Да это ясно, как Божий день, ясно, ясно!

— О-о-о! — выдохнула Поллианна, широко раскрыв глаза от изумления. — Но, Ненси, я думаю, что, если они любили друг друга, они помирились бы. Оба они были так одиноки все эти годы. Я думаю, они с радостью помирились бы.

Ненси презрительно фыркнула:

— Не очень-то много ты знаешь, как это бывает в любви. Ты еще слишком мала. Но если есть кто-то на свете, кто и слышать бы не пожелал о твоей игре, так это пара поссорившихся влюбленных! Точно так и с ними обстоит дело. Разве не ходит он всегда мрачный как туча? И разве она не... — Ненси запнулась, вовремя вспомнив, с кем и о ком она говорит. Неожиданно она рассмеялась: — Не скажу, впрочем, что это не было бы здорово, если бы ты могла и их тоже вовлечь в игру — так чтобы они были рады помириться!.. Ну и история! Вот бы все глаза вытаращили — мисс Полли и он! Но, я думаю, надежды тут мало; мало, мало!

Поллианна ничего не сказала, но, когда чуть позже она вошла в дом, лицо у нее было очень задумчивое.

Глава 18. Хрустальные подвески

В теплые августовские дни Поллианна часто ходила в большой дом на Пендлетон-Хилл. У нее, впрочем, не было впечатления, что эти визиты оказывались особенно удачными. Не то чтобы мистер Пендлетон не хотел ее видеть — напротив, он даже часто посылал за ней, — но, когда она была у него, он едва ли казался счастливее от ее присутствия; по крайней мере, так считала Поллианна. Он говорил с ней, это правда, и показывал ей много необычных и красивых вещей, книжек, картин и разных диковинок. Но он по-прежнему раздраженно и открыто роптал на свою беспомощность и явно негодовал по поводу «режима» и «порядка», введенных в его доме людьми, которых он с трудом терпел под своей крышей. Впрочем, казалось, что он с удовольствием слушал Поллианну, и Поллианна говорила без умолку. Она любила поговорить, но никогда не была уверена, что, подняв глаза, не увидит его лежащим на подушке с этим страдальческим выражением лица, которое всегда причиняло ей боль. И она никогда не знала точно, какое из ее слов — если причина была в них — ранило его. Что же до того, чтобы рассказать ему об игре и попытаться уговорить его играть в нее, то ей ни разу не удалось найти подходящий момент, когда она была бы уверена, что он охотно выслушает ее. Она дважды заводила разговор об игре, но оба раза ей не удалось пойти дальше того, что сказал ее отец, потому что Джон Пендлетон сразу же менял тему их беседы.

Теперь Поллианна уже не сомневалась, что Джон Пендлетон был некогда возлюбленным тети Полли, и всеми силами своего верного, любящего сердца желала каким-нибудь образом принести счастье в их, по ее мнению, несчастное и одинокое существование.

Только вот как сделать это, она не знала. Она говорила мистеру Пендлетону о своей тетке, и он слушал, иногда вежливо, иногда с раздражением, но чаще всего с насмешливой улыбкой на обычно суровых устах. Она говорила и тетке о мистере Пендлетоне — или, скорее, пробовала говорить о нем. Однако мисс Полли не слушала долго; она почти всегда находила другой предмет для разговора. Впрочем, она часто поступала так и тогда, когда Поллианна говорила о ком-нибудь другом, докторе Чилтоне, например. Поллианна приписывала это тому обстоятельству, что именно доктор Чилтон видел тетю Полли на веранде с розой в волосах и кружевной шалью на плечах. Тетя Полли, казалось, проявляла особенную неприязнь к доктору Чилтону, как однажды

обнаружила Поллианна, когда сильная простуда уложила девочку в постель.

— Если к вечеру тебе не станет лучше, я пошлю за доктором, — заявила тетя Полли.

— Правда? Тогда мне станет хуже к вечеру, — засмеялась Поллианна, — потому что я очень хочу, чтобы доктор Чилтон пришел ко мне.

Ее поразило тогда выражение, возникшее на лице тетки.

— Это будет не доктор Чилтон, Поллианна, — сказала мисс Полли сурово. — Доктор Чилтон не является нашим семейным врачом. Я пошлю за доктором Уорреном... если тебе станет хуже.

Но Поллианне не стало хуже, и доктор Уоррен вызван не был.

— И этому я тоже рада, — сказала Поллианна тетке в тот вечер. — Конечно, мне нравится доктор Уоррен, но доктора Чилтона я люблю больше и боюсь, он бы обиделся, если бы ко мне позвали не его. Тетя, он ведь совсем не виноват, что случайно увидел тебя в тот день, когда я так красиво тебя нарядила, — закончила она печально.

— Довольно, Поллианна. Я не имею ни малейшего желания беседовать о докторе Чилтоне... или его чувствах, — заявила мисс Полли твердо.

Поллианна взглянула на нее с печальным недоумением в глазах, потом вздохнула.

— Я очень люблю на тебя смотреть, когда у тебя такие румяные щеки, и я так хотела бы снова причесать тебя. Если... Тетя Полли! — Но тетка уже скрылась из глаз в глубине холла.

В один из дней августа, когда Поллианна ранним утром пришла к Джону Пендлетону, она неожиданно увидела лежащую поперек его подушки пылающую полосу голубого, золотого и зеленого цветов, обрамленную по краям красным и фиолетовым. Она замерла в благоговейном восторге.

— О, мистер Пендлетон, это маленькая радуга; настоящая радуга пришла к вам в гости! — воскликнула она, слегка хлопнув в ладоши. — О-о-о! Как красиво! Но откуда она здесь взялась?

Мистер Пендлетон не очень весело рассмеялся; он был особенно не в духе в это утро.

— Я думаю, она «взялась» от грани стеклянного термометра за окном, — сказал он вяло. — Обычно солнце на него не падает... и освещает его только по утрам.

— Но это так красиво! И это просто солнце делает? Вот это да! Если

бы это был мой термометр, я держала бы его на солнце целыми днями!

— Не много бы пользы было тогда от него, — засмеялся мужчина. — Как ты полагаешь, могла бы ты сказать тогда, жарко или холодно на улице?

— Мне было бы все равно, — прошептала Поллианна, не отрывая восхищенных глаз от блестящего пучка красочных полосок на по душе. — Как будто кого-нибудь это волновало бы, если бы он все время жил в радуге!

Мистер Пендлетон опять засмеялся. Он с нежным любопытством смотрел на восхищенное лицо Поллианны. Затем неожиданная мысль пришла ему в голову.

Он тронул звонок рядом с постелью.

— Нора, — сказал он, когда в дверях появилась пожилая служанка, — принесите, пожалуйста, один из больших бронзовых подсвечников, которые стоят на каминной полке в парадной гостиной.

— Слушаю, сэр, — пробормотала женщина с чуть растерянным видом. Через минуту она вернулась, а ее шаги, когда она, удивленная, приближалась к постели, сопровождало негромкое мелодичное позвякивание. Оно исходило от граненых хрустальных подвесок старомодного канделябра, который она держала в руке.

— Спасибо. Поставьте здесь, на столике, — указал мистер Пендлетон. — Теперь возьмите шнурок и натяните его поперек окна, привязав к крючкам на раме. Все в порядке. Спасибо, — сказал он, когда служанка исполнила его указания. Когда она покинула комнату, он взглянул на удивленную Поллианну смеющимися глазами. — Дай-ка мне этот подсвечник, Поллианна.

Она взяла его обеими руками и подала. И тогда мистер Пендлетон начал снимать одну подвеску за другой, пока добрая дюжина их не легла перед ним на кровати в ряд.

— Теперь, дорогая, возьми и повесь их на эту веревочку, которую Нора натянула на окне. Если ты действительно хочешь жить в радуге, то я думаю, таким способом мы получим отличную радугу, где ты сможешь жить!

Едва Поллианна успела повесить первые три подвески на освещенном солнцем окне, как уже поняла, что будет дальше. Она была так взволнована, что едва смогла овладеть дрожащими пальцами, чтобы закончить свою работу. Но наконец она справилась с этой задачей и, вскрикнув от восхищения, отступила на шаг назад. Роскошная, но мрачная спальня вдруг стала сказочной страной. Повсюду были яркие пляшущие огоньки: красные и зеленые, фиолетовые и оранжевые, золотые и голубые.

Стены, пол, мебель и сама кровать ярко горели переливающимися разноцветными отблесками.

— О-о-о, какая прелесть! — прошептала Поллианна и неожиданно рассмеялась. — Мне кажется, что даже солнце пытается играть в игру! — закричала она, забыв, что мистер Пендлетон не может понять, о чем она говорит. — Ах, как я хотела бы иметь много таких подвесок! Как я хотела бы дать их тете Полли и миссис Сноу и... многим другим. Я думаю, что тогда они непременно обрадовались бы. Даже тетя Полли, если бы жила в такой радуге, так радовалась бы, что не могла бы не хлопать дверями! Как вы думаете?

Мистер Пендлетон засмеялся:

— Ну, если судить по моим воспоминаниям о твоей тетке, боюсь, тут нужно нечто большее, чем несколько хрустальных призм на солнце, чтобы она стала хлопать дверями... от радости. Но послушай, о чем это ты говорила? О какой игре?

Поллианна взглянула чуть удивленно, потом глубоко вздохнула:

— О, я забыла. Вы ведь еще не знаете про игру. Я только теперь вспомнила.

— Ну, может быть, теперь ты мне и расскажешь?

И на этот раз Поллианна изложила все с самого начала — от костылей, которые должны были быть куклой. При этом она не смотрела на лицо мистера Пендлетона — она не отрывала восхищенных глаз от танцующих разноцветных пятен, которые отбрасывали подвески, покачивавшиеся перед залитым солнцем окном.

— Вот и все, — вздохнула она, закончив свое повествование. — Теперь вы знаете, почему я сказала, что солнце тоже пытается играть в игру.

На минуту воцарилось молчание. Потом со стороны постели до Поллианны долетел тихий, неуверенный голос:

— Может быть. Но я думаю, Поллианна, что самая прекрасная из всех призм — это ты.

— Но я не отбрасываю красивых красных, зеленых, фиолетовых пятен, когда на меня светит солнце!

— Разве? — улыбнулся мужчина, и Поллианна, взглянув на его лицо, удивилась, почему в глазах у него были слезы.

— Нет, — сказала она, а помолчав, добавила печально: — Боюсь, мистер Пендлетон, что со мной солнце не делает ничего... только веснушки. Тетя Полли говорит, что это оно их делает!

Мужчина негромко рассмеялся. И опять Поллианна взглянула на него

— ЭТОТ СМЕХ ЗВУЧАЛ ПОЧТИ КАК РЫДАНИЕ.

Глава 19, вызывающая некоторое удивление

В сентябре Поллианна пошла в школу. Предварительный экзамен показал, что для девочки ее возраста она была неплохо подготовлена, а потому вскоре она стала счастливой ученицей класса, состоявшего из ее ровесников и ровесниц.

Школа в некоторых отношениях была сюрпризом для Поллианны, и Поллианна тоже во многих отношениях оказалась большим сюрпризом для школы. Впрочем, вскоре обе они — школа и Поллианна — уже были в наилучших отношениях, и Поллианна призналась тетке, что ходить в школу — это все-таки жизнь, хотя прежде она в этом сомневалась.

Но, несмотря на радость, которую приносили ей новые занятия, Поллианна не забыла своих старых друзей. Конечно, она теперь не могла уделять им так много времени, как прежде, но она уделяла им столько времени, сколько могла. И пожалуй, наиболее недовольным из всех них был мистер Пендлетон.

Однажды в субботу он заговорил с ней об этом.

— Послушай, Поллианна, ты не хотела бы перейти жить ко мне? — спросил он чуть раздраженно и нетерпеливо. — Я совсем тебя теперь не вижу.

Поллианна засмеялась — мистер Пендлетон был такой смешной!

— Мне казалось, что вы не любите, когда рядом с вами кто-то есть, — ответила она. Он криво улыбнулся.

— Да, но это было прежде, чем ты научила меня играть в эту твою чудесную игру. И теперь я рад, что обо мне заботятся, и притом с усердием! Ничего, на днях я уже буду на ногах и тогда уж посмотрю, кто тут крутится по дому! — заключил он, подняв один из своих костылей и шутливо погрозив им Поллианне. В этот день они сидели в большой библиотеке дома.

— О, но на самом деле вы совсем не рады; вы только так говорите. — Поллианна надула губки, глядя на песика, дремавшего перед камином. — Вы сами знаете, что не всегда играете в игру, мистер Пендлетон. Вы знаете, что не играете!

Лицо мужчины вдруг стало очень серьезным.

— Именно поэтому ты нужна мне, моя девочка... чтобы помочь мне

играть. Ты поселишься у меня, хорошо?

Поллианна взглянула удивленно:

— Мистер Пендлетон, вы шутите?

— Нет. Ты нужна мне. Ты согласишься?

Поллианна, казалось, была огорчена.

— Но, мистер Пендлетон, я не могу. Вы же знаете, что я не могу. Я... принадлежу тете Полли.

Что-то быстро промелькнуло в выражении лица мужчины, но что это было, Поллианна не сумела понять.

— Ты не больше принадлежишь ей, чем... — Он вскинул голову почти с гневом. — Может быть, она отпустит тебя ко мне, — закончил он мягче. — Ты согласишься... если она отпустит?

Поллианна нахмурилась в глубоком раздумье.

— Но тетя Полли была так... так добра ко мне, — начала она медленно. — И она взяла меня, когда у меня не осталось никого, кроме дам из комитета, и...

И снова какая-то судорога прошла по лицу мужчины. Но когда он заговорил на этот раз, голос его звучал тихо и очень печально:

— Поллианна, много лет назад я очень любил одну женщину. Я надеялся, что когда-нибудь приведу ее в этот дом. Я мечтал о том, как счастливы мы будем вместе в нашем доме в те долгие годы, что предстоят нам.

— Да, я понимаю, — сказала Поллианна, глаза ее светились сочувствием.

— Но... короче, я не привел ее сюда. Неважно почему. Просто не привел, и все. И с тех пор эта огромная серая груда камней была мне просто жильем и никогда — родным домом, потому что, чтобы создать дом, Поллианна, нужна женская рука и сердце или присутствие ребенка, а у меня этого не было. Теперь ты согласна поселиться у меня, дорогая?

Поллианна вскочила на ноги. Лицо ее сияло.

— Мистер Пендлетон, вы хотите сказать, что... что вы все это время хотели получить женскую руку и сердце?

— Ну д-да, Поллианна.

— О, я так рада! Тогда все в порядке, — с облегчением вздохнула она. — Теперь вы можете взять нас обеих, и все будет замечательно!

— Взять... вас... обеих? — переспросил мужчина озадаченно.

Тень сомнения легла на лицо Поллианны.

— Ну, конечно, тетя Полли еще не согласилась, но я уверена, она согласится, если вы попросите ее так же, как вы попросили меня, и тогда

мы обе, конечно же, переедем сюда!

Неподдельный ужас появился в глазах мужчины.

— Тетя Полли переедет... сюда!

Поллианна раскрыла глаза чуть шире.

— Вы предпочитаете переехать туда? — спросила она. — Конечно, тот дом не такой красивый, но зато он ближе к...

— Поллианна! О чем ты говоришь? — спросил мужчина, на этот раз очень мягко.

— Как о чем? О том, где мы будем жить, — ответила Поллианна в явном удивлении. — Сначала я решила, что вы хотите жить здесь. Ведь вы сказали, что все эти годы хотели руки и сердца тети Полли, чтобы создать из этой серой громады настоящий дом и...

Невнятный крик вырвался у мистера Пендлетона. Он хотел заговорить и поднял руку, но в следующее мгновение бессильно уронил ее.

— Сэр, пришел доктор, — объявила появившаяся в дверях служанка.

Поллианна сразу вскочила.

Джон Пендлетон повернулся к ней в волнении.

— Поллианна, ради всего святого, не говори ни слова о том, о чем я просил тебя... пока... — умолял он шепотом.

Солнечная улыбка прорезала две ямочки на щеках Поллианны.

— Разумеется! Как будто я не знаю, что вы захотите сказать ей об этом сами! — весело бросила она через плечо, выбегая из комнаты.

Джон Пендлетон, обессиленный, откинулся на спинку кресла.

— Что случилось? — спросил минуту спустя доктор, держа руку на бешеном пульсе своего пациента.

Губы Джона Пендлетона дрогнули в странной улыбке.

— Передозировка вашего... укрепляющего средства, я полагаю, — засмеялся он, заметив, как глаза доктора провожают маленькую фигурку Поллианны, бегущей по аллее.

Глава 20, вызывающая еще большее удивление

В воскресенье утром Поллианна обычно ходила в церковь и воскресную школу, а в послеобеденные часы отправлялась на прогулку с Ненси. Такую прогулку она планировала совершить и в то воскресенье, накануне которого состоялся уже описанный визит к мистеру Пендлетону. Но на пути домой из воскресной школы ее нагнал доктор Чилтон в своей двуколке и остановил лошаадь.

— Не позволишь ли ты мне подвезти тебя домой, Поллианна? — предложил он. — Я хотел бы поговорить с тобой. Я как раз и ехал к тебе, чтобы поговорить, — продолжал он, пока Поллианна усаживалась рядом с ним. — Мистер Пендлетон посылает тебе настоятельную просьбу навестить его сегодня. Он говорит, что это очень важно.

Поллианна радостно кивнула:

— Да, я знаю. Я приду.

Доктор взглянул на нее с некоторым удивлением.

— Все же я не уверен, должен ли я соглашаться на это, — заявил он с лукавым блеском в глазах. — Вчера, дорогая, ты, кажется, больше взволновала пациента, чем успокоила его.

Поллианна засмеялась:

— О, это не из-за меня, честно... то есть не столько из-за меня, сколько из-за тети Полли.

Доктор, вздрогнув, обернулся к ней.

— Тети... Полли! — воскликнул он. От радости Поллианна чуть подпрыгнула на сиденье.

— Да. И это так интересно и приятно, совсем как в книжке, понимаете? Я... я расскажу вам! — выпалила она с внезапной решимостью. — Мистер Пендлетон просил не говорить, но он, конечно же, не будет возражать, если вы узнаете. Он имел в виду не говорить ей.

— Ей?

— Да, тете Полли. Разумеется, ему хочется самому сказать ей обо всем, вместо того чтобы я говорила. Влюбленные, ясное дело!

— Влюбленные! — Когда доктор произнес это слово, лошаадь неистово рванула с места, как будто рука, державшая вожжи, резко дернула их.

— Да, — кивнула Поллианна радостно. — В этом все дело,

понимаете? Я не знала, пока мне Ненси не сказала. Она сказала, что много лет назад у тети Полли был возлюбленный, но они поссорились. Она сначала не знала, кто это был. Но теперь мы выяснили. Это мистер Пендлетон!

Доктор сразу сделался заметно менее напряженным. Рука, державшая вожжи, вяло упала на колени.

— О! Я... не знал, — сказал он спокойно. Поллианна заторопилась, они были уже близко от дома Харрингтонов.

— Да, и я так рада теперь! Все складывается замечательно! Мистер Пендлетон просил меня переселиться к нему, но я, конечно, не бросила бы тетю Полли... после того как она была так добра ко мне. А потом он сказал мне о женской руке и сердце, о которых мечтал прежде, и я узнала, что он и сейчас о них мечтает. И я так обрадовалась! Потому что, если он хочет помириться с ней, все будет в порядке, и мы с тетей Полли вдвоем переедем к нему... или он переедет к нам. Конечно, тетя Полли еще ничего не знает, и мы еще не все успели обсудить, и наверняка именно поэтому он хочет увидеть меня сегодня.

Доктор неожиданно выпрямился. На губах его играла странная улыбка.

— Да, я отлично понимаю, почему мистер Пендлетон непременно хочет увидиться с тобой, — кивнул он, останавливая лошадь у подъезда.

— А вон тетя Полли стоит у окна! — воскликнула Поллианна, но тут же добавила: — Нет, наверное, мне показалось. Я была уверена, что вижу ее.

— Нет, ее там нет... уже, — сказал доктор. Улыбка неожиданно исчезла с его лица.

В этот день Поллианна застала мистера Пендлетона ожидающим ее с нетерпением и в большом волнении.

— Поллианна, — начал он сразу. — Всю ночь я пытался понять, что ты хотела сказать мне вчера... насчет того, что я хотел руки и сердца твоей тети Полли долгие годы. Что ты имела в виду?

— Ну, вы же любили друг друга когда-то, и я была очень рада, что у вас сохранились прежние чувства.

— Любили! Твоя тетя Полли и я?

Услышав нескрываемое удивление в голосе мужчины, Поллианна широко раскрыла глаза:

— Но, мистер Пендлетон, мне это Ненси сказала!

Мужчина коротко рассмеялся:

— Ну и ну! Да-а, боюсь, я должен тебе сказать, что Ненси... ошиблась.

— Значит, вы... не любили друг друга? — В голосе Поллианны звучало трагическое разочарование.

— Никогда!

— И все совсем не как в книжке?

Мужчина молчал и задумчиво глядел в окно.

— О Боже! А все шло так чудесно, — почти всхлипывала Поллианна. — Я так была бы рада переехать к вам... с тетей Полли.

— А одна ты не хочешь переехать? — спросил мужчина, не поворачивая головы.

— Конечно, нет. Я ведь тетина.

Мужчина обернулся к ней почти свирепо:

— Прежде чем ты стала тетина, ты была мамина. А... именно руки и сердца твоей матери хотел я много лет назад.

— Моей матери?

— Да. Я не собирался говорить тебе об этом, но, быть может, лучше, чтобы ты знала... — Джон Пендлетон сильно побледнел и говорил с явным трудом. Поллианна, полураскрыв рот, смотрела на него не отрываясь. — Я любил твою мать, но она... не любила меня. И через некоторое время она уехала... с твоим отцом. Только тогда я понял, как сильно любил ее. Весь мир, казалось, перестал существовать для меня... Но неважно... Долгие годы я был сердитым, раздражительным, неспособным любить и нелюбимым стариком — хотя мне еще нет и шестидесяти, Поллианна. А потом однажды ты ворвалась в мою жизнь и, как одна из этих хрустальных подвесок, которые ты так любишь, разбросала пурпурные, алые и золотые отблески своей лучистой радости в моем мрачном старческом мире. Спустя некоторое время я узнал, кто ты, и... и подумал тогда, что больше никогда не захочу тебя видеть. Я не хотел, чтобы что-либо напоминало мне о... твоей матери. Но... ты сама знаешь, как это вышло. Я просто должен был позвать тебя. И теперь ты нужна мне всегда. Поллианна, ты переедешь ко мне... теперь?

— Но, мистер Пендлетон, я... — Глаза Поллианны наполнились слезами. — Ведь есть тетя Полли!

Мужчина нетерпеливо махнул рукой:

— А что будет со мной? Как ты полагаешь, смогу я «радоваться» чему-нибудь без тебя? Только когда ты появилась в моей жизни, я начал ей радоваться! Но если ты станешь моей собственной маленькой дочкой, я буду рад... всему. И я постараюсь сделать счастливой и тебя, моя дорогая! У тебя не будет неисполненных желаний. Все мои деньги, до последнего цента, пойдут на то, чтобы сделать тебя счастливой.

Поллианна, казалось, была возмущена.

— Но, мистер Пендлетон, разве я согласилась бы, чтобы вы потратили на меня... все деньги, которые вы копили на язычников!

Слабый румянец окрасил лицо мужчины. Он хотел что-то сказать, но Поллианна продолжила:

— К тому же любому, у кого есть такая куча денег, как у вас, не нужна я, чтобы радоваться и быть счастливым. Вы делаете других такими счастливыми тем, что делаете им подарки! И уже поэтому не можете не радоваться сами! Только подумайте о хрустальных подвесках, которые вы подарили мне и миссис Сноу, или о золотой монетке, которую вы подарили на день рождения Ненси, или...

— Да, да... это все пустяки, — прервал ее мистер Пендлетон. Лицо его было в эту минуту очень красным, и, вероятно, тут нечему удивляться, ибо отнюдь не щедрыми подарками был известен Джон Пендлетон в городке прежде. — Все это глупости. Это было так редко... а что было, все — твоя заслуга! Ты дарила все это — не я! Да, ты, — повторил он в ответ на возмущенный протест, изобразившийся на ее лице. — И это только еще яснее показывает, как ты мне нужна, моя девочка, — добавил он; голос его смягчился до нежной просьбы. — Если когда-нибудь... когда-нибудь мне суждено играть в эту твою «радостную» игру, Поллианна, тебе придется поселиться здесь и играть со мной.

Печальная складка залегла на лбу Поллианны.

— Тетя Полли была так добра ко мне, — начала она, но мужчина прервал ее резко. Прежнее гневное выражение появилось на его лице. Деспотизм, не терпящий никакого сопротивления, слишком долго был частью натуры Джона Пендлетона, чтобы теперь его можно было легко усмирить.

— Конечно, она была добра к тебе! Но, ручаюсь, что она даже и вполовину так не хочет иметь тебя в своем доме, как я.

— Но, мистер Пендлетон, она рада; я знаю, что...

— Рада! — перебил мужчина, окончательно потеряв терпение. — Бьюсь об заклад, что мисс Полли вообще не знает, что такое радоваться! Она всегда только исполняет свой долг. Я знаю, она женщина долга. И я уже имел удовольствие испытать на себе, что значит этот ее долг. Я признаю, что мы были далеко не в лучших отношениях эти последние пятнадцать или двадцать лет. Но я знаю ее. Все знают ее... И она не такая женщина, чтобы «радоваться»! Она даже не знает, что это значит. Что же до того, чтобы ты перешла жить ко мне... только спроси ее — и посмотришь, будет ли она возражать!.. Ах, девочка моя, ты так мне нужна! — закончил

он сокрушенно.

Поллианна поднялась с места, глубоко вздохнув.

— Хорошо. Я спрошу ее, — сказала она печально. — Конечно, я не говорю, что не хотела бы жить с вами, мистер Пендлетон, но... — Она не договорила, а помолчав, добавила: — Ну, во всяком случае, я рада, что ничего не сказала ей вчера... потому что иначе она тоже захотела бы.

Джон Пендлетон мрачно усмехнулся:

— Да, Поллианна. Я тоже думаю так. Очень хорошо, что ты не сказала ей об этом вчера.

— Я никому не сказала... только доктору; но это, конечно, не в счет.

— Доктору! — воскликнул мистер Пендлетон, быстро обернувшись. — Не... доктору... Чилтону?

— Да, ему. Когда он пришел сегодня передать мне, что вы хотите меня видеть.

— Ну, из всех... — пробормотал мужчина, откинувшись на спинку кресла. Потом он снова выпрямился и спросил с неожиданным интересом: — И что же сказал доктор Чилтон?

Поллианна задумчиво сдвинула брови:

— Не помню. Ничего особенного, кажется. Ах да, он сказал, что хорошо понимает, почему вы хотите меня видеть.

— О, неужели? — проронил Джон Пендлетон. И Поллианна удивилась, почему он так загадочно рассмеялся при этих словах.

Глава 21. Ответ становится ясен

Небо быстро темнело, и казалось, что приближается гроза, когда Поллианна торопливо бежала вниз с холма, на котором стоял дом Джона Пендлетона. На полпути к своему дому она встретила Ненси с зонтиком в руке. Но к этому времени небо уже прояснилось, и дождь не казался неотвратимым.

— Похоже, тучи пройдут стороной, — объявила Ненси, критически оглядывая небо. — Так я и думала, но мисс Полли отправила меня с этим зонтом тебе навстречу. Она беспокоилась о тебе!

— Беспокоилась? — пробормотала Поллианна рассеянно, в свою очередь взглянув на облака.

Ненси хмыкнула.

— Ты, кажется, и не слышала, что я сказала, — заметила она обиженно. — Я сказала, что твоя тетка беспокоилась о тебе!

— Ох, — вздохнула Поллианна, вдруг вспомнив о том вопросе, который ей вскоре предстояло задать тетке. — Мне так жаль. Я не хотела ее напугать.

— А я рада! — неожиданно возразила Ненси. — Рада, рада!

Поллианна с удивлением уставилась на нее:

— Рада? Рада, что тетя Полли беспокоилась обо мне? Ненси, так нельзя играть в игру!.. Радоваться такому! — запротестовала она.

— И игры тут никакой нет, — снова возразила Ненси. — Я даже и не думала играть. Ты, похоже, не понимаешь, что это значит, если мисс Полли беспокоится о тебе!

— Ну, это значит, что она беспокоится, а это ужасно неприятное чувство! — настаивала Поллианна. — Что же еще это может значить?

Ненси упрямо тряхнула головой.

— А вот я скажу тебе, что это значит. Это значит, что в ней наконец-то пробудилось что-то человеческое и что она не просто без конца исполняет свой долг!

— Но, Ненси, — запротестовала возмущенная Поллианна, — тетя Полли всегда исполняет свой долг. Она... она женщина долга! — Поллианна, сама того не сознавая, повторила слова, произнесенные за полчаса до этого Джоном Пендлетоном. Ненси засмеялась:

— Ты права, такая она и есть... и всегда такой была, я думаю. Но с тех пор как ты приехала, она уже не та, что прежде.

Лицо Поллианны изменилось, она озабоченно нахмурилась.

— Вот о чем я хочу спросить тебя, Ненси, — вздохнула она. — Как ты думаешь, тетя Полли довольна, что я живу у нее? Было бы ей неприятно, если бы... если бы меня здесь больше не было?

Ненси бросила быстрый взгляд на задумчивое лицо девочки; она давно ждала этого вопроса и боялась его. Она часто спрашивала себя, как ответить на него, — какой ответ будет честным, но вместе с тем не ранит девочку слишком жестоко. Но теперь... теперь, перед лицом новых подозрений, которые превратились в уверенность после того, как мисс Полли отправила ее с зонтиком встречать Поллианну, Ненси даже обрадовалась этому вопросу. Она была уверена, что сегодня с чистой совестью может успокоить истосковавшееся по любви сердце девочки.

— Довольна ли она, что ты у нее живешь? Что она почувствовала бы, если бы тебя здесь не стало? — воскликнула Ненси негодуя. — Как будто не об этом я тебе и толкую! Разве она не велела мне мчаться с этим зонтиком тебе навстречу только потому, что увидела на небе маленькую тучку? Разве она не приказала мне отнести все твои вещи вниз, чтобы у тебя была красивая комната, какую тебе хотелось? А если вспомнить, как она сначала раздосадовалась из-за того... — Спohватившись как раз вовремя, Ненси закашлялась. — Не хочу совать нос не в свое дело, — торопливо продолжила она, с трудом хватая воздух. — Но вот хотя бы разные мелочи, которые показывают, как твое присутствие смягчило ее, сделало добрее: и котенок, и собака, и как она теперь говорит со мной, и... ох, масса всего! Трудно даже сказать, как ей не хватало бы тебя, если бы тебя здесь вдруг не стало, — заключила Ненси с жаром и убежденностью, которые имели целью надежнее скрыть чуть не вырвавшееся у нее опасное признание. Но даже теперь она была не совсем готова увидеть внезапно озарившую лицо Поллианны радость.

— О, Ненси! Я так рада... так рада! Ты даже не знаешь, как я рада, что нужна тете Полли!

«Разве я оставлю ее теперь! — думала Поллианна чуть позднее, поднимаясь по лестнице в свою комнату. — Я всегда знала, что хочу жить с тетей Полли, но я даже не представляла, как сильно я хочу, чтобы тетя Полли хотела жить со мной!»

Поллианна знала, что сообщить мистеру Пендлетону о принятом ею решении окажется нелегкой задачей, и боялась предстоящего разговора. Она очень любила его, и ей было его очень жаль из-за того, что он, казалось, так страдал. Ей было жаль, что долгие мрачные годы одинокой жизни сделали его таким несчастным; и она горевала, что причиной тому

была ее мать. Она думала о том, каким станет этот большой серый дом, когда его хозяин снова будет здоров: тихие, безмолвные комнаты, замусоренный пол, в беспорядке разбросанные по столу предметы, — и сердце ее разрывалось при мысли о безмерном одиночестве этого человека. Ей хотелось, чтобы где-нибудь можно было найти кого-нибудь, кто... И в этот момент она вскочила на ноги с радостным возгласом. В голову ей пришла чудесная мысль!

В первую же свободную минуту она побежала на Пендлетон-Хилл и вскоре очутилась в большой, тускло освещенной библиотеке рядом с мистером Пендлетоном. Его длинные изящные руки празднично лежали на ручках кресла, а верный маленький песик расположился у его ног.

— Ну, Поллианна, так ты будешь играть со мной в «радость» до конца моих дней? — спросил он ласково.

— О да! — воскликнула Поллианна. — Я придумала для вас самую радостную вещь на свете и...

— Для нас с тобой? — уточнил Джон Пендлетон, углы его рта чуть опустились.

— Н-нет, но...

— Поллианна, ты ведь не откажешь мне? — прервал он ее проникновенным голосом.

— Я... я не могу, мистер Пендлетон, честное слово. Тетя Полли...

— Отказалась... тебя... отпустить?!

— Я... я не спрашивала ее, — пробормотала Поллианна со страдальческим видом.

— Поллианна!

Девочка отвела глаза. Она не могла вынести обиженный, горький взгляд своего друга.

— Ты даже не спрашивала ее!

— Я не могла, сэр... честно, — запинаясь Поллианна. — Понимаете, я узнала об этом... не спрашивая. Тетя Полли хочет, чтобы я оставалась с ней, и... и я тоже хочу остаться, — призналась она храбро. — Вы даже не знаете, как добра она ко мне! И... и я думаю иногда, что она тоже начинает радоваться некоторым вещам... многим вещам. А вы же знаете, что она не радовалась прежде. Вы сами это говорили. О, мистер Пендлетон, я не могу оставить тетю Полли... теперь!

Последовала долгая пауза. Только потрескивание огня в камине нарушало тишину. Наконец мужчина заговорил.

— Да, Поллианна, я понимаю. Ты не можешь оставить ее... теперь. И я не буду больше об этом тебя просить. — Последнее слово прозвучало так

тихо, что было почти неслышным, но Поллианна расслышала.

— Ах, но вы не все еще знаете, — горячо напомнила она ему. — Есть самая радостная вещь на свете, какую вы можете сделать... честно, есть!

— Она не для меня, Поллианна.

— Именно для вас! Вы сами говорили. Вы сказали, что только... только женская рука и сердце или присутствие ребенка могут создать дом. И у меня оно для вас есть... это присутствие ребенка... не мое, понимаете, но другого...

— Как будто мне нужен кто-то, кроме тебя! — возразил рассерженный мужчина.

— Но вы захотите... когда все узнаете! Вы такой добрый и хороший! Стоит только подумать о хрустальных подвесках, золотых монетках, обо всех тех деньгах, которые вы копите на язычников.

— Поллианна! — прервал мужчина гневно. — Давай раз и навсегда покончим с этой глупостью! Я пытался сказать тебе об этом много раз! Нет никаких денег на язычников! В жизни не послал им ни единого цента! Вот!

Он вызывающе поднял голову и собрался с духом, чтобы встретить то, чего ожидал, — горькое разочарование в глазах Поллианны. Но, к его изумлению, в них не было ни горечи, ни разочарования, а только удивление и радость.

— Ах, ах! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Я так рада! То есть, — поправилась она, смущенно краснея, — я не хочу сказать, что мне не жаль язычников, просто я не могу не радоваться, что вам не нужны маленькие мальчики из Индии, потому что всем остальным нужны именно они. И я очень рада, потому что тогда вы охотно возьмете Джимми Бина. Я знаю, вы его возьмете!

— Возьму... кого?

— Джимми Бина. Он будет «присутствием ребенка», понимаете? И он будет этому рад. На прошлой неделе мне пришлось сказать ему, что даже дамы из моего благотворительного комитета не хотят его взять, и он был ужасно разочарован. Но теперь, когда он узнает... он так обрадуется!

— Он обрадуется? Ну а я — нет! — заявил мистер Пендлетон решительно. — Поллианна, это просто глупо!

— Вы хотите сказать, что не возьмете его?

— Именно это я и хочу сказать.

— Но это было бы замечательное «присутствие ребенка», — еле вымолвила Поллианна. Она чуть не плакала. — И вы не были бы одиноки... с Джимми.

— Не сомневаюсь, — ответил мужчина. — Но... я предпочитаю

одиночество.

Именно теперь Поллианна впервые за много недель неожиданно вспомнила о том, что когда-то сказала ей Ненси. Она сердито вздернула подбородок:

— Может быть, вы думаете, что милый живой мальчик не будет лучше, чем тот старый скелет, который вы держите в шкафу, но я думаю иначе!

— Скелет?

— Да! Ненси сказала, что вы держите его в шкафу.

— Что я... — Неожиданно мужчина откинул голову назад и расхохотался. Он смеялся от души, так сердечно и громко, что испуганная и недоумевающая Поллианна разразилась слезами. Заметив это, мистер Пендлетон быстро выпрямился в кресле. Лицо его сразу стало серьезным. — Поллианна, я думаю, ты права... даже больше, чем ты сама думаешь, — сказал он ласково. — Честно говоря, я знаю, что «милый живой мальчик» будет гораздо лучше, чем мой скелет в шкафу; только вот... не всегда мы согласны на замену. Порой мы предпочитаем цепляться за свои скелеты в шкафах, Поллианна... Но, может быть, ты расскажешь мне побольше об этом милом мальчике...

И Поллианна рассказала. Быть может, смех разрядил атмосферу, а быть может, волнующая история Джимми Бина, услышанная из горячих уст Поллианны, тронула уже непривычно смягчившееся сердце. Так или иначе, но в этот вечер Поллианна пошла домой, получив приглашение для Джимми посетить дом на Пендлетон-Хилл вместе с Поллианной в следующую субботу.

— О, я так рада! И я уверена, что он вам понравится, — вздохнула Поллианна, прощаясь. — Я так хочу, чтобы у Джимми был дом... и семья, которой не все равно, понимаете?

Глава 22. Проповеди и дровяные сараи

В тот самый день, когда Поллианна рассказала мистеру Пендлетону о Джимми Бине, в лесу на Пендлетон-Хилл прогуливался местный пастор — преподобный Пол Форд. Отправился он туда в надежде, что тишина и красота Божьей природы помогут ему преодолеть смятение, вызванное в его душе Божьими детьми.

У преподобного Пола Форда было тяжело на душе. Весь прошедший год от месяца к месяцу дела во вверенном ему приходе шли все хуже и хуже, пока не стало казаться, что теперь, куда ни обернешь, только ссоры, клевета, сплетни, зависть. Он то спорил, то уговаривал, то упрекал, то смотрел сквозь пальцы — и при этом, несмотря ни на что, молился, горячо и с надеждой. Но сегодня он с горечью был вынужден признать, что положение не улучшилось, а, скорее, стало еще хуже. Двое из его викариев были между собой на ножах из-за какой-то мелочи, которую бесконечные споры превратили с течением времени в настоящую проблему. Три самые энергичные и активные прихожанки вышли из дамского благотворительного комитета только потому, что крошечная искра сплетни была раздута болтливыми языками во всепожирающее пламя скандала. Церковный хор раскололся из-за споров о том, кому следует поручить исполнение сольной партии. Брожение началось даже в Обществе христианской взаимопомощи, в связи с открытой критикой в адрес двух членов его правления. Последней же каплей, переполнившей чашу терпения, стала отставка ректора и двух учителей воскресной школы, что и заставило измученного пастора искать успокоения в лесной тиши, предавшись молитвам и размышлениям.

Здесь, под зелеными сводами леса, преподобному Полу Форду яснее стала стоящая перед ним задача. По его мнению, наступил критический момент. Необходимо было что-то делать — и делать немедленно. Остановилась вся работа церкви. На воскресных богослужениях, совместных молитвах по будним дням, миссионерских чаепитиях, ужинах, вечеринках присутствовало все меньше прихожан. Правда, оставалось еще несколько человек, добросовестно трудившихся на благо церкви. Но и они действовали не слишком слаженно и к тому же всегда отдавали себе отчет в том, что вокруг них одни лишь критически наблюдающие глаза и языки, для которых нет лучшего занятия, чем говорить о том, что видели глаза.

И, видя все это, преподобный Пол Форд очень хорошо понимал, что и

он, слуга Божий, и церковь, и городок, и само христианство страдают от этого и будут страдать еще сильнее, если... Было ясно, что необходимо что-то сделать, и сделать сейчас же. Но что?

Пастор неторопливым движением извлек из кармана записи, которые он сделал, готовясь к предстоящей воскресной проповеди. Нахмурившись глядел он на них. Очертания его рта стали суровыми, когда вслух, очень выразительно он прочел слова из Библии, которые собирался положить в основу этой проповеди:

— Горе вам, учителя закона и фарисеи! Лицемеры! Вы закрываете от людей Небесное царство, и сами не входите в него, и не даете войти тем, кто хочет.

— Горе вам, учителя закона и фарисеи! Лицемеры! Вы отнимаете дома у вдов и в то же время произносите напоказ свои длинные молитвы. За это вы будете строго наказаны.

— Горе вам, учителя закона и фарисеи! Лицемеры! Вы приносите десятую часть с урожая мяты, укропа и тмина, а о самом важном в законе — о справедливости, милости и верности вы забыли. Надо делать одно, не забывая другого.

Это было полное горечи обличение. Под зелеными сводами леса глубокий голос пастора звучал язвительно и уничтожающе. Даже птицы и белки, казалось, притихли, словно охваченные благоговейным страхом. И пастор ярко представил себе, как зазвучат эти слова в следующее воскресенье, когда он будет произносить их в святой тишине церкви перед своими прихожанами.

Прихожане! Это были его дети. Мог ли он сказать им такое? Осмелится ли он сказать это? Осмелится ли он не сказать этого?! Эти обличительные слова вызвали ужас даже и без его собственного толкования, которым он собирался сопроводить их. Он молился и молился. Он горячо просил о помощи, о руководстве. Он страстно желал — о, как сильно и страстно желал он! — найти сейчас, в этот кризисный момент, правильный путь. Но был ли путь, который он избрал, правильным?

Пастор неторопливо свернул свои бумаги и засунул их обратно в карман, а потом со вздохом, похожим на стон, опустился на траву у подножия дерева и закрыл лицо руками.

Там и увидела его Поллианна, возвращавшаяся домой от мистера Пендлетона. Вскрикнув, она бросилась к нему.

— О, о, мистер Форд! Вы не сломали ногу... или что-нибудь другое, нет? — взволнованно спросила она.

Пастор отнял руки от лица, быстро поднял голову и попытался

улыбнуться:

— Нет, дорогая, нет! Я просто... отдыхаю.

— О! — с облегчением вздохнула Поллианна, отступая на шаг. — Тогда все в порядке. Понимаете, когда я нашла мистера Пендлетона, у него была сломана нога... Но он, правда, лежал. А вы сидите.

— Да, я сижу; и у меня ничто не сломано и не разбито, ничто... что могли бы вылечить доктора.

Последние слова прозвучали очень тихо, но Поллианна расслышала их. Что-то быстро промелькнуло в ее лице, и глаза зажглись живым сочувствием.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Что-то вас мучает. С папой это бывало... много раз. Я думаю, так бывает со священниками... часто. На них, понимаете, возложена такая большая ответственность.

Преподобный Пол Форд взглянул на нее с чуть заметным удивлением.

— Твой отец был пастором?

— Да, сэр. Вы не знали? Я думала, все знают. Он женился на сестре тети Полли, то есть на моей маме.

— Понимаю. Но, видишь ли, я здесь пастором всего несколько лет и не знаю истории всех семейств.

— Да, конечно, сэр... то есть, конечно, нет, — улыбнулась Поллианна.

Наступила томительная пауза. Пастор, по-прежнему сидевший у подножия дерева, казалось, забыл о присутствии Поллианны. Он вытащил из кармана свои бумаги, но не смотрел на них. Вместо этого он вглядывался в лист, лежавший на земле, и это даже не был красивый лист. Он был бурый и сухой. Поллианна, глядя на пастора, ощущала неясную жалость и сочувствие к этому человеку.

— Сегодня... такой хороший день, — начала она с надеждой.

Последовало молчание. Потом пастор, вздрогнув, поднял глаза.

— Что?.. Ах, да, очень хороший день.

— И совсем не холодно, хоть и октябрь, — заметила Поллианна с еще большей надеждой. — У мистера Пендлетона уже топят камин, но это не для тепла. Просто чтобы смотреть. Я люблю смотреть на огонь, а вы?

Ответа на этот вопрос так и не последовало, хотя Поллианна терпеливо ждала, прежде чем попробовать еще раз, но уже на другую тему.

— Вам нравится быть пастором?

На этот раз преподобный Пол Форд мгновенно поднял на нее взгляд.

— Нравится ли... Какой странный вопрос! А почему ты спрашиваешь об этом, моя дорогая?

— Просто так... Просто вы так выглядите... И я вспомнила папу. Он

тоже так выглядел... иногда.

— Неужели? — Голос пастора звучал любезно, но глаза его снова обратились к увядшему листу.

— Да. И тогда я спрашивала его, так же как вас сейчас, рад ли он тому, что он пастор.

Мужчина под деревом улыбнулся чуть печально:

— Ну... и что же он отвечал?

— О, он всегда говорил, что, конечно, рад, но почти всегда он также добавлял, что не остался бы пастором ни минуты, если бы не «радующие тексты».

— Если бы не... что? — Преподобный Пол Форд оторвал взгляд от листа и с удивлением остановил его на оживленном лице Поллианны.

— Это папа их так назвал. — Она засмеялась. — Конечно, Библия их так не называет. Но это все те тексты в Библии, которые начинаются словами «радуйтесь в Господе», «возрадуйтесь, праведные», «возопите от радости» и все такое, понимаете? Их так много! Однажды, когда папе было особенно тяжело, он пересчитал их. Их оказалось восемьсот.

— Восемьсот!

— Да, таких, которые велят нам радоваться и веселиться, понимаете? Вот почему он назвал их «радующими».

— О! — На лице пастора было странное выражение. Взгляд его упал на первые слова проповеди, листки с текстом которой он держал в руке: «Горе вам...» — И твой папа... любил эти «радующие тексты»? — пробормотал он.

— Очень, — кивнула Поллианна выразительно. — Он говорил, что сразу почувствовал облегчение, в тот самый день, когда решил их пересчитать. Он говорил, что если Бог взял на себя труд целых восемьсот раз повелеть нам радоваться и веселиться, то Он, без сомнения, хочет, чтобы мы делали это... хоть чуть-чуть. И папе стало стыдно из-за того, что он так редко радовался. А потом эти тексты стали для него таким утешением во всех неприятностях — когда дела шли плохо, когда дамы из благотворительного комитета ругались между собой... то есть когда они в чем-то не соглашались, — поправилась она торопливо. — Вот из-за этих текстов папа и придумал игру. Он начал со мной с тех костылей. Но он говорил, что именно «радующие тексты» навели его на эту мысль.

— А что за игра? — спросил пастор.

— Чтобы во всем находить что-то такое, чему можно радоваться. И как я уже сказала, мы начали с костылей. — И в очередной раз Поллианна рассказала свою историю; теперь ее слушал человек с кротким и

понимающим взглядом.

А чуть позднее Поллианна и пастор рука об руку спустились с холма. Лицо Поллианны светилось радостью. Она любила поговорить и теперь не умолкала — казалось, было так много, много всего, о чем нужно было рассказать: об игре, об отце, о прежней жизни на западе, и пастор хотел знать обо всем. У подножия холма их пути разошлись; каждый пошел своей дорогой.

В тот же вечер преподобный Пол Форд сидел в задумчивости в своем кабинете. Перед ним на столе лежали разрозненные листки бумаги — подготовительные записи для будущей проповеди, а зажатый в пальцах карандаш остановился над другими листами бумаги, чистыми, ожидающими нового текста. Но пастор не думал ни о том, что он написал прежде, ни о том, что он собирался написать теперь. В воображении он был далеко — в маленьком городке на западе вместе с тем, другим, священником-миссионером, который был беден, болен, поглощен заботами и почти совсем одинок в мире, но который вчитывался в Библию, чтобы найти, сколько раз его Бог и Господь повелел ему радоваться и веселиться.

Спустя некоторое время преподобный Пол Форд очнулся от этих мыслей и поправил листы бумаги, лежавшие под рукой. «Евангелие от Матфея, глава 23, стихи 13–14 и 23», — написал он, потом с досадой отбросил карандаш и придвинул к себе журнал, за несколько минут до этого оставленный на столе его женой. Вяло и равнодушно пробежал он глазами абзац за абзацем, пока следующие слова не приковали его внимание:

«Однажды отец, зная, что сын его с утра отказался наколоть дров для матери, сказал ему:

— Том, я уверен, ты с радостью пойдешь и наколешь дров для матери.

И Том без слов пошел колоть дрова. Почему? Просто потому, что отец так ясно дал понять, что ожидает от него правильного поступка. Предположим, что отец сказал бы:

— Том, я слышал, что ты отказался наколоть дров для матери сегодня утром. Мне стыдно за тебя. Пойди сейчас же и сделай это!

Смею думать, что он так и не дождался бы дров от Тома».

Пастор продолжал рассеянно читать и наткнулся на следующий абзац:

«В чем прежде всего нуждаются мужчины и женщины, так это в поощрении. Их врожденную душевную стойкость нужно укреплять, а не ослаблять... Вместо того чтобы непрерывно твердить человеку о его недостатках, говорите ему о его достоинствах. Постарайтесь вытащить его из колеи дурных привычек. Поддержите его лучшее „я“, его настоящее „я“,

которое может собраться с духом, чтобы действовать и побеждать! Пример человека прекрасного, отзывчивого, исполненного надежд может увлечь окружающих и преобразить их жизнь. Люди излучают то, чем полны их умы и сердца. Если человек настроен благожелательно, если он любезен, его соседи вскоре станут такими же. Но если он смотрит волком, вечно ворчит и осуждает других, его соседи отплатят ему тем же, и притом вдвойне!.. Когда вы ищете в других чего-то дурного, ожидаете его, вы его и получите. Но если вы уверены, что найдете доброе, вы получите это доброе... Скажите вашему сыну Тому, что вы знаете, как приятно будет ему наколоть дров, и вы увидите, что он сделает это быстро и заинтересованно!»

Пастор отложил журнал и поднял голову. Минуту спустя он встал и заходил взад и вперед по узкой комнате, потом глубоко вздохнул и снова опустился на стул перед своим письменным столом.

— С Божьей помощью я сделаю это! — воскликнул он негромко. — Я скажу всем моим прихожанам, моим сыновьям и дочерям, что я знаю — они будут рады наколоть дров! Я дам им радостное сознание исполненной работы, и им будет некогда смотреть, сколько дров накололи их соседи!

И он схватил листы с первоначальным текстом проповеди, разорвал их и отшвырнул от себя так, что с одной стороны от его стула лежало «Горе вам», а с другой — «учителя закона и фарисеи!», а его карандаш быстро забегал по гладкой белой бумаге...

Проповедь преподобного Пола Форда, произнесенная им в следующее воскресенье, стала подлинным призывом и обращением ко всему лучшему, что было в каждом мужчине, женщине, ребенке, которые слушали его, а в основу этой проповеди лег один из восьмисот «радующих текстов» Библии: «Веселитесь в Боге и радуйтесь, праведные, и возопите от радости все, кто чисты сердцем».

Глава 23. Несчастный случай

О однажды по просьбе миссис Сноу Поллианна зашла в приемную кабинета доктора Чилтона, чтобы узнать название какого-то лекарства, которое миссис Сноу забыла. Случилось так, что никогда прежде Поллианна не была у доктора Чилтона.

— Я, кажется, впервые у вас дома? Это ваш дом, да? — спросила она, с интересом оглядываясь вокруг.

Доктор невесело улыбнулся.

— Да... так и есть, — ответил он, дописывая что-то на листке бумаги, — но это всего лишь жалкое подобие родного дома, Поллианна. Это просто комнаты, и ничего больше. Нет, это не дом.

Поллианна понимающе кивнула. Глаза ее светились сочувствием.

— Я знаю. Чтобы создать дом, нужны женская рука и сердце или присутствие ребенка, — сказала она.

— Что? — Доктор круто обернулся к ней.

— Это мистер Пендлетон мне сказал, — опять кивнула Поллианна, — о женской руке и сердце или присутствии ребенка. А почему вы не найдете себе женской руки и сердца, доктор? Или, может быть, вы возьмете Джимми Бина, если мистер Пендлетон не захочет?

Доктор Чилтон принужденно рассмеялся.

— Значит, мистер Пендлетон говорит, что не может быть дома без женской руки и сердца, да? — переспросил он уклончиво.

— Да. Он говорит, что у него тоже нет дома. Так почему же вы не хотите, доктор Чилтон?

— Не хочу? Чего? — Доктор опять повернулся к письменному столу.

— Найти женскую руку и сердце. О... я забыла! — Поллианна смущенно покраснела. — Я, наверное, должна была вам об этом сказать. Это совсем не тетю Полли любил мистер Пендлетон много лет назад, и поэтому мы... мы не переезжаем к нему. Я говорила вам, что мы переедем... но я ошиблась. Я надеюсь, вы никому не рассказали, — заключила она с тревогой.

— Нет... Я никому не рассказывал, — ответил доктор каким-то странным тоном.

— О, тогда все в порядке, — с облегчением вздохнула Поллианна. — Понимаете, я только вам об этом сказала... Мне показалось, что у мистера Пендлетона сделалось какое-то смешное лицо, когда он узнал, что я все

сказала вам.

— Неужели? — Губы доктора дрогнули в улыбке.

— Да. И конечно, он не хотел бы, я думаю, чтобы люди узнали об этом... раз это неправда. Но почему вы не нашли женской руки и сердца, доктор Чилтон?

Последовало минутное молчание, а потом, очень серьезно, доктор сказал:

— Их не всегда можно получить... попросив о них, моя девочка.

Поллианна задумчиво нахмурилась.

— Но мне кажется, что вы могли бы их получить, — возразила она. В словах ее явно звучал лестный оттенок.

— Спасибо, — засмеялся доктор, подняв брови, потом добавил с прежней серьезностью: — Боюсь, некоторые из тех, что постарше тебя, были бы несколько... иного мнения. По крайней мере, они не оказались так... любезны, — заметил он.

Поллианна опять нахмурилась. Потом глаза ее широко раскрылись от удивления:

— О, доктор Чилтон, не хотите же вы сказать... Вы пытались получить чью-то руку и сердце, как мистер Пендлетон, и... и не смогли, да?

Доктор несколько резко поднялся на ноги.

— Ну-ну, Поллианна, не будем об этом... Зачем тебе обременять себя чужими заботами? Беги-ка скорее к миссис Сноу. Я написал название лекарства и как его принимать. Ей было нужно что-нибудь еще?

Поллианна отрицательно покачала головой.

— Нет, сэр, спасибо, — пробормотала она печально, направляясь к двери. Выйдя в маленькую переднюю, она вдруг обернулась и воскликнула, просяив:

— Во всяком случае, я рада, что это не руки и сердца моей мамы вы хотели и не смогли получить! До свидания, доктор!..

Несчастье случилось в последний день октября. Поллианна, спешившая домой из школы, пересекала улицу, казалось бы, на безопасном расстоянии от быстро приближавшегося автомобиля.

Впоследствии никто не мог точно сказать, что именно произошло. Не нашлось никого, кто мог бы объяснить, почему это случилось или кто был виноват. Однако в пятом часу Поллианну принесли в ее комнату, которую она так любила. Тело ее казалось обмякшим и безвольным, она была без сознания. Бледная от ужаса тетя Полли и плачущая Ненси осторожно раздели ее и положили в постель, в то время как из города так быстро, как только позволял ему его автомобиль, мчался срочно вызванный по

телефону доктор Уоррен.

— И не нужно было даже глядеть на лицо ее тетки, — всхлипывала Ненси, беседа в саду со Старым Томом, когда доктор уже приехал и в абсолютной тишине приступил к обследованию пострадавшей, — и без того было ясно, что это совсем не долг грызет ее. Если человек просто исполняет свой долг, то руки у него не дрожат и взгляд не такой, словно он пытается отвести от постели самого ангела смерти. Нет, мистер Том, взгляд у него не такой!

— Она сильно... пострадала? — Голос старика задрожал.

— Трудно сказать, — продолжала всхлипывать Ненси. — Она лежит такая бледная и неподвижная, что ее можно принять за мертвую. Но мисс Полли сказала, что она жива, а кому же лучше знать, как не ей: она слушала и дыхание, и как сердце бьется.

— И никто не знает, что ей сделал этот... этот... — Лицо Старого Тома судорожно подергивалось.

Ненси чуть выпятила губы:

— Эх, хотела бы я, чтобы вы его назвали, мистер Том, каким-нибудь подходящим словом... да покрепче. Чтоб ему провалиться! Подумать только — наехать на нашу девочку! Я всегда ненавидела эти вонючие автомобили... всегда, всегда!

— А что у нее поранено?

— Не знаю, не знаю, — стонала Ненси. — Только на лобике порез, но не очень большой... и он не опасный, как мисс Полли говорит. Но она боится, что есть внутреннее повреждение, и говорит, что Поллианна лежит комом.

Насмешливая искорка промелькнула в глазах Старого Тома.

— Не похоже, Ненси, чтобы мисс Полли вдруг так выразилась. Я думаю, она сказала «лежит в коме», — заметил он серьезно.

— Что? Ну, не знаю, не знаю, — простонала Ненси и, покачав головой, повернулась, чтобы уйти. — Прямо не могу дождаться, когда этот доктор выйдет. Ох, жаль, что нет у меня большой стирки... самой большой в жизни, жаль, жаль! — причитала она, беспомощно ломая руки.

Но даже после ухода доктора Ненси мало что могла сообщить Старому Тому. Ни одна кость сломана не была, рана на голове оказалась поверхностной, но у доктора было очень серьезное выражение лица, он тихо покачал головой и сказал, что только время покажет. После его отъезда мисс Полли казалась еще более бледной и удрученной. Поллианна по-прежнему была без сознания, но теперь как будто спала, так спокойно, как только можно было желать. Из города была вызвана профессиональная

сиделка, и ее прибытие ожидалось в тот же вечер. Это были все новости. И Ненси, рыдая, отвернулась и снова ушла в кухню.

Только на следующее утро Поллианна открыла глаза и поняла, где она находится.

— Тетя Полли, что случилось? Уже день? Почему я не встаю? — воскликнула она. — Но, тетя Полли, мне не встать! — И она застонала, снова падая на подушку после безуспешной попытки подняться.

— Нет, нет, дорогая, не пытайся... пока, — успокаивала ее тетка, торопливо, но очень тихо.

— Но что случилось? Почему я не могу встать?

Мисс Полли со страдальческим видом вопросительно взглянула на молодую женщину в белом чепчике, стоящую у окна, там, где ее не видела с кровати Поллианна. Та кивнула и ответила почти беззвучно, одними губами:.. — Скажите ей.

Тетя Полли откашлялась, пытаясь проглотить комок, стоявший в горле и мешавший ей говорить.

— Вчера вечером тебя сбил автомобиль. Но теперь уже все позади, дорогая. Лежи спокойно и постарайся уснуть.

— Автомобиль? Ах, да... я... я бежала. — Поллианна казалась ошеломленной. Она поднесла руку ко лбу. — Но, как это... все позади, а... болит!

— Да, дорогая, но не обращай внимания. Только... лежи спокойно.

— Но, тетя Полли, я чувствую себя так странно и так плохо! У меня такие странные ноги... Я их совсем не чувствую!

Бросив умоляющий взгляд на сиделку, мисс Полли с трудом поднялась и отошла в глубину комнаты. Сиделка быстро приблизилась к постели.

— Может быть, ты позволишь вмешаться мне, — начала она самым безмятежным тоном. — Я уверена, что нам пора познакомиться, и сейчас я представлюсь. Меня зовут мисс Хант, и я буду помогать твоей тете ухаживать за тобой. И самое первое, о чем я хочу тебя попросить, — проглотить эти маленькие белые таблетки.

В глазах Поллианны изобразилось отчаяние:

— Но я не хочу, чтобы за мной ухаживали... то есть всегда! Я хочу встать. Вы же знаете, я хожу в школу. Разве я не пойду завтра в школу?

От окна, где стояла теперь тетя Полли, слышалось приглушенное рыдание.

— Завтра? — с живостью улыбнулась сиделка. — Так скоро я не могу тебе этого позволить. Но только проглоти эти таблетки, и мы посмотрим, не помогут ли нам они.

— Хорошо, — согласилась Поллианна неохотно, — но я должна пойти в школу послезавтра. Понимаете, у меня экзамены.

Минуту спустя она заговорила опять — о школе, об автомобиле, о том, как болит у нее голова. Но очень скоро голос ее начал замирать под благотворным воздействием маленьких белых таблеток, которые она проглотила.

Глава 24. Джон Пендлетон

Поллианна не пошла в школу ни «завтра», ни «послезавтра». Впрочем, сама она отдавала себе в этом отчет лишь в те короткие минуты, когда полностью приходила в сознание, и тогда настойчивые вопросы поднимались к ее устам. В течение целой недели она была не в состоянии ничего осознать ясно. Но потом температура спала, боль немного утихла, и к Поллианне вернулось наконец ясное сознание. Тогда пришлось снова рассказать ей, что с ней случилось.

— Значит, это травма, а не болезнь, — вздохнула она наконец. — О, я очень рада.

— Р-рада, Поллианна? — переспросила тетка, сидевшая у ее постели.

— Да. Уж лучше иметь сломанные ноги, как у мистера Пендлетона, чем быть неизлечимо больной, как миссис Сноу. Сломанные ноги срастаются, а болезнь может оказаться неизлечимой.

Мисс Полли, которая даже и не упоминала о сломанных ногах, неожиданно поднялась со стула и подошла к маленькому туалетному столику в другом конце комнаты. Она поднимала с него один предмет за другим и ставила их назад, делая это без всякой видимой цели, что было совершенно не свойственно обычно решительной и целеустремленной мисс Полли. Но лицо ее, Впрочем, не было рассеянным, оно было искаженным и бледным.

Поллианна лежала, глядя на танцующие на потолке цветные отблески, которые отбрасывали висевшие на окне хрустальные подвески.

— Я рада, что у меня не оспа, — пробормотала она удовлетворенно. — Это было бы похуже, чем веснушки! И я рада, что это не коклюш. У меня он был однажды: отвратительная болезнь. И я рада, что это не аппендицит и не корь, потому что они заразные... то есть корь, я хочу сказать... и ты не могла бы сидеть со мной.

— Ты, кажется, очень многому рада, дорогая, — дрожащим голосом вымолвила тетя Полли, приложив руку к горлу, как будто ее душил воротничок платья.

Поллианна негромко рассмеялась:

— Да. Я думала обо всем этом, пока смотрела на мою радугу. Я люблю радугу. Я так рада, что мистер Пендлетон подарил мне эти подвески! И я рада многому другому, о чем еще не успела сказать. Не знаю точно, но, пожалуй, я больше всего рада, что меня сбил автомобиль.

— Поллианна!

Девочка опять мягко рассмеялась и обратила сияющие глаза на тетку.

— Понимаешь, с тех пор как он меня сбил, ты много раз назвала меня «дорогая», а прежде ты так не говорила. Я люблю, чтобы меня так называли... близкие люди, я хочу сказать... Некоторые дамы из комитета так меня называли, и, конечно, это было очень приятно, но не так приятно, как если бы они были моими близкими, как ты. О, тетя Полли, я так рада, что ты моя!

Тетя Полли не ответила. Рука ее опять была у горла, а глаза наполнились слезами. Она отвернулась и торопливо вышла из комнаты, столкнувшись в дверях с сиделкой.

В тот же день после обеда к Старому Тому, чистившему упряжь в конюшне, прибежала Ненси. Глаза ее были почти безумными.

— Мистер Том, мистер Том, угадajte, что случилось! — Она судорожно втягивала воздух. — Хоть тысячу лет гадать будете — не угадаете, не угадаете!

— Тогда и пытаться не стоит, — ответил тот мрачно. — Особенно если учесть, что я больше десятка протянуть не рассчитываю. Так что говори сразу, Ненси.

— Тогда слушайте. Как вы думаете, кто сидит сейчас в гостиной с хозяйкой? Ну, кто, я спрашиваю?

Старый Том покачал головой: — Понятия не имею...

— И не можете иметь! Я скажу. Там... мистер Джон Пендлетон!

— Не может быть! Шутишь!

— Ничуть! Я сама ему открыла; он пришел на костылях! И упряжка, на которой он приехал, ждет его в эту минуту перед домом. Как будто он вовсе и не тот злой старый нелюдим, который никогда ни с кем словом не перемолвился! Только подумайте, мистер Том, да чтобы он пришел к ней!

— А почему бы и нет? — спросил старик чуть вызывающе.

Ненси бросила на него насмешливый взгляд.

— Уж будто вам это не известно лучше, чем мне! — заметила она язвительно.

— Что-о?

— Да ну, не прикидывайтесь простачком, — заметила она с насмешкой и раздражением. — Сами же вы заморочили мне голову своими намеками!

— Что ты хочешь сказать?

Ненси бросила взгляд на дом через распахнутую дверь конюшни и шагнула чуть ближе к старику.

— Слушайте! Это вы сказали мне, что у мисс Полли когда-то был

жених, так ведь? Ну и вот, однажды я решила, что сумею сложить два и два и выйдет четыре. А оказалось, что это пять, а не четыре, не четыре!

С равнодушной миной Старый Том отвернулся и снова принялся за работу.

— Если хочешь мне что-то сказать, так говори вразумительно, — заявил он с досадой. — Что я тут буду считать с тобой на пальцах!

Ненси засмеялась.

— Короче говоря, я слышала кое-что, что заставило меня думать, будто это именно он был ее женихом! — объяснила она.

— Мистер Пендлетон?! — Старый Том выпрямился.

— Да. О, теперь-то я знаю, что это был не он. Он любил мать нашей милой девочки, и вот почему он хотел... ну да ладно, — добавила Ненси торопливо, вовремя вспомнив, что обещала Поллианне никому не рассказывать о желании мистера Пендлетона забрать ее к себе. — Вот с тех пор я и спрашивала людей о нем и узнала, что они с мисс Полли много лет сторонятся друг друга и что она терпеть его не может из-за глупой сплетни, которая связала вместе их имена, когда ей было лет восемнадцать или двадцать.

— Да, я помню, — кивнул Старый Том. — Это было три или четыре года спустя после того, как мисс Дженни ему отказала и уехала с другим. Мисс Полли об этом знала и, конечно, жалела его. И она хотела его утешить. Может быть, она немножечко перестаралась — она ненавидела этого пастора, который увел у нее сестру. Так или иначе, а кто-то пустил сплетню. Болтали, будто она бежит за ним.

— Чтобы она да за кем-то бегала! — вставила Ненси.

— Мне-то можешь этого не говорить, но люди болтали, — продолжил старик. — А такого ни одна девушка, будь у нее хоть немного гордости, не вынесет. К этому времени появился тот, другой, который влюбился в нее, и начались неприятности и с ним. После этого она замкнулась в себе, словно устрица, и уже знать никого не хотела. Сердце у нее, казалось, окаменело.

— Да, я знаю. Слыхала об этом. Потому-то я чуть не упала, когда увидела его возле двери, — его, с кем она столько лет и говорить не желала. Но я провела его в гостиную и доложила о нем.

— А она что? — Старый Том затаил дыхание.

— Ничего... сначала. Она сидела так неподвижно, что я подумала, она не слышала. Я уже собиралась повторить, когда она вдруг сказала тихо: «Передай мистеру Пендлетону, что я сейчас спущусь». И я пошла и ему это передала. А потом бегом сюда, чтобы вам рассказать, — заключила Ненси, опять бросая через плечо взгляд в сторону дома.

— Хм! — проворчал Старый Том и снова принялся за работу.

Мистеру Джону Пендлетону не пришлось долго ждать в парадной гостиной дома Харрингтонов. Звук быстрых шагов предупредил его о приближении мисс Полли. Он хотел было подняться и уже взялся за костыли, но она жестом удержала его. Однако она не подала ему руки, а лицо ее выражало холодную сдержанность.

— Я пришел спросить о... Поллианне, — начал он сразу, чуть отрывисто.

— Спасибо. Она в том же состоянии.

— И... вы не хотите сказать мне, что с ней? — На этот раз в голосе его звучало беспокойство.

Быстрая судорога боли прошла по лицу женщины.

— Я не могу... Если бы я могла!

— Вы хотите сказать... вы не знаете?

— Не знаю.

— А... доктор?

— Доктор Уоррен сам, кажется, в растерянности. Он обратился сейчас за консультацией к специалисту из Нью-Йорка. Они должны собрать консилиум.

— Но... но какие травмы у нее, вам известно?

— Небольшая рана на голове, один или два синяка и... повреждение позвоночника, которое, похоже, вызвало паралич ног.

Мистер Пендлетон приглушенно вскрикнул. Последовало непродолжительное молчание, потом он спросил хриплым голосом:

— А Поллианна... как она приняла это?

— Она не знает, а я не в силах сказать ей.

— Но она должна догадываться... о чем-то!

Мисс Полли жестом, который стал привычным для нее в последнее время, поднесла руку к горлу.

— Да. Она знает, что не может двигаться, но думает, что у нее сломаны ноги. Она говорит, что рада этому, потому что предпочитает сломать ноги, как вы, но не быть больной, как миссис Сноу, — ведь сломанные ноги срастаются, а «неизлечимые болезни» остаются! Она говорит об этом все время, и мне кажется, что я... больше не выдержу!

Хотя слезы затуманивали ему глаза, мужчина увидел перед собой искаженное страданием, подергивающееся лицо. Невольно он вернулся мыслями к тому, что сказала ему Поллианна, когда он в последний раз просил ее переехать к нему: «Я не могу оставить тетю Полли... теперь!» Именно это воспоминание заставило его, как только он сумел овладеть

своим голосом, спросить очень мягко:

— Не знаю, известно ли вам, мисс Харрингтон, как я старался уговорить Поллианну перейти жить ко мне.

— К вам!.. Поллианну!

Мужчина чуть поморщился от ее тона, но его собственный голос, когда он заговорил опять, звучал холодно и сдержанно:

— Да, я хотел удочерить ее — юридически, вы понимаете. И разумеется, сделать ее моей наследницей.

Мисс Полли, сидевшая напротив него, чуть смягчилась. Ей неожиданно пришло в голову, какое блестящее будущее это означало бы для Поллианны. И она задумалась, была ли Поллианна достаточно взрослой — и достаточно корыстной, — чтобы соблазниться деньгами и положением этого человека.

— Я очень люблю Поллианну, — продолжал мужчина. — Я люблю ее и из-за нее самой, и из-за ее матери. Я был готов дать Поллианне любовь, которую хранил в сердце двадцать пять лет.

«Любовь». Мисс Полли вдруг вспомнила, почему она сама взяла этого ребенка, и это воспоминание оживило в ее памяти и те слова Поллианны, которые она слышала сегодня утром: «Я люблю, чтобы меня называли „дорогая“ близкие люди!» И этой истосковавшейся по любви девочке была предложена любовь, не угасшая за двадцать пять лет. А ведь Поллианна была достаточно большой, чтобы поддаться такому искушению! С упавшим сердцем мисс Полли осознала это. С упавшим сердцем осознала она и другое — каким мрачным будет ее собственное будущее без Поллианны.

— Ну и?.. — спросила она.

Мистер Пендлетон, почувствовав, как трудно было ей владеть своим голосом, печально улыбнулся.

— Она отказалась, — ответил он.

— Почему?

— Она не хочет покинуть вас. Она сказала, что вы были так добры к ней, и хочет остаться с вами. Ей кажется, что вы тоже хотите, чтобы она осталась, — закончил он, поднимаясь со стула.

Он не взглянул на мисс Полли и решительно повернулся лицом к двери, но в следующее мгновение услышал рядом торопливые шаги и увидел поданную ему дрожащую руку.

— После визита специалиста, когда будет известно что-то определенное о Поллианне, я дам вам знать, — сказал дрожащий голос. — До свидания, и спасибо, что вы пришли. Поллианна будет... рада.

Глава 25. Игра в ожидание

На следующий день после того, как Джон Пендлетон посетил дом Харрингтонов, мисс Полли решила подготовить Поллианну к визиту врача-специалиста.

— Поллианна, дорогая, — начала она осторожно, — мы решили пригласить еще одного доктора осмотреть тебя. Может быть, этот другой доктор посоветует нам что-нибудь новое... чтобы ты скорее поправлялась.

Лицо Поллианны осветилось радостью:

— Доктора Чилтона? О, тетя Полли, мне так хочется, чтобы пришел доктор Чилтон! Я все время этого хотела, но боялась, что ты не согласишься, из-за того что он видел тебя тогда на веранде, помнишь? Поэтому я молчала. Но теперь я так рада, что и ты хочешь его позвать!

Мисс Полли побледнела, потом покраснела, потом снова побледнела. Но, когда она заговорила, чувствовалось, что она пытается говорить легко и безмятежно:

— О, нет, дорогая! Я имела в виду совсем не доктора Чилтона. Это будет новый доктор — знаменитый доктор из Нью-Йорка, который много знает о... о таких травмах, как твоя.

У Поллианны вытянулось лицо:

— Я не верю, что он знает и половину того, что знает доктор Чилтон.

— Ты ошибаешься, дорогая, я уверена.

— Но именно доктор Чилтон лечил сломанную ногу мистера Пендлетона, тетя Полли! Если... если ты не очень возражаешь, я хотела бы, чтобы пришел доктор Чилтон... правда, я очень хотела бы!

Мучительно-жаркий румянец залил лицо мисс Полли. Минуту она молчала, потом сказала ласково, хотя и с оттенком своей прежней суровой решительности:

— Но я возражаю, Поллианна, и притом очень. Я сделаю что угодно... почти что угодно для тебя, моя дорогая. Но по причинам, о которых я не желаю сейчас говорить, я не намерена приглашать доктора Чилтона в данном случае. И поверь мне, он не может знать так много о... о твоей травме, сколько знает этот знаменитый доктор, который завтра приедет из Нью-Йорка.

Но Поллианна все еще не была убеждена:

— Но, тетя Полли, ведь если бы ты любила доктора Чилтона...

— Что? — Голос тети Полли был теперь очень резким, а щеки очень

красными.

— Я говорю, что если бы ты любила доктора Чилтона, как я, и не любила этого, другого, доктора, — вздохнула Поллианна, — мне кажется, была бы некоторая разница между тем, что может сделать он, а что — доктор Чилтон.

В этот момент в комнату вошла сиделка, и тетя Полли быстро поднялась на ноги с выражением облегчения на лице.

— Мне очень жаль, Поллианна, — сказала она холодно, — но, боюсь, на этот раз тебе придется позволить мне решать, что делать. Кроме того, все уже устроено, и доктор из Нью-Йорка приезжает завтра.

Однако случилось так, что нью-йоркский доктор не приехал «завтра». В последний момент пришла телеграмма, в которой сообщалось о неизбежной отсрочке визита, вызванной неожиданной болезнью самого специалиста. Это позволило Поллианне возобновить просьбы о замене его доктором Чилтоном: «...что было бы так легко, ты ведь знаешь».

Но, как и прежде, мисс Полли отрицательно покачала головой и сказала: «Нет, дорогая» — очень решительно, но добавив к этому еще более заботливые уверения, что она сделает что угодно — «что угодно, кроме этого», — чтобы доставить удовольствие своей дорогой Поллианне.

Дни ожидания проходили один за другим, и действительно казалось, что мисс Полли делала все («кроме этого»), чтобы обрадовать свою племянницу.

— Я бы не поверила! Никто не заставил бы меня этому поверить! — говорила Ненси однажды утром Старому Тому. — Кажется, не бывает ни минуты в течение всего дня, когда бы мисс Полли не скакала вокруг нашего бедного ягненочка, ожидая случая сделать хоть что-нибудь для нее, пусть даже всего лишь впустить котенка... И это она, которая еще неделю назад ни за что на свете не позволила бы ни Флаффи, ни Баффи войти в спальню! А теперь она позволяет им кувыраться на кровати, только потому что это нравится Поллианне! А когда она уж ничего другого не может для нее сделать, так передвигает эти маленькие стеклянные висюльки на окне, чтобы «радуги танцевали», как говорит наша дорогая девочка. Три раза она послала Тимоти в оранжерею Кобба за живыми цветами, и это помимо всех тех цветов, что люди приносят. А на днях, ей-богу, вхожу и вижу — сидит она перед кроватью, сиделка делает ей прическу, а Поллианна смотрит на это и руководит из постели, и глаза у нее так и сияют от счастья. И провалиться мне на этом месте, если мисс Полли не носит теперь такую прическу каждый Божий день, только чтобы угодить нашей милой девочке!

Старый Том засмеялся.

— Да и меня поразило, что мисс Полли выглядит ничуть не хуже с этими локонами надо лбом, — заметил он сдержанно.

— Конечно, не хуже, — ответила Ненси раздраженно. — Наконец-то стала похожа на человека... Она действительно почти кра...

— Осторожней, Ненси, — прервал старик с лукавой усмешкой. — Вспомни-ка, что ты сказала, когда я тебе говорил, что она когда-то была красавицей!

Ненси пожала плечами:

— Ну, красавицей ее, конечно, не назовешь, но, я признаю, она выглядит совсем по-другому с этими лентами и кружевными воротничками, которые Поллианна заставляет ее носить.

— Я тебе говорил, — кивнул Том, — я тебе говорил, что она не... старая. Ненси засмеялась:

— Ну, я согласна, что теперь она уже не так хорошо притворяется старой, как это было прежде, до приезда Поллианны. Послушайте, мистер Том, а кто был ее женихом? Я еще не узнала, не узнала!

— Не узнала? — переспросил старик со странным выражением. — Ну, так ты и не узнаешь... от меня.

— О, мистер Том! Ну скажите, — вкрадчиво упрашивала девушка. — Вы ведь знаете, здесь так много людей, у которых я могла бы спросить об этом.

— Может быть, и так. Но есть, во всяком случае, один, кто тебе не ответит, — усмехнулся Старый Том. Но вдруг лукавый огонек, погас в его глазах. — А как она сегодня, наша девочка?

Ненси покачала головой. Ее лицо тоже омрачилось.

— Без перемен, мистер Том. Никакой заметной разницы, насколько я, да и любой другой, может видеть. Она лежит в постели, спит или говорит и пытается улыбаться и «радоваться» тому, что солнце садится или луна восходит, или чему-нибудь подобному, и прямо сердце разрывается на нее глядя.

— Я знаю, это игра... Благослови ее Господь! — кивнул Старый Том, чуть прищурившись.

— Значит, она и вам говорила об этой игре?

— Да. Она мне давно рассказала. — Старик помолчал, потом продолжил; губы его чуть дрогнули в улыбке: — Я ворчал однажды, что стал такой согнутый да кривой, и что, ты думаешь, эта девчушка мне сказала?

— Откуда же мне знать? Не думаю, чтобы она могла найти, чему тут радоваться!

— А вот смогла! Она сказала, что я могу радоваться, потому что мне не нужно очень сильно сгибаться, когда я занят прополкой, — ведь я уже наполовину согнут!

Ненси невесело усмехнулась:

— Ну, я этому не удивляюсь. Она всегда что-нибудь да найдет. Мы играли в нее — в эту игру — почти с самого начала, потому что ей не с кем было играть... хотя сначала она собиралась играть с ней — со своей теткой.

— С мисс Полли?!

Ненси засмеялась.

— Как я вижу, ваше мнение о хозяйке не так уж отличается от моего, — кольнула она старика.

Старый Том взглянул обиженно:

— Я просто подумал, что это было бы... сюрпризом... для нее, — объяснил он с достоинством.

— Согласна, что тогда так оно и было бы, — заметила Ненси. — Но не думаю, что так было бы и теперь. Теперь я чему угодно про нашу хозяйку поверю... даже, что она сама взялась бы играть в эту игру!

— Но неужели девочка ничего ей не говорила? Ни разу? — удивился Том. — Ведь она, похоже, рассказала всей округе. Я слышу об этом со всех сторон, особенно теперь, когда с ней случилась беда.

— Всей округе, но не мисс Полли. Поллианна еще давно говорила мне, что не может рассказать ей про игру, потому что тетка не хочет слышать о ее отце, а это была игра ее отца, и ей пришлось бы упомянуть о нем, если бы она стала рассказывать. Поэтому она никогда ей не говорила, — объяснила Ненси.

— О, понимаю, понимаю. — Старик неторопливо покивал головой. — Они так злились на этого пастора... Все они, без исключения, потому что он увез от них мисс Дженни. И мисс Полли, хоть и самая младшая, никогда не могла простить ему этого. Она так любила мисс Дженни... в то время. Да-а, я понимаю, понимаю. Это было так неприятно, — вздохнул он, отворачиваясь.

— Да, бывает, бывает... — в свою очередь вздохнула Ненси, направляясь обратно в кухню.

Ни для кого эти дни ожидания не были легкими. Сиделка пыталась казаться бодрой, но во взгляде ее читалось беспокойство. Доктор Уоррен явно нервничал и уже терял терпение. Мисс Полли говорила мало, но даже волны волос, смягчавшие черты ее лица, и красивые кружева вокруг шеи не могли скрыть того факта, что она худела и бледнела день ото дня. Что же до Поллианны, она играла с собакой, гладила шелковистую шерстку котенка,

восхищалась цветами, ела фрукты и варенье, которые ей посылали, отвечала на бесчисленные вопросы о здоровье, добрые пожелания и приветы друзей. Но она тоже худела и бледнела, а нервные движения ее худых маленьких ручек только подчеркивали полную неподвижность прежде таких резвых маленьких ножек, теперь так спокойно и грустно лежавших под одеялом.

Что же до игры, то в эти дни Поллианна говорила Ненси о том, как будет рада, когда опять пойдет в школу, навестит миссис Сноу, забежит к мистеру Пендлетону и поедет кататься с доктором Чилтоном... Она, казалось, не сознавала, что эти «радости» принадлежат будущему, а не настоящему. Но Ненси сознавала это — и часто плакала, когда оставалась одна.

Глава 26. Приоткрытая дверь

Доктор Мид, известный нью-йоркский специалист, приехал ровно через неделю после того дня, когда его первоначально ожидали. Это был высокий широкоплечий мужчина с добрыми серыми глазами и жизнерадостной улыбкой. Поллианне он сразу понравился, и она сказала ему об этом, любезно добавив:

— Вы очень похожи на моего врача.

— На твоего врача? — Доктор Мид с явным удивлением взглянул на доктора Уоррена, который в нескольких шагах от них беседовал с сиделкой. Доктор Уоррен был невысокий, кареглазый, с заостренной темной бородкой.

— О, это не мой врач, — улыбнулась Поллианна, угадав его мысль. — Доктор Уоррен — врач тети Полли. Мой врач — доктор Чилтон.

— О-о! — сказал доктор Мид каким-то странным тоном, глаза его задержались на мисс Полли, которая, чуть покраснев, торопливо отвернулась.

— Да. — Поллианна заколебалась, но затем продолжила с присущим ей простодушием:

— Понимаете, я все время хотела, чтобы пришел доктор Чилтон, но тетя Полли выбрала вас. Она сказала, что вы знаете больше, чем доктор Чилтон... Во всяком случае, о... о сломанных ногах, как у меня. И конечно, если это так, я могу этому радоваться. Это так?

Странное выражение, которое Поллианна не могла себе объяснить, промелькнуло на лице доктора Мида.

— Только время может нам ответить, — сказал он мягко и с озабоченным лицом обернулся к доктору Уоррену, который в этот момент подошел к постели.

Впоследствии все в один голос утверждали, что во всем виноват кот. Конечно, если бы Флаффи не сунул свою дерзкую лапу и нахальный нос в незапертую на защелку дверь спальни, дверь не повернулась бы бесшумно на петлях и не приоткрылась бы, а если бы дверь осталась закрытой, Поллианна не услышала бы слов тетки.

В холле стояли, беседуя, два доктора, сиделка и мисс Полли. В комнате Поллианны Флаффи только что прыгнул на кровать с негромким радостным «мяу», когда неожиданно через раскрытую дверь ясно и четко донеслось страдальческое восклицание мисс Полли:

— Нет! Доктор, только не это! Вы хотите сказать, что девочка... никогда больше не сможет ходить?!

И тогда все пришло в смятение. Сначала из спальни донесся исполненный ужаса крик Поллианны: «Тетя Полли, тетя Полли!» Мисс Полли, увидев открытую дверь и поняв, что слова ее были услышаны, застонала и впервые в жизни упала в обморок. Сиделка сдавленным голосом вскрикнула: «Услышала!» — и, спотыкаясь, бросилась к открытой двери. Оба доктора остались с мисс Полли. Доктор Мид не мог двинуться с места — он подхватил мисс Полли, когда она падала, а растерявшийся доктор Уоррен с беспомощным видом стоял рядом с ним. Только когда Поллианна опять громко закричала и сиделка закрыла дверь, доктора, с отчаянием взглянув друг другу в глаза, опомнились настолько, чтобы справиться с самой насущной задачей — привести в сознание несчастную женщину, лежавшую в объятиях доктора Мида.

Тем временем в комнате Поллианны сиделка увидела на постели мурлыкающего серого кота, который тщетно пытался привлечь внимание бледной как смерть девочки с безумным взглядом.

— Мисс Хант, прошу вас, позовите тетю Полли. Она мне нужна. Скорее, скорее!

Сиделка закрыла дверь и поспешила к постели. Лицо ее тоже было очень бледным.

— Она... она не может в эту минуту прийти, детка. Она придет попозже. В чем дело? Может быть, я могу тебе... помочь?

Поллианна отрицательно замотала головой:

— Нет. Я хочу знать, что она только что сказала! Вы слышали, что она сказала? Мне нужна тетя Полли... она что-то сказала. Я хочу, чтобы она сказала мне, что это неправда, неправда.

Сиделка попыталась заговорить, но не нашла слов. Что-то в выражении ее лица еще более усилило ужас Поллианны.

— Мисс Хант, вы слышали, что она сказала! Это правда! О, это неправда! Неужели я никогда больше не смогу ходить?

— Ну-ну, детка... не надо, не надо, — еле выдавила из себя сиделка. — Может быть, он не знает. Может быть, он ошибся. Всякое бывает...

— Но тетя Полли говорила, что он знает! Она говорила, что он знает больше любого другого о сломанных ногах, таких, как у меня!

— Да, да, я знаю, детка. Но доктора иногда ошибаются. Только... только не думай об этом теперь; не думай, детка.

Поллианна неистово взмахнула руками.

— Но я не могу не думать об этом, — зарыдала она. — Я только об этом теперь и буду думать! О, мисс Хант, как я пойду в школу, или к мистеру Пендлетону, или к миссис Сноу, или... или куда-нибудь еще? — Она с трудом хватала ртом воздух и отчаянно рыдала. Вдруг она замерла и, подняв голову, с новым испугом в глазах взглянула на сиделку: — О, мисс Хант, если я не смогу ходить, то чему же я буду радоваться?

Мисс Хант ничего не знала про игру, но она твердо знала, что пациентку необходимо успокоить, и притом немедленно. А потому вопреки собственному смятению и отчаянию не опустила рук. Теперь она стояла у постели, держа наготове успокаивающие порошки.

— Ну-ну, детка, прими это, — уговаривала она, — и потихонечку мы успокоимся и тогда посмотрим, что можно сделать. Очень часто дело обстоит не так плохо, как казалось сначала, ты же знаешь, детка.

Поллианна послушно приняла лекарство и запила его водой из стакана, поданного мисс Хант.

— Я знаю. Это похоже на то, что папа говорил, — пробормотала Поллианна, роняя слезы. — Он говорил, что нет ничего настолько плохого, что оно не могло бы быть еще хуже. Но я думаю, ему никогда не говорили, что он не сможет больше ходить. И я не знаю, как — это может быть еще хуже... а вы?

Мисс Хант не ответила. Она не доверяла собственному голосу.

Глава 27. Два визита

Сообщить мистеру Джону Пендлетону о заключении доктора Мида отправили Ненси. Мисс Полли помнила о своей обещании, но, как она чувствовала, пойти самой или написать письмо у нее не было сил, и об этом не могло быть и речи. И тогда ей пришло в голову послать Ненси.

Было время, когда Ненси невероятно обрадовалась бы такому удобному случаю взглянуть на «дом Тайны» и его хозяина. Но теперь у нее было слишком тяжело на сердце, чтобы она могла радоваться этому поручению. Она едва взглянула на окружавшую ее обстановку в те несколько минут, которые провела в одной из комнат, ожидая появления хозяина дома.

— Я Ненси, сэр, — сказала она почтительно в ответ на его чуть удивленный вопросительный взгляд, когда он вошел в комнату. — Мисс Харрингтон послала меня сообщить вам о... о Поллианне.

— Ну?

Несмотря на краткость этого вопроса, Ненси ясно почувствовала тревогу, скрытую за этим отрывистым «ну?».

— Плохо, мистер Пендлетон, — выговорила она с трудом.

— Ты хочешь сказать... — Он запнулся, и Ненси печально склонила голову.

— Да, сэр. Доктор сказал, что она не сможет ходить... никогда.

На минуту в комнате воцарилась мертвая тишина, потом мужчина заговорил, голос его дрожал от волнения:

— Бедная девочка! Бедная девочка!..

Ненси взглянула на него, но тут же опустила глаза. Она и не предполагала, что раздражительный, сердитый и суровый Джон Пендлетон может так выглядеть. В следующее мгновение он заговорил опять, очень тихо, тем же дрожащим голосом:

— Это так жестоко... никогда больше не танцевать в солнечном свете! Бедная моя радужная девочка!

Опять последовало молчание. Потом неожиданно мистер Пендлетон спросил:

— Сама она, конечно, еще ни о чем не знает?

— Ох, знает, сэр, — зарыдала Ненси, — и от этого еще тяжелее. Она узнала! Прах его возьми, этого кота! Прошу прощения, так уж у меня вырвалось, — извинилась она торопливо. — Просто кот толкнул дверь, и

Поллианна услышала, что они говорили. Так она и узнала...

— Бедная девочка! — опять вздохнул мужчина.

— Да, сэр. Ничего другого вы бы и не сказали, если б ее увидели, — продолжала Ненси сквозь слезы. — Я видела ее только два раза с тех пор, как она об этом узнала, и оба раза у меня прямо сердце разрывалось на нее глядя. Она еще не притерпелась к этому горю и все время думает только о том, чего она не сможет делать... теперь! И еще горюет о том, что не сможет теперь радоваться... Но, может быть, вы не знаете о ее игре, — добавила Ненси извиняющимся тоном.

— Об игре «в радость»? — спросил мужчина. — О, да, она говорила мне об этом.

— А, говорила! Да я думаю, она об этом почти всем рассказала. Но, понимаете, теперь она сама не может играть в нее, и это ее мучает. Она говорит, что не может найти ничего — ну, ничего! — радостного в том, что она не сможет больше ходить.

— Да с чего бы ей радоваться? — возразил мужчина почти грубо.

Ненси смущенно переступила с ноги на ногу.

— Такое же чувство и у меня было, пока мне не пришло голову, что ей было бы легче, если бы она смогла найти что-нибудь, чему радоваться, понимаете? И я попыталась ей напомнить.

— Напомнить? О чем? — В голосе Джона Пендлетона по-прежнему звучали гнев и досада.

— О том, как она советовала другим играть в эту игру — миссис Сноу и остальным — и что она им говорила. Но бедный мой ягненочек только плачет и говорит, что почему-то это не то же самое... Она говорит, что легко советовать неизлечимому калеке, как ему радоваться, но совсем другое дело, если ты сам такой калека и хочешь этим советом воспользоваться. Она говорит, что повторяет и повторяет себе, как она рада, что другие не такие, как она теперь, но что каждый раз, когда это говорит, думает только о том, что никогда больше не сможет ходить.

Ненси умолкла, но Джон Пендлетон не заговорил. Он сел и закрыл глаза рукой.

— Тогда я попыталась напомнить ей, как она прежде всегда твердила, что чем труднее, тем интереснее играть, — глухо продолжила Ненси. — Но она говорит, что это тоже оказывается по-другому, когда действительно трудно... Ну, мне пора, сэр...

У двери она нерешительно задержалась, обернулась и спросила робко:

— А нельзя ли мне сказать Поллианне, что... что вы опять видели Джимми Бина? Наверное, можно, сэр?

— Как это можно, если я не видел его? — заметил мужчина раздраженно. — А что такое?

— Ничего, сэр, только... Видите ли, одна из причин, почему она так печалится, это то, что она не смогла привести его к вам еще раз. Она сказала, что приводила его к вам однажды, но думает, что он в тот день не показал себя с лучшей стороны, и боится, как бы вы не подумали, что из него не получится хорошего «присутствия ребенка». Может быть, вы знаете, что она имела в виду, но я — нет, сэр.

— Да, я знаю.

— Ну, тогда все в порядке, сэр. Она хотела привести его к вам опять, чтобы убедить вас, что он может быть чудесным «присутствием ребенка»... А теперь она не может этого сделать! Прах его возьми, этот автомобиль! Прошу прощения, сэр. До свидания! — И Ненси стремительно удалилась.

Немного времени потребовалось, чтобы весь городок Белдингсвилл узнал о заключении нью-йоркского специалиста, согласно которому Поллианна Уиттиер никогда больше не будет ходить, и с уверенностью можно сказать, что никогда прежде городок не был так взволнован. Всем было знакомо это вызывающее интерес веснушчатое личико, которое приветствовало всех улыбкой, и почти все знали об игре, в которую играла Поллианна. И подумать только, что никогда больше они не увидят это улыбающееся лицо на улицах городка, никогда больше этот бодрый голосок не провозгласит радость повседневного существования! Это казалось невероятным, невозможным, жестоким.

В кухнях, гостиных, у забора на каждом заднем дворе женщины говорили об этом и открыто плакали. На углах улиц, в магазинах говорили об этом и мужчины — и тоже плакали, хотя не так открыто. И ни разговоры, ни плач не утихли, когда вслед за этой новостью Ненси разнесла другое горестное известие — о том, что Поллианна перед лицом несчастья больше всего сокрушалась из-за того, что не может больше играть в свою игру, потому что не может теперь ничему радоваться.

Вероятно, именно тогда одна и та же мысль захватила всех друзей Поллианны. Во всяком случае, почти сразу после этого в дом мисс Полли, к ее огромному удивлению, потянулись один за другим посетители: знакомые и незнакомые, мужчины, женщины, дети. Мисс Полли даже не подозревала, что все они знают ее племянницу.

Одни заходили и с чопорным видом сидели в гостиной пять или десять минут. Другие смущенно и робко останавливались на крыльце и мяли в руках шляпы или сумочки, в зависимости от пола. Некоторые приносили книжки, букеты цветов или лакомства. Одни открыто плакали, другие

поворачивались спиной и неистово сморкались. Но все с огромной тревогой спрашивали о здоровье девочки, и каждый просил передать ей какое-нибудь сообщение. Именно эти сообщения спустя некоторое время побудили мисс Полли к действию.

Первым пришел мистер Джон Пендлетон. На этот раз он был без костылей.

— Мне, вероятно, нет необходимости говорить вам, в каком я ужасе, — начал он почти резко. — Но неужели ничего нельзя сделать?

В жесте мисс Полли выразилось крайнее отчаяние:

— Ох, мы что-то «делаем» все время. Доктор Мид прописал определенные лекарства и процедуры, которые могут оказаться полезны, и доктор Уоррен строго придерживается этих рекомендаций. Но... доктор Мид не оставил почти никакой надежды.

Джон Пендлетон круто повернулся к двери, хотя пришел только что. Лицо его было белым, а у рта залегла суровая складка. Взглянув на него, мисс Полли ясно поняла, почему он не может оставаться в ее присутствии. У порога он снова обернулся.

— Я прошу вас передать кое-что Поллианне, — сказал он. — Передайте ей, пожалуйста, что я видел Джимми Бина и... что теперь я возьму его к себе. Скажите ей. Я думаю, что она будет рада узнать, что я беру его на воспитание.

На миг мисс Полли утратила столь присущую ей сдержанность.

— Вы берете на воспитание Джимми Бина?! — ахнула она.

Мистер Пендлетон чуть выдвинул вперед подбородок:

— Да. Я думаю, что Поллианна все поймет. Вы скажете ей? Я думаю, она будет рада.

— Ну... конечно, — пробормотала мисс Полли.

— Спасибо. — Он поклонился и вышел.

Мисс Полли, безмолвная и изумленная, осталась стоять посередине комнаты, все еще глядя вслед только что вышедшему мужчине. Даже теперь она едва могла поверить тому, что услышала от него. Джон Пендлетон берет на воспитание Джимми Бина! Джон Пендлетон, богатый, независимый, необщительный, известный своим ужасным и всеподавляющим эгоизмом, берет на воспитание мальчика, да к тому же такого мальчика!

С несколько растерянным выражением лица мисс Полли поднялась по лестнице в комнату Поллианны.

— Поллианна, мистер Пендлетон просил передать тебе его слова. Он только что был здесь и сказал, что берет на воспитание Джимми Бина, и

надеется, что ты будешь рада узнать об этом.

Печальное лицо Поллианны сразу озарилось восторгом:

— Рада? Конечно же, я очень рада! О, тетя Полли, я так хотела найти дом для Джимми. А это такой замечательный дом! И за мистера Пендлетона я ужасно рада! Понимаешь, у него теперь будет присутствие ребенка.

— Что?

Поллианна смущенно покраснела. Она забыла, что никогда не говорила тетке о желании мистера Пендлетона удочерить ее, и, конечно, ей не хотелось признаться теперь, что когда-либо она хоть на минуту задумывалась о том, чтобы покинуть дорогую тетю Полли!

— Присутствие ребенка, — пробормотала она торопливо. — Мистер Пендлетон сказал мне однажды, что только женская рука и сердце или присутствие ребенка могут создать настоящий дом. А теперь оно у него есть... это присутствие.

— О, я понимаю, — ответила мисс Полли очень мягко; и она действительно понимала больше, чем могла предположить Поллианна. Она понимала, какое трудное решение пришлось принять самой Поллианне, когда Джон Пендлетон просил ее создать это «присутствие ребенка», которому предстояло превратить холодную громаду серого камня в настоящий дом. — Я понимаю, — повторила она, чувствуя, что глаза ей жгут неожиданные слезы.

Из опасения, что тетка может задать другие не очень приятные вопросы, Поллианна постаралась поскорее увести разговор от мистера Пендлетона и его дома.

— Доктор Чилтон говорит то же самое — что нужна женская рука и сердце или присутствие ребенка, чтобы был дом, — заметила она.

Мисс Полли, вздрогнув, отвернулась.

— Доктор Чилтон? Откуда ты знаешь?

— Он сам мне сказал. Это было, когда он объяснил, что живет просто в комнатах... не дома, потому что это не дом.

Мисс Полли не ответила. Взор ее блуждал за окном.

— И я спросила его, почему он не добился их... то есть женской руки и сердца, чтобы иметь дом.

— Поллианна! — Мисс Полли резко обернулась. Щеки ее неожиданно запылали.

— Да, я спросила. Он выглядел таким... таким печальным.

— И что он... ответил? — спросила мисс Полли так, словно боролась с какой-то внутренней силой, которая запрещала ей задавать этот вопрос.

— Он помолчал, а потом сказал очень тихо, что не всегда можно их получить, даже если попросить.

Последовало молчание. Глаза мисс Полли опять были устремлены в окно. Щеки ее все еще были неестественно пунцовыми.

Поллианна вздохнула:

— Он хотел получить женскую руку и сердце когда-то, я знаю. И я была бы очень рада, если бы он смог их получить.

— Но, Поллианна, откуда ты это знаешь?

— Я знаю, потому что потом, в другой раз, он сказал кое-что еще. Он сказал это тоже очень тихо, но я услышала. Он сказал, что отдал бы весь мир, если бы мог получить взамен руку и сердце одной женщины... О, тетя Полли, что случилось? — Тетя Полли быстро поднялась и подошла к окну.

— Ничего, дорогая. Я просто хочу передвинуть эту подвеску, — сказала она. Все лицо ее теперь пылало жарким румянцем.

Глава 28. Игра и ее участники

Однажды днем, вскоре после второго визита Джона Пендлетона, пришла Милли Сноу, которая никогда прежде не появлялась в доме Харрингтонов. Когда мисс Полли спустилась в гостиную, где ожидала ее Милли, та поднялась со стула и смущенно покраснела.

— Я... я пришла спросить о вашей девочке, — запинаясь, вымолвила она.

— Вы очень добры. Она в том же положении. А как ваша мама? — спросила мисс Полли утомленно.

— Именно это я и хотела сказать вам... то есть попросить вас передать это Поллианне, — торопливо и несвязано заговорила девушка, не переводя дыхания. — Мы думаем, это так... ужасно... совершенно ужасно, что малышка никогда не сможет ходить, и это после всего, что она сделала для нас... для мамы. Научила ее играть в игру... ну и вообще. И когда мы услышали, что теперь она сама не может играть... Бедняжка! И право же, я не знаю, как она смогла бы в таком положении... Но когда мы вспомнили все, что она нам говорила, мы подумали, что если бы она только знала, сколько хорошего она сделала для нас, то, возможно, это помогло бы и ей самой... то есть в ее собственном случае... то есть в том, что касается игры. Она могла бы радоваться... хоть немножко. — Милли беспомощно остановилась и, казалось, ждала, чтобы заговорила мисс Полли.

Мисс Полли сидела, слушая вежливо, но с растерянно-вопросительным выражением в глазах. Она поняла не больше половины того, что было сказано, и теперь думала, что хотя всегда находила Милли Сноу чудаковатой, но не предполагала, что она просто сумасшедшая. Никак иначе нельзя было объяснить этот несвязный, нелогичный, бессмысленный поток слов. Когда пауза затянулась, она заполнила ее, спокойно заявив:

— Мне кажется, Милли, что я не совсем поняла вас. Что именно вы хотите передать через меня моей племяннице?

— А вот именно это: я хочу, чтобы вы сказали ей, — подхватила девушка лихорадочно, — чтобы вы постарались ей объяснить, что она сделала для нас. Конечно, она уже кое-что знает, потому что бывала у нас и видела, что мама изменилась, но я хотела бы, чтобы она знала, как сильно мама изменилась... ну и я тоже. Я тоже теперь другая. Я тоже пытаюсь играть... немного... в игру.

Мисс Полли нахмурилась. Она хотела спросить, что имеет в виду

Милли, говоря об «игре», но не успела, так как девушка снова разразилась нервным потоком слов:

— Вы знаете, как мама всегда и всем была недовольна. Она всегда хотела, чтобы все было не так, как есть. И по правде сказать, не знаю, можно ли уж очень винить ее за это в ее положении. Но теперь она позволяет мне не занавешивать окна и интересуется и тем и другим — как она выглядит, какие у нее ночные рубашки и все такое. Она даже начала немного вязать — шапочки и детские одеяльца — для продажи и для больницы. И ее так это увлекло, и она так рада, что может это делать! И все это заслуга Поллианны, потому что это она сказала маме, что мама может радоваться хотя бы тому, что у нее здоровые руки. После этого мама сразу задумалась, почему она прежде никак не использовала свои руки. И поэтому она начала их использовать... то есть вязать. И вы представить себе не можете, как изменилась теперь ее комната с этими красными, голубыми и желтыми мотками пряжи и хрустальными подвесками на окне, которые Поллианна ей подарила... Веселее становится на душе, даже если просто заглянешь в комнату, а прежде я туда и заходить-то боялась, так там было темно и мрачно, и мама была такая... такая несчастная... И поэтому мы хотим попросить вас передать Поллианне, что мы понимаем, чем ей обязаны. И пожалуйста, передайте, как мы рады, что познакомились с ней. Мы подумали, что может быть, если она узнает об этом, ей станет чуточку радостнее от мысли о том, что она познакомилась с нами. И... и это все, — выдохнула Милли, торопливо поднимаясь со стула, чтобы уйти. — Вы скажете ей?

— Конечно. Разумеется, — пробормотала мисс Полли, спрашивая себя, многое ли из этого поразительного монолога удастся ей удержать в памяти, чтобы потом повторить.

Визиты Джона Пендлетона и Милли Сноу были только началом — за ними последовало множество других. И неизменно все они сопровождались просьбами передать Поллианне какое-нибудь послание. Эти послания были в некоторых отношениях настолько странными, что мисс Полли приходила во все большее и большее недоумение.

Однажды появилась миссис Бентон, вдова. Мисс Полли немало слышала о ней, хотя они никогда не говорили друг с другом. По словам знакомых, это была самая печальная женщина в городке. Она всегда появлялась на улицах во всем черном. Но сегодня на шее у миссис Бентон был бледно-голубой бантик, хотя в ее глазах стояли слезы. Она заговорила о том, как ужаснуло и взволновало ее несчастье Поллианны, а потом робко спросила, не может ли она повидать девочку.

Мисс Полли отрицательно покачала головой:

— Мне очень жаль, но пока мы к ней еще никого не пускаем. Может быть, немного позднее...

Миссис Бентон вытерла глаза, поднялась и направилась к двери. Но уже почти на пороге она вдруг торопливо обернулась.

— Мисс Харрингтон, может быть, вы передадите ей несколько слов от меня, — начала она неуверенно.

— Конечно, миссис Бентон. Мне будет очень приятно.

Женщина заколебалась, потом заговорила:

— Скажите ей, пожалуйста, что... что я надела это. — И она прикоснулась к голубому бантику на шее. Потом, заметив плохо скрытое удивление во взгляде мисс Полли, она добавила:

— Девочка так долго старалась заставить меня носить что-нибудь цветное, что, может быть, ей будет приятно узнать, что я начала носить этот бантик. Она говорила, что Фредди очень этому обрадуется. Вы знаете, у меня теперь нет ничего, кроме Фредди. У других есть все... — Миссис Бентон покачала головой и отвернулась. — Вы только скажите Поллианне; она поймет. — И дверь за ней закрылась.

В тот же день, чуть позже, пришла другая вдова; во всяком случае, она была в трауре. Мисс Полли совсем ее не знала и даже немного удивилась, где эта женщина могла познакомиться с Поллианной. Посетительница представилась как миссис Тарбел.

— Мы с вами, конечно, не знакомы, — начала она сразу, — но я хорошо знаю вашу маленькую племянницу, Поллианну. Все это лето я жила здесь в гостинице и каждый день по совету врача ходила на дальние прогулки. И во время одной такой прогулки я встретила вашу племянницу — такая милая девочка! Мне трудно объяснить вам, чем стала она для меня. Когда я приехала сюда, мне было очень грустно, а ее веселое личико и радостные речи напомнили мне о моей маленькой дочке, которой я лишилась несколько лет назад... Я была в таком ужасе, когда узнала о несчастном случае с вашей девочкой. А когда я услышала, что бедняжка никогда больше не сможет ходить и что она так несчастна из-за того, что не может больше радоваться, — дорогое дитя! — я почувствовала, что просто обязана прийти к вам.

— Вы очень любезны, — пробормотала мисс Полли.

— Это я хочу попросить вас о любезности, — возразила посетительница. — Я хотела бы, чтобы вы передали ей мои слова. Вы не против?

— Конечно, нет.

— Тогда скажите ей просто, что миссис Тарбел теперь рада. Да, я знаю, это звучит странно и непонятно. Но... если вы меня извините, я предпочла бы не объяснять. — Печальная складка залегла возле ее губ, а из глаз исчезла улыбка. — Ваша племянница поймет, что я имела в виду. И я чувствую, что должна сказать ей об этом. Спасибо, и извините меня, пожалуйста, за некоторую кажущуюся бестактность моего визита, — попросила она, прощаясь.

Мисс Полли, теперь уже совершенно заинтригованная, поспешила наверх в комнату Поллианны.

— Поллианна, ты знаешь, кто такая миссис Тарбел?

— О, да. Я ее очень люблю. Она больная и ужасно грустная; она живет в гостинице. И много гуляет. Мы вместе гуляем. О, я хочу сказать, гуляли... — Голос Поллианны сорвался, и две огромные слезы скатились по щекам.

Мисс Полли торопливо откашлялась.

— Так вот, она только что заходила, дорогая, и просила передать тебе кое-что, но не объяснила, что это значит. Она просила передать, что теперь она рада.

Поллианна слегка хлопнула в ладоши.

— Она так сказала, правда? О, я так рада!

— Но, Поллианна, что она имела в виду?

— Ну, это игра и... — Поллианна резко остановилась, прижав пальцы к губам.

— Какая игра?

— Н-ничего особенного, тетя Полли... Но я не могу тебе это объяснить, если не упоминать о другом, о чем я не должна говорить.

На языке у мисс Полли уже вертелся очередной вопрос, но явное страдание, изобразившееся на лице девочки, остановило слова, прежде чем они прозвучали.

Вскоре после посещения миссис Тарбел развитие событий достигло своей высшей точки, которой стал визит некоей молодой женщины, чрезмерно нарумяненной, с неестественно желтыми волосами, в туфлях на высоких каблуках и увешанной дешевыми украшениями. Мисс Полли хорошо знала о репутации этой особы со слов соседей и знакомых и отнеслась к ее появлению в своем доме с удивлением и негодованием.

Мисс Полли не подала руки, она даже отступила на шаг, когда вошла в комнату, где ожидала ее посетительница. Молодая женщина сразу поднялась со стула. Глаза у нее были очень красными, как будто от слез. Чуть вызывающим тоном она спросила, нельзя ли ей на минуту повидать

маленькую девочку, Поллианну.

Мисс Полли ответила отказом. Сначала она заговорила очень сурово, но что-то в умоляющем взгляде молодой женщины заставило ее добавить к своим словам вежливое объяснение, что никому пока еще не позволяют навещать Поллианну.

Женщина заколебалась, потом несколько резко заговорила. Подбородок ее по-прежнему был с вызовом выдвинут вперед.

— Меня зовут миссис Пейсон. Я полагаю, вы слышали обо мне. Большинство добрых людей слышало. И может быть, кое-что из того, что вы слышали, неправда. Но дело не в том. Я пришла из-за этой девочки. Я слышала о несчастье и... и это меня совершенно сломило. На прошлой неделе мне сказали, что она больше не сможет ходить... И я пожалела, что не могу отдать ей мои здоровые, но бесполезные ноги. Топая на них, она за один час сделала бы больше добра, чем я за сотню лет. Но дело не в том. Я замечая, что ноги не всегда даются тому, кто может распорядиться ими наилучшим образом.

Она сделала паузу, откашлялась, но, когда заговорила снова, голос ее был по-прежнему хриплым.

— Может быть, вы не знаете об этом, но я много раз встречала вашу девочку. Мы живем у дороги на Пендлетон-Хилл, и она часто по ней проходила. И не всегда она проходила мимо. Она заходила к нам поиграть с детьми, поговорить со мной и с моим мужем, когда он был дома. Ей, казалось, это нравилось, и сами мы ей нравились. Она не знала, я полагаю, что люди ее круга обычно сторонятся людей нашего круга. Может быть, если бы они не держались так отчужденно, мисс Харрингтон, не было бы столько таких, как мы, — добавила она с неожиданной горечью. — Но так или иначе, а она приходила. И ей не было от этого вреда, а нам она принесла пользу... много пользы. Сколько — она не знает и, надеюсь, не узнает, потому что иначе ей пришлось бы узнать и о таком, о чем мне бы не хотелось, чтобы она знала. Но это так... Это был тяжелый год для нас во многих отношениях. Мы оба, мой муж и я, были в полном отчаянии и готовы... почти на все. Мы уже решили развестись и отдать детей... Короче, мы не знали, что делать с детьми. А потом случилось это несчастье, и мы узнали, что эта девочка никогда больше не будет ходить. И мы стали вспоминать, как она заходила к нам, сидела на пороге, играла с ребяташками, смеялась и... и просто радовалась. Она всегда чему-нибудь радовалась и однажды рассказала нам, почему она всегда рада и об игре — вы, конечно, знаете, — и пыталась уговорить нас играть. А теперь мы узнали, что она убивается из-за того, что не может больше играть, потому

что нечему радоваться... Поэтому я и пришла, чтобы сказать ей, что, может быть, она немножко порадуется за нас, потому что мы решили остаться вместе и начать играть. Я знаю, что она будет рада, потому что она обычно огорчалась... из-за того, что мы иногда говорили ей прежде. Как нам поможет игра, я не могу сказать; мне самой еще не очень ясно. Но, может быть, и поможет. Так или иначе, а мы попытаемся... потому что она этого хотела. Вы ей передадите?

— Да, я передам ей, — пообещала мисс Полли не совсем уверенно. Потом в неожиданном порыве она шагнула вперед и подала женщине руку. — И спасибо, что вы пришли, миссис Пейсон, — сказала она просто.

Вызывающе выдвинутый подбородок опустился, губы над ним сильно задрожали. Несвязно пробормотав что-то, миссис Пейсон, не глядя, пожала протянутую руку, повернулась и быстро вышла. Едва за ней закрылась дверь, как мисс Полли уже стояла в кухне.

— Ненси!

Мисс Полли говорила резко. Череда этих поразительных, приводящих в замешательство визитов, достигшая кульминации в этом последнем, совершенно необыкновенном посещении, привела к тому, что нервы ее были напряжены до последней степени. С момента несчастья, случившегося с Поллианной, Ненси ни разу не слышала, чтобы ее хозяйка говорила так сурово.

— Ненси, не скажешь ли ты мне, что это за нелепая «игра», о которой, кажется, болтает весь городок? И какое, скажи на милость, отношение к этому имеет моя племянница? Почему все, от Милли Сноу до миссис Пейсон, просят передать ей, что они «играют в игру»? Насколько я могу судить, половина городка надевает голубые бантики, прекращает семейные ссоры или начинает любить что-то, чего никогда не любила прежде, — и все благодаря Поллианне. Я пыталась спросить об этом ее саму, но недалеко продвинулась в этом, и я не хочу беспокоить ее... в ее положении. Но, судя по твоему разговору с ней, который я вчера слышала, ты тоже играешь в эту игру. Может быть, ты будешь так любезна и объяснишь мне, что все это значит?

К удивлению и ужасу мисс Полли, Ненси разразилась слезами.

— Это значит, что с самого июня это дорогое дитя учило весь городок радоваться, а теперь они, в свою очередь, пытаются помочь радоваться ей.

— Радоваться? Чему?

— Просто радоваться. Это такая игра.

Мисс Полли даже топнула ногой:

— Ты ничуть не лучше прочих, Ненси! Какая игра?

Ненси подняла голову и взглянула прямо в глаза своей хозяйке.

— Я расскажу вам, мэм. Это игра, которой научил Поллианну ее отец. Однажды она получила пару детских деревянных костылей из церковных пожертвований, когда ей так хотелось иметь куклу. Ну, разумеется, она расплакалась, как и любой ребенок на ее месте. Тогда-то отец и сказал ей, что нет такой вещи, в которой не было бы какого-нибудь повода для радости, и что даже этим костылям можно радоваться.

— Радоваться... костылям! — Мисс Полли подавила рыдание, вспомнив о беспомощных ножках там, наверху, в постели.

— Да, мэм. Так и я ей сказала. И сама она призналась, что так и сказала отцу. Но он ей ответил, что она может радоваться тому, что они ей не нужны.

— О-о-о! — воскликнула мисс Полли.

— И она говорит, что потом это уже вошло у них в обычай — во всем находить что-то, чему можно радоваться. Она говорит, что все так могут и что уже не очень огорчаешься, что нет куклы, потому что радуешься, что тебе не нужны костыли. Они назвали это «игрой в радость». Вот это и есть та самая игра, мэм. Она играет в нее с тех пор.

— Но как... как... — Мисс Полли беспомощно остановилась.

— Вы не поверите, как здорово это действует, мэм, — продолжала Ненси с жаром, вполне достойным самой Поллианны. — Я хотела бы рассказать вам, как много она сделала для моей матери и всех моих домашних. Поллианна дважды ходила со мной повидать моих близких, как вы знаете. Да и сама я благодаря ей легче переношу многие неприятности — и большие и малые. Например, я совсем не огорчаюсь из-за своего имени с тех пор, как она сказала мне, что было бы хуже, если бы меня назвали Хадшиба, И понедельники тоже — я их раньше терпеть не могла. А она заставила меня радоваться даже понедельнику.

— Радоваться... понедельнику?!

— Я знаю, это звучит странно, мэм. Но позвольте, я объясню. Благословенный наш ягненок узнал как-то раз, что я просто ненавижу понедельники. И вот что она придумала и сказала мне: «Знаешь, Ненси, мне кажется, что в понедельник ты должна радоваться больше, чем в любой другой день недели, потому что впереди еще целая неделя до следующего понедельника!» И я не я, если не говорю себе это каждый понедельник с тех самых пор, — и помогает, мэм! Во всяком случае, мне смешно каждый раз, как я об этом подумаю, а смех помогает, да, помогает!

— Но почему она не рассказала мне про эту игру? — произнесла с запинкой мисс Полли. — Почему она сделала из этого такую тайну, когда я

задала ей этот вопрос?

Ненси заколебалась:

— Прошу прощения, мэм, но вы велели ей не упоминать о... о ее отце, поэтому она и не могла рассказать вам. Ведь это он придумал игру.

Мисс Полли закусила губу.

— Сначала она хотела рассказать вам, — продолжила Ненси несколько нерешительно. — Ей хотелось, чтобы кто-нибудь играл с ней вместе. Поэтому-то я и начала... чтобы ей было с кем играть.

— А... а... остальные? — Голос мисс Полли дрожал.

— О, я думаю, что теперь уже почти все знают об этой игре. Во всяком случае, я сужу по разговорам, которые слышу, куда бы ни пошла. Конечно, она рассказала одним, а они — другим. Такое всех захватит, понимаете, если уж начнется. А она всегда улыбалась, была такая ласковая со всеми и всегда такая... радостная, что все просто не могли не узнать об этом. А с тех пор как с ней стряслась беда, всем так тяжело на душе, особенно когда люди слышат, как тяжело на душе ей, из-за того что она не может найти чему радоваться. И поэтому они приходят каждый день, чтобы сказать ей, как она научила их радоваться, в надежде, что это ей поможет. Понимаете, мэм, она всегда хотела, чтобы все играли с ней в эту игру.

— Ну, я знаю, кто будет играть с ней... теперь, — сдавленным голосом, сквозь слезы произнесла мисс Полли, отворачиваясь и торопливо выходя из кухни.

Ненси осталась стоять неподвижно, изумленно глядя ей вслед.

— Ну, теперь я во что угодно поверю, во что угодно, — бормотала она про себя. — Меня теперь ничто не удивит. Всему поверю... Ох, мисс Полли!

Чуть позднее, когда сиделка вышла из комнаты, мисс Полли и Поллианна остались вдвоем.

— Дорогая, сегодня приходила еще одна посетительница, — объявила мисс Полли голосом, которому она тщетно пыталась придать твердость. — Ты помнишь миссис Пейсон?

— Миссис Пейсон? Ну конечно! Она живет у дороги, которая ведет к дому мистера Пендлетона, и у нее прелестнейшие малыши — девочка трех лет и мальчик пяти. Она очень милая, и ее муж тоже... только они, кажется, не знают, какой каждый из них милый. Иногда они ругаются... то есть, я хочу сказать, не во всем соглашаются. Они говорят, что бедны и никогда не получают пожертвований, потому что он не миссионер, как мой... Ну, в общем, он не миссионер.

Слабый румянец окрасил щеки Поллианны и тут же неожиданно

отразился на щеках ее тетки.

— Но она иногда очень красиво одевается, хотя они и такие бедные, — продолжила Поллианна с некоторой поспешностью. — И у нее очень красивые кольца, с бриллиантами, рубинами, изумрудами. Но она говорит, что одно из них лишнее, и собирается его выбросить и взять вместо этого развод. Что такое развод, тетя Полли? Боюсь, это что-то не очень хорошее, потому что она не выглядела счастливой, когда говорила об этом. И она сказала, что, если она получит его, они не будут больше жить вместе и что мистер Пейсон уйдет, а может быть, и дети тоже. Но я думаю, что все-таки лучше не выбрасывать кольцо, даже если оно и лишнее. А ты? Тетя Полли, что такое развод?

— Но они не собираются расставаться, дорогая, — уклонилась от прямого ответа тетя Полли. — Они хотят остаться вместе.

— О, я так рада! Значит, они будут там, когда я пойду навестить... О Боже! — вскрикнула девочка с отчаянием. — Тетя Полли, почему я все время забываю, что мои ноги больше не будут мне служить и что я никогда, никогда не пойду повидать мистера Пендлетона?

— Ну-ну, не надо, — выдавила из себя тетка. — Может быть, ты съездишь к нему когда-нибудь. Но послушай! Это еще не все, что сказала миссис Пейсон. Она хотела, чтобы я передала тебе, что они... они собираются остаться вместе и играть в игру, как ты хотела.

Поллианна улыбнулась сквозь слезы:

— Правда? Они будут играть? О, я так рада!

— Да, она на это надеялась. Именно поэтому она и велела тебе передать, чтобы ты была... рада, Поллианна.

Поллианна быстро подняла глаза:

— Но, тетя Полли, ты... ты говоришь так, как будто ты знаешь... знаешь об игре, тетя Полли!

— Да, дорогая. — Мисс Полли изо всех сил старалась заставить свой голос звучать бодро и деловито. — Ненси мне все рассказала. Я думаю, это замечательная игра. И я теперь собираюсь играть в нее с тобой.

— О, тетя Полли... ты? Как я рада! Знаешь, я всегда больше всего хотела, чтобы именно ты играла.

Тетя Полли перевела дыхание. На этот раз ей было еще труднее сохранить твердость в голосе.

— Да, дорогая; и все остальные тоже играют. Я думаю, Поллианна, весь городок играет в твою игру, даже пастор! Я еще не успела рассказать тебе, что сегодня утром я встретила мистера Форда, когда была в городе, и он просил передать тебе, что как только тебе будет можно принимать

посетителей, он придет, чтобы лично сказать тебе, что не перестает радоваться тем восьмистам «радующим текстам» Библии, о которых ты ему говорила. Так что, видишь, дорогая, это все сделала ты: весь городок играет в игру и весь городок чудесным образом стал счастливее — и все потому, что одна маленькая девочка научила людей новой игре и тому, как играть в нее в жизни.

Поллианна хлопнула в ладоши.

— О, я так рада! — воскликнула она. И неожиданно чудесный свет озарил ее лицо. — Но, тетя Полли, есть все-таки что-то, чему я могу радоваться. Я могу радоваться, что у меня были здоровые ноги... иначе я не смогла бы сделать этого!

Глава 29. Через открытое окно

Один за другим приходили и уходили короткие зимние дни, но для Поллианны они были не короткими, а долгими и иногда мучительными. Однако и в эти дни Поллианна очень решительно и бодро смотрела в будущее. Разве не должна была она особенно строго придерживаться правил игры теперь, когда тетя Полли тоже в нее включилась? А тетя Полли находила столько поводов для радости! Это именно она нашла однажды историю о двух бедных бездомных детях, которые во время метели наткнулись на сорванную ветром дверь и, укрывшись под ней, сокрушались о прочих бедных людях, не имеющих даже двери! И это тетя Полли принесла домой другую услышанную ею историю — о бедной старушке, у которой было только два зуба, но которая была очень рада, что эти два зуба находятся как раз друг против друга!

Поллианна теперь, как миссис Сноу, вязала чудесные вещи из яркой пряжи, которая веселой разноцветной полосой тянулась через белую постель, и так же, как миссис Сноу, радовалась, что у нее здоровые руки и пальцы.

Иногда она встречала посетителей и постоянно получала приветы и полные любви слова от тех, с кем не могла видеться. Эти слова всегда давали ей какую-нибудь новую тему для размышлений, а ей так нужны были новые темы.

Один раз она видела Джона Пендлетона и дважды Джимми Бина. Мистер Пендлетон сказал ей, каким отличным мальчиком оказался Джимми и как хорошо он себя ведет. А Джимми рассказал ей, какой у него теперь «первоклассный» дом и какая «мировая» семья получилась из мистера Пендлетона. И оба заявили, что всем этим они обязаны ей.

— И мне сразу стало еще радостнее от того, что у меня были здоровые ноги, — призналась потом Поллианна тетке.

Прошла зима, и наступила весна. Те, кто с тревогой наблюдали за состоянием Поллианны, видели, что прописанное лечение не приносит перемен к лучшему. Казалось, все подтверждало худшие опасения доктора Мида: Поллианна никогда больше не сможет ходить.

Белдингсвилл, разумеется, живо интересовался всем, касающимся Поллианны. Но один человек в Белдингсвилле особенно выходил из себя и терзался до лихорадки при каждом новом сообщении о состоянии ее здоровья, которые он каким-то образом ежедневно умудрялся получать

непосредственно из комнаты больной. Дни проходили, а новости становились не лучше, но даже хуже, и порой иные чувства кроме тревоги стали появляться в лице этого человека: отчаяние и яростная решимость — и оба этих чувства боролись между собой. В конце концов яростная решимость одержала победу, и именно тогда, в одно субботнее утро, мистеру Джону Пендлетону, отчасти к его удивлению, доложили о визите доктора Томаса Чилтона.

— Пендлетон, — начал доктор неожиданно и резко. — Я приехал к тебе, потому что тебе лучше, чем любому другому в городе, известно о моих отношениях с мисс Полли Харрингтон.

Джон Пендлетон почувствовал, что, должно быть, заметно вздрогнул. Он действительно знал кое-что о романе Полли Харрингтон и Томаса Чилтона, но тот вопрос они не затрагивали в разговорах между собой самое меньшее лет пятнадцать.

— Да, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал достаточно озабоченно, чтобы выразить сочувствие, но не слишком заинтересованно, чтобы не показаться любопытным. Впрочем, в следующее мгновение он понял, что беспокоился зря: доктор был слишком захвачен тем делом, которое привело его сюда, чтобы заметить, какой ему будет оказан прием.

— Я хочу осмотреть девочку. Я хочу провести обследование. Я должен провести обследование.

— Так что же мешает?

— Что мешает? Ты отлично знаешь, что я не был в этом доме более пятнадцати лет. Послушай, что я скажу тебе: хозяйка этого дома заявила мне, что в следующий раз, когда она пригласит меня в него войти, это будет означать, что она просит у меня прощения и все будет как прежде... то есть она выйдет за меня замуж. Может быть, ты и думаешь, что она может позвать меня теперь... но я — нет!

— Но разве ты не мог бы пойти... без приглашения?

Доктор нахмурился:

— Едва ли. У меня есть своя гордость, ты знаешь.

— Но если тебя это так волнует, не мог бы ты проглотить свою гордость и забыть о ссоре...

— Забыть о ссоре! — перебил доктор сердито. — Я говорю не о такого рода гордости. Если бы дело было в этом, я отправился бы туда на коленях — или на голове, — если бы это могло что-то изменить. Но я говорю о профессиональной гордости. Речь идет о болезни, а я доктор. Я не могу бесцеремонно явиться и сказать: «Послушайте, возьмите меня!» Разве могу?

— А из-за чего была ссора? — спросил мистер Пендлетон.

Доктор нетерпеливо махнул рукой и поднялся со стула.

— Из-за чего? Из-за чего бывает любая ссора между влюбленными? Важно ли это, после того как она произошла? — заворчал он, сердито шагая по комнате. — Из-за какой-нибудь глупости — из-за размера луны или глубины реки — ее причина была ничуть не серьезнее этого, если сопоставить ее с теми печальными годами, которые последовали за ней! Да что ссора! Что касается меня, то я готов сказать, что ссоры и не было... Пендлетон, я должен осмотреть девочку. Это вопрос жизни и смерти. Это может означать — я совершенно уверен — девять шансов против одного, что Поллианна Уиттиер будет ходить опять!

Слова прозвучали отчетливо и выразительно; и сказаны они были как раз тогда, когда доктор почти вплотную подошел к открытому окну рядом со стулом Джона Пендлетона. Поэтому случилось так, что они ясно донеслись до ушей мальчика, стоявшего на коленях под окном.

Джимми Бин в это субботнее утро был занят прополкой первых сорняков на цветочных клумбах. Услышав слова доктора, он присел, наострив уши и широко раскрыв глаза.

— Ходить? Поллианна! — воскликнул Джон Пендлетон. — Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что, судя по тому, что я мог услышать и узнать, находясь за милю от ее постели, ее случай очень похож на тот, который излечил недавно один из моих друзей по университету. Он много лет специально занимался лечением такого рода травм. Я поддерживал с ним контакт и тоже отчасти занимался этой проблемой. И, судя по тому, что я слышал... Но я хочу увидеть девочку!

Джон Пендлетон выпрямился на своем стуле.

— Ты должен увидеть ее, дружище! Нельзя ли устроить это, скажем, через доктора Уоррена?

Доктор Чилтон отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что нет. Хотя Уоррен вел себя очень порядочно. Он сам говорил мне, что сразу предложил пригласить меня для консультаций, но... мисс Харрингтон сказала «нет» так решительно, что он не осмелился повторить свое предложение, хотя и знал о моем желании осмотреть девочку. А недавно несколько его лучших пациентов перешли ко мне, что, разумеется, еще сильнее связало мне руки... Но, Пендлетон, я должен увидеть ребенка. Подумай, что это может значить для нее, если мне удастся ее обследовать!

— Да, а ты подумай о том, что это может значить, если тебе это не

удастся! — возразил мистер Пендлетон.

— Но как я могу — без прямого приглашения со стороны ее тетки, которого я никогда не получу?

— Нужно что-то сделать, чтобы она пригласила тебя!

— Но что?

— Не знаю.

— Да, ты не знаешь... и никто другой, пожалуй, тоже. Она слишком горда и слишком сердита, чтобы позвать меня после того, что она сказала мне много лет назад... Но когда я думаю об этом ребенке, обреченном страдать всю жизнь, и о том, что, может быть, в моих руках надежда на спасение и мешает только эта проклятая нелепость, которую мы называем гордостью и профессиональным этикетом, я... — Он не кончил фразы, но, глубоко засунув руки в карманы, повернулся и опять беспокойно заходил взад и вперед по комнате.

— Но если бы ей это объяснить... дать понять, — настаивал Джон Пендлетон.

— Да, но кто это сделает? — спросил доктор, резко обернувшись.

— Не знаю, не знаю, — простонал мистер Пендлетон с несчастным видом.

Снаружи под окном Джимми Бин внезапно пошевелился. До этой самой минуты он так напряженно вслушивался в каждое слово, что почти не дышал.

— Ну а я знаю! — прошептал он в порыве радости. — И ей-богу, я это сделаю! — Он тотчас вскочил на ноги, прокрался за угол дома и со всех ног помчался вниз с Пендлетон-Хилл.

Глава 30. Джимми встает у руля

— Пришел Джимми Бин. Он хочет вас видеть, мэм, — объявила Ненси, стоя на пороге.

— Меня? — с удивлением спросила мисс Полли. — Ты уверена, что он не имел в виду Поллианну? Он может сегодня зайти к ней на несколько минут, если хочет.

— Да, мэм. Я сказала ему. Но он говорит, что ему нужны именно вы.

— Хорошо, я сейчас спущусь. — И мисс Полли с утомленным видом поднялась со стула.

В гостиной она застала ожидающего ее раскрасневшегося мальчугана с вытаращенными глазами, который сразу же затараторил:

— Мэм, я знаю, это ужасно, что я делаю и что говорю, но я не могу иначе. Это ради Поллианны, а ради нее я бы и в пекло, и к вам, и куда угодно, и в любое время. Да и вы тоже бы так поступили, если бы думали, что есть девять шансов против одного, что она опять начнет ходить. Поэтому я и пришел сказать вам, что если только гордость и э... э... что-то там еще мешает Поллианне ходить, то я знаю, что вы пригласите доктора Чилтона к себе, если поймете...

— Что-о? — перебила мальчика ошеломленная мисс Полли; выражение удивления на ее лице сменилось гневом и раздражением.

Джимми тяжело вздохнул:

— Ну вот! Я не хотел вас рассердить. Я поэтому и начал с того, что она опять будет ходить. Я думал, вы из-за этого выслушаете.

— Джимми, о чем ты говоришь?

Джимми опять вздохнул:

— Это я и пытаюсь вам сказать.

— Хорошо, тогда говори. Но начни с самого начала и, чтобы я поняла, постарайся изложить все по порядку. Не начинай с середины и не вали все в кучу!

Джимми решительно облизнул губы.

— Ну, начать с того, что доктор Чилтон пришел сегодня к мистеру Пендлетону, и они говорили в библиотеке. Это ясно?

— Да, Джимми, — слабым голосом отвечала мисс Полли.

— Так вот, окно было открыто, а я под ним полол клумбу. И я слышал их разговор.

— О, Джимми! Подслушивал?!

— Говорили-то не обо мне! Да я и не нарочно! — возмутился Джимми. — И вообще, я рад, что подслушал. Вы тоже обрадуетесь, как я вам все до конца расскажу. Ведь это может помочь Поллианне опять начать ходить!

— О, Джимми, что ты хочешь сказать? — Мисс Полли с оживлением наклонилась вперед.

— Ну вот, я это вам и говорил, — кивнул Джимми удовлетворенно. — Доктор Чилтон знает одного доктора где-то там, который, похоже, может вылечить Поллианну... ну, чтобы она ходила, ясно? Но доктор Чилтон не может сказать этого точно, пока ее не увидит. И он страшно хочет ее увидеть, прямо разрывается. Но он сказал мистеру Пендлетону, что вы на это ни за что не согласитесь.

Лицо мисс Полли стало очень красным.

— Но, Джимми, я... я не могу... не могла! То есть я же не знала! — Мисс Полли беспомощно заломила руки.

— Поэтому-то я и пришел сказать вам, чтобы вы знали, — горячо и охотно согласился Джимми. — Они сказали, что почему-то — я не совсем понял почему вы не соглашаетесь, чтобы доктор Чилтон пришел, и что вы так и сказали доктору Уоррену. А доктор Чилтон не может прийти сам, если вы не позовете, по причине гордости и профессионального э... э... ну, чего-то там. И они хотели, чтобы кто-нибудь вас убедил. Только они не знали, кто бы мог это сделать. А я был под окном, и я себе сразу сказал: «А вот, ей-богу, я это сделаю!» И я побежал и, похоже, вас уговорил, да?

— Да, но, Джимми, об этом докторе... — умоляла мисс Полли горячо. — Кто он? Что он делает? Они уверены, что он может сделать так, чтобы Поллианна ходила?

— Я не знаю, кто он. Они не говорили. Доктор Чилтон с ним знаком и слышал, что тот только что вылечил кого-то, такого, как Поллианна. Ну, как бы то ни было, на его счет они, похоже, не беспокоились, а волновались только из-за вас, потому что вы можете не позволить доктору Чилтону увидеть Поллианну. Скажите, вы позволите ему прийти, да? Теперь-то вы знаете!

Мисс Полли покачала головой. Ее дыхание стало неровным, прерывистым. Джимми, глядевший на нее в тревоге, подумал, что она сейчас заплачет. Но она не заплакала. Через минуту она сказала срывающимся голосом:

— Да... я позволю... доктору Чилтону... увидеть ее. Теперь беги домой, Джимми! Я должна поговорить с доктором Уорреном. Он сейчас наверху. Я видела, как он приехал несколько минут назад.

Чуть позднее доктор Уоррен был весьма удивлен, встретив в холле возбужденную, с пылающим лицом мисс Полли. Он удивился еще сильнее, когда она сказала, задыхаясь от волнения:

— Доктор Уоррен, вы предлагали мне однажды пригласить для консультации доктора Чилтона... и я отказалась. Теперь я передумала. Я очень хочу, чтобы вы пригласили доктора Чилтона. И может быть, не медлить, а сразу? Хорошо? Спасибо!

Глава 31. Новый дядя

Когда на следующий день доктор Уоррен вошел в комнату, где, глядя на танцующие цветные отблески на потолке, лежала Поллианна, следом за ним шагал высокий широкоплечий мужчина.

— Доктор Чилтон! О, доктор Чилтон, как я рада вас видеть! — воскликнула Поллианна.

Радость и восхищение, звучавшие в ее голосе, заставили не одну пару глаз в комнате наполниться горячими слезами.

— Но, конечно, если тетя Полли не хочет...

— Все в порядке, дорогая. Не волнуйся! — успокоила ее мисс Полли, торопливо выдвигаясь вперед. — Я сказала доктору Чилтону, что я хочу, чтобы он осмотрел тебя вместе с доктором Уорреном.

— О, значит, ты пригласила его прийти, — пробормотала Поллианна удовлетворенно.

— Да, дорогая, я пригласила его. Это значит... — Но было уже поздно. Глубокое обожание и счастье, светившиеся в глазах доктора Чилтона, нельзя было спутать ни с чем, и мисс Полли увидела это. Густо покраснев, она отвернулась и быстро вышла из комнаты.

Стоявшие у окна сиделка и доктор Уоррен были заняты разговором. Доктор Чилтон протянул обе руки Поллианне.

— Девочка моя, я думаю, что сегодня ты совершила самое радостное из своих благих дел, — сказал он дрожащим от волнения голосом.

В сумерки растроганная, совершенно преобразившаяся тетя Полли тихо подошла к постели Поллианны. Сиделка ушла ужинать. Они были одни в комнате.

— Поллианна, дорогая, я хочу сказать тебе самой первой из всех. Скоро доктор Чилтон станет твоим... дядей. И это благодаря тебе! О, Поллианна! Я так счастлива! И так рада!

Поллианна хотела хлопнуть в ладоши от радости, но вдруг остановилась и опустила руки.

— Тетя Полли, тетя Полли, значит, это твоей руки и сердца так долго желал доктор Чилтон? Твоей, я знаю, твоей! И вот почему он сказал, что сегодня я совершила самое радостное из своих благих дел. Как я рада! О, тетя Полли, я так рада, что теперь для меня не имеют значения... даже мои ноги!

Тетя Полли подавила рыдание.

— Может быть, дорогая, когда-нибудь... — Но она не договорила. Она еще не осмеливалась говорить о той огромной надежде, которую заронил в ее сердце доктор Чилтон. Но она сказала другое, и, несомненно, это другое было само по себе удивительно для Поллианны. — Дорогая, на следующей неделе тебе предстоит путешествие. В удобной маленькой постели мы повезем тебя на автомобиле и на поезде к знаменитому доктору, у которого большая больница специально для таких больных, как ты. Он близкий друг доктора Чилтона, и мы посмотрим, что он может сделать для тебя!

Глава 32. Письмо Поллианны

Дорогие тетя Полли и дядя Том!

О, я могу, я могу, я могу ходить! Сегодня я прошла от моей постели до окна! Шесть шагов! О Боже, как хорошо быть опять на ногах!

Все доктора стояли вокруг и улыбались, а рядом стояли все сиделки и плакали. А одна дама из соседней палаты, которая начала ходить на прошлой неделе, заглядывала в дверь и улыбалась, а еще одна, которая надеется, что сможет ходить в следующем месяце, тоже была приглашена; она лежала на постели моей сиделки и хлопала в ладоши. Даже чернокожая Тилли, которая моет полы, заглядывала в окно веранды и кричала мне: «Голубушка, детка!» — когда не плакала и могла говорить.

Я не понимаю, почему они плакали. Мне хотелось петь и кричать от радости! Ах! Ах! Ах! Только подумайте, я могу ходить, ходить, ходить! Теперь мне совсем не грустно, что я провела здесь, вдали от дома, почти десять месяцев. К тому же я все равно не пропустила вашего венчания. Ах, тетя Полли, как чудесно, что вы приехали сюда и поженились у моей постели и я могла все видеть! Ты всегда придумашь, как доставить радость!

Говорят, что очень скоро я вернусь домой. Я хотела бы весь путь пройти пешком. И прошла бы. Я думаю, что никогда больше не захочу ни на чем ездить. Это будет так приятно — просто ходить. О, я так рада! Я рада всему. Я даже рада теперь, что некоторое время не могла ходить, потому что иначе никогда-никогда не узнаешь, какая совершенно замечательная вещь — ноги, такие, которые ходят, разумеется. Завтра я собираюсь пройти восемь шагов.

С любовью ко всем.

Поллианна